

*Вестник
Московского государственного
областного университета*

№ 1

**СЕРИЯ
«РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»**

Москва
Издательство МГОУ
2007

*Вестник
Московского государственного
областного университета*

№ 1

**СЕРИЯ
«РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»**

Москва
Издательство МГОУ
2007

**Вестник
Московского государственного
областного университета**

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:

Пасечник В.В. - председатель, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. - зам. председателя, первый проректор, проректор по учебной работе,
доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. - доктор химических наук, профессор
Лекант П.А. - доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. - директор издательства, кандидат философских наук, доцент
Пусько В.С. - доктор философских наук, профессор
Яламов Ю.И. - проректор по научной работе и международному сотрудничеству,
доктор физико-математических наук, профессор

Редакционная коллегия серии «Русская филология»:

д.ф.н., проф. Лекант П.А. – ответственный редактор
д.ф.н., проф. Шаповалова Т.Е. – зам. ответственного редактора
д.ф.н., проф. Алексеева Л.Ф.
д.ф.н., проф. Аношкина В.Н.
д.ф.н., проф. Копосов Л.Ф.
д.ф.н., проф. Леденёва В.В.

Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – № 1. – 2007. – М.: Изд-во МГОУ. – 208 с.

Вестник МГОУ (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей докторантов, а также аспирантов и соискателей (См.: Бюллетень ВАК № 4 за 2005 г., С. 5).

В «Вестнике» могут публиковаться статьи не только работников МГОУ, но и сотрудников других научных и образовательных учреждений.

ISBN 978-5-7017-1060-1

© МГОУ, 2007

© Издательство МГОУ, 2007

СЛОВО РЕКТОРА

В этом году впервые в новой истории России мы отмечаем исключительный по своему значению праздник – Год русского языка. Он призван объединить усилия многих людей по сохранению нашей национальной святыни, имеющей глубокие историко-культурные корни, по сбережению традиций родной речи, несущей богатый опыт прежних времен и сохраняющей энергию духа ее творца – народа. Академик И.И. Срезневский в знаменитых «Мыслях об истории русского языка» говорил: «Чем народ сильнее духом, своебытностью, любовью к знаниям, образованностью, тем его доля в науке более... И главный долг народной науки – исследовать свой народ, его народность, его прошедшее и настоящее, его силы физические и духовные, его значение и назначение... Народ и язык, один без другого, представлен быть не может».

Эта мысль, прозвучавшая в середине XIX века, на долгие годы стала своеобразным лозунгом в отечественной филологии, прошедшей и периоды открытий, и страшные времена гонений. Но всегда русский язык был и остается величественным созданием народа. Он живет сквозь века, меняются его выражения и единицы речи, где-то устаревает лексикон, на смену ему приходят новые формы. Но корнеслов остается прежним: не дробится и не ломается. Язык продолжает свою каждодневную, очень хрупкую, но вечную жизнь.

В современной практике общения людей мы часто сталкиваемся с речевыми ошибками, которые, как это ни печально признать, уже становятся нашей «нормой». С таким отношением к родному языку нельзя мириться, его живые ритмы нельзя заглушать скоротечными безвкусными словами и оборотами, изобретаемыми как «социальный заказ» необразованными, не любящими отечественную словесность людьми. Все, кому небезразличен родной язык, должны бороться с этим явлением мудрым словом, активными и продуманными действиями, силой своего разума, гуманизмом. К этому призывали нас великие правдолюбцы: Ломоносов, Радищев, Тредьяковский, Пушкин... Наш долг – исполнить их завет, не дать угаснуть живой лампаде родной речи.

В.В. Пасечник

РУССКИЙ ЯЗЫК: 2007

Седьмой год нового века ознаменовался нестандартным событием: он объявлен ГОДОМ РУССКОГО ЯЗЫКА. Трудно найти другой столь интересный и столь общий предмет внимания. Но вот прошла уже четверть этого знаменательного года, а пока не видно и не слышно ничего значительного. Что ж, будем ждать и надеяться, что государство сможет оказать помощь – нет, не русскому языку (он сам сказочно силен!), а своим гражданам, и прежде всего тем, кто обучает русскому языку, кто пишет учебники и словари, кто исследует процессы, происходящие в современном русском языке и в современной речи, кто объясняет пользователю русским языком преимущества правильной, грамотной, красивой речи. В этой повседневной трудной работе филологам и учителям приходится бороться с безразличием и ленью обучаемых, с воинствующей безграмотностью, с бесшабашной лихостью многих писак, нарочито коверкающих русскую речь, искажающих ее гармоничный и благозвучный строй, злоупотребляющих скверными и сорными словами.

Сейчас разнообразные СМЖ грешат если не малограмотностью, то легкомысленным отношением к нормам русской речи; сенсационность и злая ирония пронизывают тексты и звучащую речь; безграмотность реклам не знает границ; пошлость и цинизм льются рекой.

Только государство, только власть, закон, не оставаясь в стороне, могут встать на защиту русского языка. Только общество, то есть носители русского языка, в силах преодолеть свой собственный кризис в отношении к своей собственной речевой культуре.

П.А. Лекант

РУССКИЙ ЯЗЫК

Е.В. Алтабаева

ГРАДАЦИЯ ЖЕЛАНИЯ В ОПТАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Современное описание средств категории оптативности [1] в русском языке возможно не только с позиций их структурной организации, семантического наполнения, функциональной специфики и прагматических характеристик, но и в плане взаимодействия с другими языковыми категориями – волеизъявления, гипотетичности, эмоциональности, оценочности, модальности, персональности, темпоральности и т. д., что позволяет открывать новые страницы теории оптативности в русском языке.

Так, система языковых средств, отражающая фрагмент картины мира, связанный с возникновением, формированием и репрезентацией желаний говорящей личности, может быть рассмотрена и через призму категории градуальности, в свою очередь, представляющей градуальный фрагмент картины мира, через понятия градации и градуального значения.

Градация – свойство, присущее большинству синтаксических единиц с оптативной семантикой, и проявляется оно прежде всего в предложении. Понимая градацию как последовательность и постепенность в расположении шкалы степени проявления качества или признака [2], мы считаем правомерным говорить о явлении *градации желания* в русском языке, то есть о проявлении дифференцированного признака оптативных предложений «желательность осуществления действия / наступления состояния» в большей или меньшей степени. Тем самым категориальная ситуация желательности может быть представлена градуированно с позиций интенсивности – неинтенсивности, позитивности – негативности, эмоциональности – рациональности.

В зависимости от аспектов значения желательности [3] градуирование происходит на уровне структурной схемы, на уровне модели и на уровне лексического наполнения, то есть содержания конкретного высказывания. Кроме того, следует различать градацию оптативности средствами самой категории оптативности и использование средств категории градуальности в оптативных предложениях.

Основными структурными схемами оптативных предложений являются формулы *инфинитив + бы*, *глагол на -л + бы*, *субстантив + бы* [4]. Каждая из этих схем допускает модификацию введением в конструкцию оптативной частицы, контаминирующей с *бы* и привносящей не только новые оттенки в общую семантику желательности, но и те или иные градосемы [5].

Частицы, называемые оптативными, выделяются и характеризуются как модально-приглагольные частицы преимущественно союзного происхождения [6], рассматриваются в контексте парадигматики простого предложения – в системе его

форм как средство видоизменения главного члена предложения при образовании формы синтаксического желательного наклонения – одного из членов парадигмы простого предложения [7], а также трактуются как специфические средства выражения оптативного значения в русском языке [8].

Оптативные частицы создают свою шкалу градации желания. Наибольшая, наивысшая степень интенсивности желания связана с частицами *чтоб, только бы, так бы (и), лишь бы*.

Самое высокое положение на шкале занимает частица *чтоб*. Она передает не просто интенсивное, а в высшей степени категорическое, активное, экспрессивное желание: – *Ноги твоей чтоб не было тут!* (П. Проскурин) – пожелание-приказание (значение, приближающееся к побуждению, но в силу своего отвлеченного характера не допускающее признания таковым); – *Чтоб тебя раздавило...* (М. Булгаков); – *И чтоб не спалось тебе отныне нигде!* (В. Маяковский) – пожелание-проклятие.

Очень высокая степень интенсивности (2-е место на шкале градации желания) характерна для частицы *только бы*, и это не случайно: с ней предложение приобретает «оттенок единственного важного или самого главного на данный момент желания» [9]: *Будет стучать в берег волна. Только б допеть! Только б успеть! Только б испить чашу до дна!* (Р. Рождественский). Троекратный повтор частицы усиливает интенсивность желания говорящего.

Достаточно высокое (3-е) место на шкале градации желания отводится частице *так бы..* В аутореферентных высказываниях ею передается не просто сильное, интенсивное желание, но готовность говорящего к совершению действия при первой же возможности: – *Нет, довольно терпеть! Так бы и вцепилась в бороду его седую!* (В. Вересаев). Здесь стоит обратить внимание на частицу *и*, вносящую и подчеркивающую эмоциональную решимость говорящего к осуществлению действия.

Градуюальную оценку менее интенсивного желания реализуют частицы *лишь бы* (синонимична *только бы*, различие между ними и заключается в степени интенсивности проявления желания), *хоть бы* (ограниченное желание), *(по)скорее бы* (нетерпеливое желание), *если бы, вот бы, как бы, хорошо бы* и под. (позитивное желание). Это центральная, срединная часть шкалы градации желания: *Эх, хоть бы сюда мне перебраться, что ли?* (В. Короленко); *«Скорее бы мир», – подумал я...* (К. Паустовский); *Если бы не было на свете скуки...* (И. Гончаров).

Более слабая степень градации желания – неинтенсивное, малоинтенсивное желание показывают частицы *пусть бы* (желание-предпочтение), *лучше бы* (желание-предпочтение), *что бы* (желание-целесообразность): – *Да и пусть бы в конце концов он съездил в поселок* (В. Маяковский); – *Ты бы лучше наверх пошла...* (Е. Замятин).

Весьма интересно взаимодействие градуальных компонентов с эмоциональным содержанием. Так, степень интенсивности желания может корректироваться интонацией, междометиями типа *Ах, Эх, Ух, Ой, Ну и* и под., повторами. Эти «эмоциональные сигналы» усиливают желание в любом его аспекте, например: *И по неволе сердцу Так жутко моему... Эх, распахнуть бы дверцу Да в лунную тюрьму!* (И. Анненский). Здесь междометие *Эх* актуализирует эмоциональное содержание желания, выраженного формой желательного наклонения – инфинитивом знаменательного глагола с частицей *бы*.

Желание градуируется и при отсутствии оптативных частиц. В системе средств лексико-синтаксической оптативности в этой роли выступают сами оптативные глаголы. Они функционируют как модальные модификаторы действия /состояния, преобразуя нейтральный предикативный признак в положительно оцениваемый субъектом: *мечтаю уехать, норовил скрыться, силился заговорить, собиралась*

зайти. Таким образом, оптативную семантику эти глаголы приобретают только в сочетании с инфинитивом диктального глагола (сочетаемость с инфинитивом характерна для всего класса данных глаголов). При этом глаголы *хотеть*, *желать* выражают среднеинтенсивное желание, а глагол *мечтать* передает наиболее слабое желание при полном отсутствии волевых элементов. Семантика же глаголов *алкать* и *жаждать* может быть истолкована как сильное, страстное, интенсивное желание, причем в семантике *алкать* еще В.И. Далем выделен волевой компонент значения – «стремиться силою воли». Тем самым отражение градации желания по шкалам «интенсивное – нейтральное», «эмоциональное – рациональное» намечается и в лексикографической практике.

Кроме оптативных глаголов следует отметить участие в градации желания и средств категории градуальности. Это интенсификаторы, они же степенные определители, или обстоятельственные конкретизаторы, указывающие, в основном, на высокую степень проявления состояния желания, например: *хотеть очень, сильно, ужасно, страстно, невыносимо, мучительно, непрестанно, безудержно, столько, много, так и т.п.*, например: *Столько хочется сказать, Столько в сердце услышало, Но лучам не пронизать Частых перьев опахла* (И. Анненский).

С модальными именами в оптативных предложениях сочетается довольно многочисленная группа глаголов; на фоне общего категориального значения процессуальности в ней различаются конкретные прагматические оттенки: а) наступление состояния желания (*охватить, возникнуть; прийти, напасть, найти, подняться, явиться, приспеть, приспичить, вспыхнуть, забиться, проснуться, родиться* – в значении «возникнуть»; *овладеть*); б) нарастание желания (*расти, разрастаться, увеличиваться, усиливаться, крепнуть*); в) пребывание в состоянии желания (*мучить, томить, не покидать, не прекращаться, не оставлять, разжигать, жечь*); г) прекращение состояния желания (*отступить, пройти, пропасть, исчезнуть*).

Перечисленные глаголы, взаимодействуя с модальными именами, вносят в семантику оборота оттенков фазовости и/или интенсивности, характеризуя стадию желания и/или его градацию, причем часто в переносном смысле, метафорически, а модальность желательности получает новые параметры. Подавляющее большинство этих глаголов «одушевляют» состояние желания и занимают свое определенное место на шкале градации желания, представляя нюансы переходов от одного оттенка к другому: *желание пришло, родилось, забило, вспыхнуло; крепло, разрасталось; мучило, томило, разжигало, жгло; отступило, пропало, исчезло* и т.д., например: *Проснулось желание видеть этого человека...; Вспыхнули желания быстрых, отчетливых, как в молодости движений...; Ярко выявилось желание посмотреть на комнаты, в которых жили красивые, молчаливые люди...* (И. Сургучев).

Особенно активны обороты с модальными именами в художественной речи, где, благодаря богатству оттеночных значений, служат выразительным средством характеристики состояния героя. Этому в немалой степени также способствуют адъективные компоненты, сочетающиеся с модальными именами: степенные определители, или градационные слова, они же интенсификаторы желания, – специализированные показатели градации оптативности. Благодаря использованию не модально-оптативных глаголов, а соотносимых с ними модальных имен, желание градуируется как *странное, необъяснимое, острое, жгучее, сильное, страстное, бешеное, невыносимое, неудержимое, неукротимое, непреодолимое, непреходящее, неистребимое, нестерпимое, яростное, безмерное, безумное, смертельное* и т.д.

Итак, выражение желания в русском языке тесно связано с его градуальными характеристиками. Выявление и описание механизма этого взаимодействия позволяет более глубоко исследовать природу категориальной семантики желательности

и структурно-семантические, функциональные и прагматические особенности единиц категории оптативности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алтабаева Е.В. Категория оптативности в современном русском языке. – М., 2002. – С. 88-100.
2. Колесникова С.М. Семантика градуальности и способы ее выражения в современном русском языке. – М., 1998. – С. 7.
3. Алтабаева Е.В. Оптативные предложения в современном русском языке. Мичуринск, 2003. – С. 20-22.
4. См. там же. – С. 34-35.
5. См прим. 2. – С. 8.
6. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1972. – С. 528, 564.
7. Шведова Н.Ю. Синтаксическое желательное наклонение // Русский язык (Грамматические исследования). – М., 1980. – С. 105.
8. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л., 1990. – С. 174.
9. Там же. – С. 76.

В ПОИСКАХ ЛЕКСИЧЕСКОЙ НОРМЫ: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО

Языковой вкус советской эпохи был ориентирован на языковые традиции, складывавшиеся веками благодаря деятельности писателей (М.В. Ломоносов, Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, И.С. Тургенев, А.М. Горький и др.) и лингвистов XX века, работающих над словарями, грамматиками, справочниками по русскому языку (например, Д.Н. Ушаков, В.В. Виноградов, С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова, П.А. Лекант, В.Н. Телия, Ф.Л. Агеенко, М.В. Зарва, Г.Н. Скляревская и др.) [1]. Известно, что языковой вкус эпохи складывается из вкусов разных слоев общества, разных поколений, его определяют люди с разными жизненными ценностями и моралью. Группы, которые воспринимаются большей частью населения как престижные, являются законодателями речевой моды на выразительные или ненормативные слова и выражения. В советский период такой образцовой группой была интеллигенция (учёные, писатели, работники культуры, врачи, инженеры, госслужащие и др.). Языковой вкус интеллигенции формировал эталоны языка и речи, то есть определял нормы языка. В.Г. Костомаров, рассматривая языковой вкус как категорию речевой культуры, дает определение *вкуса вообще* – как способность к оценке, понимание правильного и красивого, как пристрастия и склонности, которые определяют культуру человека в мысли, труде и поведении (в том числе и речевом): «Под вкусом можно понимать систему идейных, психологических, эстетических и иных установок человека к языку, способность интуитивно оценивать правильность, уместность, эстетичность речевого выражения» [2]. Принимая данное определение языкового вкуса, можно утверждать, что в постсоветский период такой группы, к сожалению, нет. По нашему мнению, эта группа должна быть, во-первых, публичной, во-вторых, авторитетной, в-третьих, интеллигенция уже не является таковой, поскольку наблюдается ее кризис [3]. Агрессивность в поведении нашего современника вызвала агрессивность и в языке, точнее в речи, проявляющуюся в наплыве арготизмов, жаргонизмов, иноязычных слов. В нашем понимании, *арготизмы (криминонимы)* – это лексика и фразеология, свойственная речи людей, связанных с преступным миром; *жаргонизмы* – это ненормированная лексика и фразеология, свойственная речи людей, объединенных в группы по интересам, привычкам, роду занятий или профессиональной деятельностью (то есть *профессионализмы*, или *профессиональный жаргон*). Известно, что язык – это духовная среда, которая изменяется в зависимости от характера эпохи, по этой причине изменяется и языковой идеал. Речевая мода причудливо отражает характер времени. Эпоха демократизации общества привела к либерализации языка, изменив приоритеты в составе субстрата, то есть контингента носителей русского языка: публичной группой становятся бизнесмены, значительная часть которых, не секрет, имеет уголовное прошлое, поэтому их язык изобилует арготизмами, просторечной лексикой. Арготическая лексика привлекла массового носителя русского языка своеобразной эстетикой нового, необычного, сильнодействующего. Кроме того, многих носителей нормированного языка снятие традиционного общественного табу с арготизмов и жаргонизмов привлекло статусом ранее «запретного плода», который всегда «сладок», и об этом много писал М.А. Грачев [4]. Более того, в 90-е гг. наблюдалась своеобразная поэтизация жизни уголовного мира современными СМИ, о чем свидетельствуют многочисленные телесериалы о буднях милиции (например, «Улицы разбитых фонарей», «Убойная

сила», «Бандитский Петербург», «Гражданин начальник» и др.), публикации на тюремные темы в журналах и газетах, радиопередачи о жизни осужденных (например, на радио «Россия» – «Калина красная» (2000-е гг.)). Благодаря таким теле- и радиопередачам популяризируется арготическая лексика. Аналогично распространяется жаргонная лексика, особенно свойственная речи молодежи, в частности, наркоманов. В устных СМИ на протяжении периода гласности и перестройки и в постсоветский период менялись приоритеты. Так, на телевидении и радио рок-музыку постепенно вытесняет «шансон», который большей частью является скорее «псевдошансоном», с его криминальной лексикой, в том числе и арготической (например, песни музыкальной группы «Лесоповал», выступление отдельных певцов, отсидевших в тюрьмах, и пр.). Конечно, они появились не случайно, они существовали и раньше, но в тени («на кухне», «в подворотне»), как и бардовская песня, которая до 1990-ых гг. не была публичной, а в начале 90-ых гг. бардовские песни (часть которых тоже содержала ненормативную лексику) записывались на диски и успешно распродавались. Барды вышли на эстраду вместе с поп-музыкантами и постепенно в ней растворились (ТК «Культура». Больше, чем любовь. Юрий Визбор и Ада Якушева. 13.02.2007). Поп-музыка привнесла свой жаргон (*попса, раскрутка, фанера* и пр.). На телевидении и радио стала популярной передача с ведущими Эдуардом Успенским и Элеонорой Филиной «В нашу гавань заходили корабли...», в которой звучат песни с арготической, просторечной лексикой (псевдошансон). Лучшее время на телевидении отдано развлекательным шоу (например, «Кривое зеркало» Е. Петросяна, «Смешные люди», «Аншлаг» и др.), тексты которых изобилуют арготической и жаргонной лексикой, что поневоле усваивается зрителями, хотя цель этих передач в осмеянии языковых новшеств, своего рода «антинормы» в пользу «нормы». Однако непритязательный зритель и слушатель воспринимает подобные передачи как развлекательные, с предназначением «смех ради смеха». Таким образом, познавательные передачи вытеснены различными шоу, рассчитанными на массового зрителя и являющимися продуктом массовой культуры.

С другой стороны, наблюдается большой поток иноязычных слов (больше английских), часть которых употребляется неоправданно, то есть заменяя слова, существующие в русском языке, например: *лобби* – давление на кого-либо, *гламур* – роскошь, *бренд* – торговый знак, *компендиум*, или *дайджест* – краткое изложение чего-либо, *шоп* – магазин, *бónус* – скидка или премия, *фьюжн* – смешение чего-либо и т.п. Некоторая часть иноязычных слов уже существовала в русском языке, но использовалась редко, а в 1990-е – 2000-е годы актуализировалась в СМИ, усилив поток заимствований, например: *конфронтация, террор, агрессия, криминал, кризис, катастрофа, катаклизмы* и т.п. Их активизация обусловлена тем, что они отражают актуальные явления названного периода. Не случайно вопрос об очищении русского языка от заимствованной лексики вынесен в центр дискуссии в журнале «Знамя» за 2006 год (№ 3, с. 164; № 12, с. 166), в котором была открыта специальная рубрика «Родная речь». Газеты по-своему, например, в креативных рубриках, акцентировали внимание на злоупотреблении иноязычной лексикой представителями разных профессиональных и социальных групп, государственными лицами, сознательно отводя ей роль в образовании текстов с иронической тональностью, например: 1) – Знаете как звучит пословица «Смех без причины – признак дурачины» на современной научном языке? – «Индетерминированное, судорожное сокращение диафрагмы с короткими выдохами через рот является неотъемлемым атрибутом личности с неадекватным восприятием окружающей действительности» (Экспресс ТВ. 02.-08.03.2000). В данном тексте осмеивается научный стиль, который ныне также насыщен иноязычными терминами, но этот текст имплицитно ирони-

зирует и над современной публичной речью. 2) *Анкета. Графа «хобби». «Виндсерфинг, бэнд-джампинг, скайдайвинг, поматросинг-бросинг»* («КП». 18-25.01.07). В мини-анекдоте в один ряд с иноязычными словами включается неологизм «*поматросинг-бросинг*», оканчивающийся на сочетание *-нг*, свойственное иноязычным словам, который этимологически соотносится с узуальным разговорным русским выражением «*поматросит – бросит*», означающим «временные отношения между мужчиной и женщиной».

Культурная память свидетельствует нам о том, что русскому человеку свойственнорбережное, доброе отношение к *Слову*, например, пословицы: *Бритва скребёт, а слово режет*; 2) *Слово не обух, а от него люди гибнут*; 3) *Слово не стрела, а сердце сквозит*; 4) *Ласковое слово и кость ломит*. С другой стороны, запечатлелось и отрицательное отношение к пустым, плохим словам, например: 1) *Из-за пустых слов пропал как пес*; 2) *Худое слово доведет до дела. За худые слова слетит и голова*; 3) *Иное слово пропускай мимо ушей* [5].

В 2000-е гг., когда специалисты осознали, что требуется внести коррективы в лексические нормы, предлагается ряд мероприятий в этом направлении, например: выпуск словарей реального словоупотребления; создание стандартного словаря, единого для всех русских, проживающих на разной территории; образование газетных и журнальных колонок, фиксирующих и оценивающих новые слова, то есть неологизмы (в том числе иноязычные), окказионализмы, созданные писателями, журналистами, авторитетными в обществе личностями, а также жаргонные, арготические слова и выражения, которые частотны в разговорной речи. Газеты способны повлиять на судьбу слова. Так, наши наблюдения за жаргонизмом *мент*, синонимичного литературному *милиционер*, показали, что оно удачно вошло в разговорный лексикон: сначала с отрицательной коннотацией, так как в устах представителей преступного мира обозначало человека, преследовавшего их; в 2000-е гг. слово получило положительную оценку, при этом расширив семантику: «работник правоохранительных органов», причем хороший профессионал; более того, оно постепенно вытеснило синоним «милиционер» по причине своей краткости, звучности. Продемонстрируем изложенное примером из газетной статьи: название газетной рубрики: «Слово *мент* уже не оскорбление» («АиФ». № 48.12.2004. С. 37); в ней дается стилистическая оценка жаргонным словам *мент* и его синониму *мусор*: «Кстати, «обзывательства», которые прежде считались очень обидными, сегодня могут оказаться чуть ли не комплиментом. Например, раньше слово «мент» было таким же оскорбительным, как «мусор». Но сейчас противоречием не будет даже выражение «мент-герой»».

Заслуживает внимания идея писателей о создании таких толковых словарей, которые включали бы удачные новообразования известных поэтов, писателей, например, М.И. Цветаевой, И. Северянина, В. Маяковского, В. Хлебникова и др. В этом случае предпочтение отдается одному из путей обогащения русского литературного языка, а именно за счет ресурсов русского национального языка. Полагаем, в этом и есть одна из тенденций развития и обогащения русской лексики. Например, интересны индивидуальные новообразования, совпавшие у И. Северянина и В. Маяковского [6]: *зальд́иться* – превратиться в лёд, *оди́нчить* – быть одиноким, проводить время в одиночестве; *весё́ниться* – чувствовать себя по-весеннему, жизнерадостно; *ове́тренный* – овеянный ветром и др. В 2000-ом году М.Н. Эпштейн создал авторский проект творческого развития русского языка «Дар слова. Проективный словарь русского языка», в который он пытался привлечь читателей сайта в Интернете как потенциальных авторов новых слов. Мы видим в этих попытках оказать влияние на развитие языка положительный результат, поскольку придерживаемся

следующего мнения: 1) объективность *существования* и *эволюции* языка, невозможность произвольно вносить новшества (конкретной личностью, государственными указами, академическими организациями и т.п.), то есть невозможность вмешательства во *внутреннюю структуру* языка (в эволюцию) характерна для языка как *природного* и *общественного* явления; 2) в целях выполнения языком исторически обусловленных коммуникативных задач возникает необходимость «субъективного» вмешательства (если исходить из того, что язык – объективное явление, развивающееся по своим законам и не подверженное субъективным воздействиям) [7]. В эпоху резких изменений в языке, в частности, в лексике постсоветского периода, когда быстрые темпы этих изменений не позволяют языку отсеять лишнее, необходимо субъективное упорядочивание языка (в частности, лексики), приведение его в соответствие с возникающими потребностями общества, то есть возможно вмешательство в его *развитие*. Многие современные исследователи и писатели видят изменения, касающиеся именно *развития*, например: смешение стилей и ситуаций общения (официальной и неофициальной), которое возникло как следствие отмены филологической цензуры и снижения уровня языковой компетенции у носителей русского языка [8].

Несомненно, что на состояние русского литературного языка, на его развитие оказывают влияние СМИ, литература. Полагаем, что необходима определенная *языковая политика*, то есть сознательное, целенаправленное воздействие государства на язык, призванное поднять его авторитет среди других языков, способствующее его эффективному функционированию в различных сферах человеческой деятельности и осуществлению им коммуникативной функции. Именно поэтому так актуален указ президента РФ В.В. Путина «О проведении Года русского языка» в 2007-ом году.

По нашему мнению, ныне большую роль в оценке новых слов, заимствованных, а также неcodифицированных (арготизмов, жаргонизмов, окказионализмов) должны сыграть печатные СМИ, а именно журналисты («золотые» и «бриллиантовые» перья), язык и стиль которых может служить эталоном, поскольку именно журналисты получили широкие полномочия в формировании общественного мнения и языкового вкуса. В 1990-2000-е гг., заняв ведущие позиции, они несут ответственность за публикуемые материалы, за употребленное слово. Журналисты, ведущие независимые расследования, разоблачающие коррупцию, политические интриги, обличающие олигархов, приковали к себе внимание публики, оттеснив в сторону писателей, но получив при этом право ответственности за язык. К сожалению, лексика части публицистических текстов изобилует иноязычными, просторечными, жаргонными словами и выражениями, что обуславливается смакованием табуированных ранее тем, и это можно определить как «пошлость», которая реализуется в грубых ненормированных словах. Подобного рода публикации ориентированы на массовую культуру, на читателя с низким интеллектуальным уровнем (например, бульварные газеты, желтая пресса). В этих текстах мы видим как бы другой, незнакомый, язык, грубый, непонятный, разрушающий этику и эстетику русской речи. Поэтому в употреблении лексики современными носителями русского языка должны доминировать этический и эстетический компоненты. Пошлость в языке опасна, она разрушает духовный мир человека. Ю. Азаров справедливо утверждает, что ныне пошлость – это тот злоедейский мир, который творит «новую личность» – «мусороид» [9]. Правильная, красивая речь, построенная с учетом стилистического расслоения лексики, является залогом существования единого национального русского языка. Следует обратить внимание на стилистическую характеристику слова, то есть на стилистические нормы. В официальной обстановке общения должна

функционировать литературная лексика; в быту, на улице, в дружеском общении уместна и нелитературная. Ныне стилистические границы в лексике практически отсутствуют, поэтому ненормативная лексика используется в любой ситуации общения. Следует помнить, что язык – это культурная ценность, и его надо беречь от пошлости, цинизма. По нашему мнению, именно *язык* призван объединить все слои современного субстрата, сохраняя свои традиции и осторожно, избранно принимая новое. Полагаем, что именно сейчас актуальна следующая мысль В.В. Виноградова: «Для национального литературного языка и его развития типична тенденция к функционированию в разных сферах народно-культурной и государственной жизни – как в устном, так и в письменном общении – в качестве единого и единственного... обычно разрыв между разновидностями литературного языка выступает как препятствие к развитию единой национальной культуры на пути прогресса народа в целом» [10]. Следует помнить о различиях живой разговорной речи, обслуживающей обиходно-бытовое общение, и книжным, литературным языком, представленным в научном, официально-деловом, публицистическом стилях и языке художественного произведения. Единый национальный русский язык по своей функциональной и социальной значимости разделяется на разновидности с учетом его коммуникативной функции. Но язык один для всех как хранитель культуры, литературы, духовных ценностей, что запечатлелось в пословицах: «*Язык один, и в будни, и в праздник*»; «*Бог дал два уха, а один язык*» (В.И. Даль).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Например, словари: Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. В 4 т. – М., 1947-1949; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1997; Толковый словарь русского языка конца XX в. **Языковые изменения** / Под ред. Г.Н. Складчиковой. – СПб., 2000; Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П.А. Леканта. – М., 1991; Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В.Н. Телия. – М., 1995; Агеенко Ф.Л., Зарва М.Л. Словарь ударений русского языка. – М., 1994 и др.
2. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. – М., 1994. – С. 21.
3. Гудков Л., Дубин Б. Идеология бесструктурности (Интеллигенция и конец советской эпохи) // Знамя. – 1994. – № 11. – С. 166-179; Кузнецов А. Интеллигенция и власть // «Известия». 23.06.2006. – С. 9.
4. Грачев М.А. Третья волна // Русская речь. – 1992. – №4. – С. 61-64; Арготизмы в молодежном жаргоне // Русский язык в школе. – 1996. – №1. – С. 78-92; Как появляются арготизмы в нашей речи // Русский язык в школе. – 1996. – №4. – С. 67-71; Забытая рукопись // Русская речь. – 2001. – №3. – С. 50-53 и др.
5. Даль В.И. Пословицы русского народа. В 3-х томах. Т.2. – М., 1993. – С. 185-209.
6. Никульцева В.В. Идентичные окказионализмы в творчестве Игоря Северянина и Владимира Маяковского // Русский язык в школе. – 2004. – №1. – С. 59-64.
7. См. подробно об этом: Гречко В.А. Теория языкознания. – М., 2003. – С. 117-119; Вендина Т.И. Введение в языкознание. – М., 2003. – С. 25-26.
8. Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. – М., 1996. – С. 14-22; Кекова С., Цветков А. Язык наш свободен... // Знамя. – 2006. – №12. – С. 174,179-180.
9. Азаров Ю. Пошлость в наступлении // Высшее образование в России. – 2000. – № 5. – С. 91.
10. Виноградов В.В. Литературный язык // Избранные труды: История русского литературного языка. – М., 1978. – С. 296-297.

*И.Ю. Ваганова,
Т.А. Гридина*

«ОПИСЫВАЕМОЕ БУДУЩЕЕ» КАК МОДЕЛЬ МЕНТАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А. И Б. СТРУГАЦКИХ «ПОНЕДЕЛЬНИК НАЧИНАЕТСЯ В СУББОТУ»)

Художественный текст (ХТ) – сложная многоуровневая структура, которая, с одной стороны, рассматривается как «совокупность линейно расположенных знаков», а с другой – «как совокупность смыслов» [1]. Несомненный интерес вызывает изучение разных типов ментальных пространств, моделируемых в соответствии с многовекторным развертыванием авторского замысла в ХТ.

В современной науке нет единого определения понятия «ментальное пространство». В когнитивистике (Г. Фоконье, Дж. Лакофф и др.) ментальное пространство рассматривается как когнитивная модель, заменяющая возможные миры и ситуации, не существующая вне мышления и являющаяся способом постижения человеком действительности [2]. В работах М.А. Холодной, А.В. Древаля, связанных с разработкой теории искусственного интеллекта, ментальное пространство рассматривается как многоуровневая динамическая модель действительности, отражающая эмпирический опыт ее освоения [3]. В психолингвистической научной парадигме ментальное пространство описывается как система представлений о том или ином объекте или факте, которая «задает собственный смысловой контекст, обладает собственной эмоциональной окраской и диктует свои правила построения действий» [4].

Ментальное пространство, таким образом, является лишь отражением представлений об объекте, а не его полной моделью, что делает данное понятие релевантным для описания условных миров ХТ, которые, как известно, субъективны и определяются творческим замыслом автора и жанрово-стилевой спецификой произведения. Так, «в ментальном пространстве русских сказок принято летать на ковре-самолете или использовать в качестве средства передвижения серого волка, понимать речь животных и непозволительно, скажем, пользоваться телефоном; в ментальном пространстве научной фантастики средством передвижения служит космический корабль или некая нуль-транспортровка и мир заполнен братьями по разуму» [5].

В данной статье ставится проблема выделения параметров, ментального пространства произведений художественной фантастики (применительно к конкретному ХТ). Мы исходим из того, что параметры ментальных пространств в текстах данного жанра должны описывать особую «двойную» реальность фантастического мира. Рассматривая «фантастические реалии» (включая и язык ХТ), С. Лем в частности указывает, что это «понятия, присутствующие в коллективном сознании, благодаря чему каждый член такого сообщества в состоянии описать иллюзорный объект, соответствующий своему наименованию <...>, объекты, которые до настоящего момента никто еще не придумал, но которые можно сконструировать, комбинируя различные элементы реальности» [6]. Специфику фантастического ментального пространства определяет, следовательно, то, что оно представляет собой дистанцированный от реальности мир, сочетающий в себе элементы действительности в непривычной, фантастической комбинации. В фантастическом мире, несмотря на большую степень свободы авторского вымысла, просвечивает действительность

«узнаваемая», позволяющая автору ставить актуальные для читателя этические, нравственные, философские проблемы.

В качестве обязательных параметров фантастической реальности выступают хронотопическая, сюжетная и речевая составляющие ХТ.

Пространственная структура фантастического текста может включать в себя несколько локусов, изолированных или взаимодействующих, представляющих собой «подпространства» в ментальной модели, создаваемой в тексте. Так, в рассматриваемой фантастической повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу» моделируется диффузное ментальное пространство, построенное на разного рода аллюзиях, в нем сосуществуют два параллельных локуса.

Первый локус ограничен рамками небольшого северного городка *Соловец* (вымышленное название, содержащее аллюзию на *Соловки*), в котором расположен НИИЧАВО (Научно-исследовательского институт чародейства и волшебства). Почти все персонажи повести – сотрудники этого института. Все они (кроме, главного героя-повествователя – программиста Саши Привалова, попавшего в НИИЧАВО случайно и работающего там недавно) обладают магическими способностями. Фантастический модус сюжетостроения определяется и тем, что рядом с обычными людьми «работают» волшебник *Мерлин*, *Вий*, *Хома Брут* (герои фантастической повести Н.В. Гоголя), существующий в двух лицах начальник НИИЧАВО *У-Янус* и *А-Янус* (ср. мифологический образ двуликого Януса) и др. Аллюзивный план восприятия поступков, особенностей поведения этих персонажей актуализируется разными приемами ономастической игры, когда имя героя отсылает читателя к определенному лингвокультурному прецеденту (фольклорному, литературному, мифологическому). Так, *Наина Киевна Горыныч*, имеющая официальный статус хранительницы музея НИИЧАВО, воплощает в себе архетипический образ Бабы-Яги. Аллюзивный контекст ее имени отсылает нас и к дискурсу русской народной сказки (*Горыныч*), и к эпохе русской старины (*Наина* свет *Киевна*), и к персонажу поэмы А.С. Пушкина (злая волшебница *Наина*). Живет струха в доме с «высоченным забором», на воротах висит «солидная вывеска с серебряными буквами: **НИИЧАВО изба на куриных ногах памятник соловецкой старины**» (сокращенно – в научной номенклатуре НИИЧАВО – это **ИЗНАКУРНОЖ**). Рядом находится ржавая жестяная табличка: «Ул. Лукоморье, д. № 13. Н.К. Горыныч», под нею кусок фанеры с надписью чернилами вкривь и вкось: **КОТ НЕ РАБОТАЕТ. Администрация**. Во дворе перед бревенчатым домом стоит «приземистый необъятный дуб», на котором любит сидеть «ученый» кот Василий, во дворе есть колодезный сруб, в котором обитает говорящая Щука. Старуха Наина Киевна время от времени летает на Лысую гору, используя в качестве средства передвижения традиционную метлу. Однако атрибутика сказочного мира легко «вписывается» в повествование о якобы реальных (вполне обычных) событиях. Так, случайно обнаружив в кармане «неразменный пятак», Саша Привалов в порядке эксперимента многократно использует его на то, чтобы купить пять коробков спичек или стакан газированной воды с сиропом (именно такова была покупная стоимость пятака в 60-е годы XX века в нашей стране. Волшебный диван как главный музейный атрибут музея ИЗНАКУРНОЖ оказывается на самом деле **прибором-транслятором**, который используется для научных целей. Погружение читателя в содержание работы НИИЧАВО создает вполне узнаваемый пародийный аналог деятельности подобных институтов советского времени. «Люди, далекие от науки, – рассуждает герой, от лица которого ведется повествование, – в наше время ждут от нее чуда и только чуда и практически неспособны отличить настоящее чудо от фокуса или какого-нибудь интеллектуального сальто-мортале. Наука чародейства волшебства не составляет исключения.

Организовать на телестудии конференцию знаменитых привидений или просверлить дыру в полуметровой бетонной стене могут многие, и это никому не нужно, но это приводит в восторг почтеннейшую публику, плохо представляющую себе, до какой степени наука сплела и перепутала понятия сказки и реальности». В этом ключе и моделируется ментальное пространство повести, отражающее особенности научного поиска.

Второй локус (еще одна составляющая хронотопа повести), противопоставлен основному сюжетному действию как воображаемая реальность, так называемое **описываемое будущее**. Этим «термином» сотрудники НИИЧАВО обозначают разновидности идеальных миров, «созданных творческим воображением за всю историю человечества». Каждый фрагмент «описываемого времени» – это ментальное пространство, смоделированное на основе литературных аллюзий: Категория «**описываемое будущее**» на оси времени противопоставляется в повести А. и Б. Стругацких «**описываемому прошлому**» и «**описываемому настоящему**». В ментальном пространстве «описываемого будущего» синтезируются идеальные (воображаемые миры), представленные «*в фантастических романах и утопиях*». Отличительной чертой «описываемого будущего» является его дискретность, связанная с тем, что тот или иной период воображаемого развития человечества в будущем может быть и не представленным в литературном дискурсе. Так, Саша Привалов, согласившийся с помощью машины времени переместиться в «описываемое будущее», замечает: «*После двухтысячного года начались провалы во времени. Я летел через время, лишённое материи. В таких местах было темно и только изредка за серой стеной вспыхивали взрывы и разгорались зарева*». Несмотря на эту дискретность, «описываемое будущее» характеризуется через несколько сменяющих друг друга моделей, отражающих динамику художественного «предвидения» (проекцию на будущее определенных мировоззренческих установок писателей-фантастов). Модели «описываемого будущего» содержат некоторые константные параметры описания: социально-политическое устройство общества будущего, место действия (локус будущего); события (фантастический «нарратив»); образы людей будущего, особенности их общения между собой и с представителями иных цивилизаций и т.п. Вместе с тем здесь нет аллюзий на конкретные художественные тексты, обыгрываются лишь стилевые особенности, характерные для изображения будущего в произведениях художественной фантастики.

Представленные в повести модели «описываемого будущего» условно можно разделить на следующие типы:

1. Идиллическая (гуманистическая) модель «описываемого будущего» строится на основе представлений об идеальном обществе, в котором царит полная гармония человека и среды (природной и социальной). Обсуждение вопроса об идеальном обществе развивается в этой модели «описываемого будущего» в соответствии с риторической традицией нахождения истины в диалоге (ср. «Диалоги» Платона). Так, первое, что слышит герой, попавший в пространство «описываемого будущего», – это диалог человека с лопатой и человека с чернильницей: «*Тот, что был с лопатой, длинно и монотонно излагал основы политического устройства прекрасной страны, гражданином коей он являлся. <...> Когда он останавливался, чтобы передохнуть и облизать губы, вступал тот, что с чернильницей*». Сами реалии лопата и чернильница имеют, очевидно, символический смысл физического и духовного начал, их гармонии в идеальном обществе. Какие-либо события здесь практически отсутствуют, действие заменяет диалог: «*Говорили они долго – судя по спидометру, в течение нескольких лет, – а потом вдруг сразу исчезли, и стало пусто*». Локусными маркерами ментального пространства в данной модели

являются описания, аллюзивно отсылающие к идиллической манере изображения общества будущего: *«Вокруг в полном безветрии колыхались хлеба. Тучные прозрачные стада паслись на травке, на пригорках сидели благообразные седые пастухи. Все, как один, они читали книги и старинные рукописи»*. Гуманистическая направленность такой картины будущего очевидна.

2. Техногенная модель «описываемого будущего» базируется на постулате о том, что основа благополучия общества лежит в развитии техники. Место действия в техногенной модели «описываемого будущего» с лона природы переносится в город, в качестве маркеров разворачивания действия в этом локусе выступают специфически городские «технические» реалии: *антенны радиотелескопов, лента движущегося тротуара* и т.п. Человек отодвигается на второй план, становится лишь частью мира машин, поэтому образы людей в техногенном ментальном пространстве предельно схематизированы (почти «аннигилированы» в физическом смысле): *«... эти люди были какие-то нереальные, гораздо менее реальные, чем могучие, сложные, почти бесшумные механизмы»*. У этих людей нет лица, в описании их облика единственной личностной характеристикой выступает какая-либо бросающаяся в глаза деталь одежды: *«То и дело попадались какие-то люди, одетые только частично: скажем, в зеленой шляпе и красном пиджаке на голое тело (больше ничего); или в желтых ботинках и цветастом галстуке (ни штанов, ни рубашки, ни даже белья); или в изящных туфельках на босу ногу. Окружающие относились к ним спокойно, а я смущался до тех пор, пока не вспомнил, что некоторые авторы имеют обыкновение писать что-нибудь вроде «дверь отворилась, и на пороге появился стройный мускулистый человек в мохнатой кепке и темных очках»*. Доминирующим интересом (целью действий) человека в техногенном ментальном пространстве является изобретательство. Межличностное общение сведено к обмену специальной информацией: *«... на лобовой броне у каждой (машины) сидел вдохновенный до полупрозрачности изобретатель, пространно объяснявший устройство и назначение своего детища»*. Речь героев в техногенной модели «описываемого будущего» пестрит терминами. При этом на первый план выступает такая доминанта речевого поведения, как самопрезентация, демонстрация собственной технической компетентности. Пародийно эта ситуация представлена в псевдонаучном описании одним из таких «изобретателей» устройства, на поверку оказавшегося велосипедом: Другой юноша нес свое: *«Я нашел, как применить здесь нестирающиеся шины из полиструктурного волокна с вырожденными аминными связями и неполными кислородными группами. Но я не знаю пока, как использовать регенерирующий реактор на субтепловых нейтронах. Миша, Мишок! Как быть с реактором?»*. Присмотревшись к устройству, я без труда узнал велосипед (ср. аллюзию на фразему изобретать велосипед – «решать уже решенную задачу», «принимать/ выдавать за новое то, что уже давно известно»). Негативная оценка общественного устройства, в котором научно-технический прогресс всего лишь фантом, при котором человек превращается в обслуживающий персонал машины, – источник иронии и пессимизма писателей-фантастов.

3. Космологическая модель «описываемого будущего» в качестве доминанты его изображения использует идею космических путешествий. Сюжет фантастического нарратива составляет мечта людей о полетах в космос и установлении контакта с инопланетянами. В «описываемом будущем» в рамках данной модели представлены два событийно-временных варианта: *эпоха отправок космических путешественников и эпоха возвращений из космоса*. Образ мыслей и поведение людей космической эры в повести А. и Б. Стругацких даны сквозь призму восприятия героя, наблюдающего за толпой, провожающей своих посланцев в иные цивилиза-

ции: «Скоро я понял, что одна половина толпы расставалась с другой половиной. Это было что-то вроде **тотальной мобилизации**. Из речей и разговоров мне стало ясно, что **мужчины отправлялись в космос** – кто на **Венеру**, кто на **Марс**, а некоторые с совсем уже отрешенными лицами, собирались к **другим звездам** и даже в **центр Галактики**. Женщины оставались их ждать. Многие занимали очередь в огромное уродливое здание, которое одни называли Пантеоном, а другие – Рефрижератором. Я подумал, что поспел вовремя. Опоздай я на час, и в городе остались бы только **замороженные на тысячи лет женщины**». Как видно из этого описания, люди будущего (мужчины) – это носители космогонического сознания, готовые к глобальному расширению сферы своего пространственного бытия (*Марс – Венера – другие звезды – центр Галактика – космос в целом*), к существованию в иных мирах и временных измерениях. Жены с жертвенной самоотверженностью ждут своих мужей: *заморозка женщин на тысячи лет* – символическая деталь, свидетельствующая об этом. Тиражируемые штампы пафосно-возвышенного романтического стиля легко опознаваемы в пародийном изображении сцены провожания «покорителей космоса»: *«Играла музыка, произносились речи, тут и там, возвышаясь над толпой, кудрявые румяные юноши, с трудом справлялись с непокорными прядями волос, непрерывно падающими на лоб, проникновенно читали стихи. Стихи были либо знакомые, либо скверные, но из глаз многочисленных слушателей обильно капали скупые мужские, горькие женские и светлые детские слезы. Суровые мужчины крепко обнимали друг друга и, шевеля желваками на скулах, хлопали друг друга по спинам»*. Романтические клише находят отражение и в речи героев: *«Я хотела бы стать астральной пылью, я бы космическим облаком обняла твой корабль...»*, – монотонно говорит девушка внимающему ей юноше. В целом космологическая модель описывает будущее как тотальный прорыв землян в неизведанные миры, с покорением которых связываются надежды человечества на мирное сосуществование с иными цивилизациями.

4. **Наукоцентрическая модель** «описываемого будущего» характеризуется представлением о нем как времени, когда главной целью человеческого существования становится служение науке. Перед глазами героя-повествователя, оказавшегося в этом измерении «описываемого будущего», предстает следующая картина: *«По улицам по двое и по трое скромно прогуливались какие-то бесцветные личности, одетые либо странно, либо скудно. Насколько я понял, все говорили о науке»*. Основное место в данной модели занимает описание научно-фантастических идей: например, идеи оживления (*...профессор медицины <...> растолковывал процедуру оживления верзиле биофизику*), идеи создания тоннеля через центр Земли (*Где-то собирались провертеть дыру сквозь землю*). На смену романтическим речевым штампам приходит научный (или псевдонаучный) стиль: *«... по улице с криком побежал человек. За ним гнался паукообразный механизм. Судя по крикам преследуемого, это был «самопрограммирующийся кибернетический робот на тригенных куаторах с обратной связью, которые разладились...»*. Можно, очевидно, считать эту модель ментального пространства «описываемого будущего» некой вариацией технологической модели. Отметим также аллюзивные параллели между данным описанием и изображаемым в повести «научным миром», где в пародийном ключе, наряду с различными «серьезными» теориями (недоступными для понимания даже специалистам, ср. например, *иррациональная метматематика, квантовая алхимия*), изобретаются популистские (сенсационные), рассчитанные на обывателя новации типа *самонадевающейся обуви, самовыдергивающе-самоукладывающейся в грузовики моркови* и т.п.

5. **Обобщенная модель** «описываемого будущего» представлена в повести А.

и Б. Стругацких системой биполярного мира, в котором реализованы две возможности развития человечества: 1) будущее как время существования счастливого и справедливого общества, объединяющего идеальных людей; 2) будущее как время упадка цивилизации и гибели человечества, разобщения людей и порабощения их космическими пришельцами. В качестве маркеров этого двоемирия выступают символические топонимы: *Мир Гуманного Воображения* и *Мир Страха перед Будущим*. В основе этих номинаций этические и эстетические доминанты соответствующих направлений изображения будущего в художественной фантастике. Противопоставленность миров находит отражение в пространственной организации данной модели: *Мир Гуманного Воображения* и *Мир Страха перед Будущим* разделены непроницаемой *Железной Стеной*. В *Мире Гуманного Воображения* реализуется идиллическое представление о будущем, ассоциативно сопоставимое с гуманистической моделью: «Вокруг расстилалась безлюдная цветущая страна. **Колыхались хлеба. Бродили тучные стада, но культурных пастухов видно не было**». Символический образ маленького мальчика, «слишком уж серьезного для своих лет», изъясняющегося недетским, напыщенно высокопарным, наукообразным языком: «Коль скоро обращение на «ты» дисгармонизирует с твоим эмоциональным ритмом, я готов удовольствоваться любым ритмичным тебе обращением». Очевидно, эта деталь пародирует искусственность создаваемых воображением писателей-фантастов обезличенных («роботоподобных») идеальных людей – носителей гармоничного сознания. *Мир Гуманного Воображения*, по сути, лишь новый вариант идиллических утопий, представленных в произведениях художественной фантастики.

Мир Страха перед Будущим изображается по контрасту с *Миром Гуманного Воображения* как апокалиптическая модель развития человечества: «По ту сторону стены простиралось совершенно ровное поле, рассеченное до самого горизонта глубоким рвом. Слева от рва не было видно ни одной живой души, поле там было покрыто низкими металлическими куполами, похожими на крышки канализационных люков». На фоне этого пространства разворачивается разрушительное, ведущее к уничтожению всего живого действие: *Над равниной прошло несколько тарелкообразных летательных аппаратов. Из них, крутясь и кувыркаясь, посыпались бомбы. «Опять началось», – проворчал человек, лег ногами к взрывам, поднял автомат и открыл огонь по всадникам, гарцующим на горизонте*».

Таким образом, в фантастических произведениях А. и Б. Стругацких ментальные пространства могут иметь сложную многоуровневую структуру, включающую в себя изолированные локусы, каждый из которых характеризуется особой пространственно-временной, сюжетной и речевой организацией.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов. – М.; Екатеринбург, 2004. – С. 98.
2. Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. – М., 1996.
3. Древаль А.В. Интеллект ХХХ. – М., 2005.
4. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. – М., 1988. – С. 21.
5. Там же. – С. 21.
6. Лем С. Фантастика и футурология: В 2 кн. Кн. 1. – М., 2004. – С. 20.

ПРОСТОРЕЧИЕ И СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

*«...Ясное и полное уразумение основных начал нашей народности
есть едва ли не самый существенный вопрос и науки, и русской жизни»*

Ф.И. Буслаев

Русистика конца XX – начала XXI в. продолжает осмысление сущности просторечия, изучение его функционального поля и роли в формировании современной языковой ситуации. Лингвисты до настоящего времени не смогли дать полного и точного определения термину *просторечие* в силу полисемантической и функциональной неоднозначности этого лингвистического, социального и культурологического феномена русского национального языка. «Если территориальные диалекты и тем более литературный язык имеют прямые аналоги в других национальных языках, то у просторечия таких аналогов нет», – объясняет причину трудности осмысления природы русского просторечия Л.П. Крысин [1]. Все научные и ненаучные разночтения просторечия можно свести к трем основным параметрам. Это: 1) форма существования национального языка (Аванесов Р.И., Баранникова Л.И., Виноградов В.В., Коготкова Т.С., Колесов В.В., Ларин Б.А., Осипов Б.И. и др.); 2) функционально-стилистическая категория русского литературного языка (Ахманова О.С., Бельчиков Ю.А., Горбачевич К.С., Еремин А.Н., Земская Е.А., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. и др.); 3) экспрессивно-эстетическая категория художественного стиля (Береговская Е.М., Еремин А.Н., Митрофанов Г.Ф., Петрищева Е.Ф., Смолина М.Н. и др.). К сожалению, в трудах ученых не всегда разграничиваются лингвистический, стилистический и функционально-эстетический уровни в отношении к *просторечию* как системной организации русского национального языка филологического толка.

А. Просторечие – разновидность общенационального русского языка – в науке обозначено терминами *собственно просторечие, социальное просторечие, внелитературное просторечие, естественное просторечие, городское просторечие*. Система этого типа просторечия реализуется в *простой* речи необразованных или малообразованных людей, для которых она является основным средством общения и которые не осознают *неправильность* используемых ими слов, форм и выражений. Единицы собственно просторечия так же обслуживают все сферы деятельности необразованных людей, как и единицы литературного языка сферу людей образованных, культурных.

Некоторые ученые отказывают *просторечию* в системной организации языковых единиц в силу того, что просторечие представляет собой переходную зону между литературным языком и диалектом, а поэтому просторечие не представляет собой целостного языкового образования и не обладает устойчивой нормой (Коготкова Т.С., Скворцов Л.И.). Позволим не согласиться с этим мнением ученых. Все разновидности единой системы общенационального языка, функционирующие в устной сфере общения между людьми и противопоставляющиеся литературному языку (*разговорная речь, просторечие, диалекты, жаргон, аргумент* и др.), являются определенной переходной зоной и носят ненормированный характер. Однако они отличаются друг от друга именно системной организацией *определенных* языковых средств и *определенными* традициями их реализации в речи. *Просторечие* является буферной зоной между разговорной речью и языком диалектного типа. В нем,

с одной стороны, нивелируются диалектные по происхождению единицы, а с другой – единицы просторечия сами, подвергаясь нивелировке со стороны разговорной речи, могут изменить свой статус и войти в систему литературного языка в качестве новой единицы. Например, глагол *балагурить* до XVIII века функционировал со значением ‘беседовать, шутить на словах; шуточно, весело разговаривать’ на северо-востоке Московской Руси (СЖВЯД, т.1, с. 103); В XVIII веке он стал просторечной единицей (СлРЯ XVIII, т.1, с. 130), а в XX веке – разговорной (СРЯ, т.1, с. 57).

Просторечие как системная организация языковых средств проявляет себя на всех уровнях языковой системы: фонетико-фонологическом и акцентологическом (*колидор, транвай, омман, радио, ндравиться, ешишо*); лексическом (*товарка, давеча, скалиться, рубильник ‘нос’, бардак ‘беспорядок’, прикинь, взбрыкивать, мужик ‘в качестве обращения’, шамать, будь здоров ‘много’, ломать ‘не желать ч.л.’, обратно ‘опять’*); фразеологическом (*плюнь мне в рожу, катить бочку, компостировать мозги, вешать лапшу на уши, моча в голову ударила*); морфологическом (*голодуха, мастерюга, сторожиха, стаканья, свеколина, парнишко, без семя, в том годе, для примеру, постеля, красивше, путью, пекчи, лезти, ехай, едь, имай, ейный, ихний, здесь*); синтаксическом (*народу нашло, на полу налито, нет чулков, яблоков не созрело, переменить кофта, снегу навалило, дак я с севера, люди-те ненашинские*). На уровне системной организации языковых единиц просторечные единицы противопоставляются единицам других разновидностей общенационального языка. Например, на фонетико-фонологическом: *лаўка* (диал.) – *лавка* (прост.) – *лафка* (разг.-литер.); на лексико-семантическом: *робенок* (диал.) – *малец* (прост.) – *мальчонка* (разг.) – *мальчик* (литер.); на морфологическом: *волосья* (диал.) – *волосá* (прост.) – *волос* (разг.) – *волосы* (литер.); на синтаксическом: *сходить для молока* (диал.) – *сходить по молоко* (разг.-прост.) – *сходить за молоком* (литер.).

Б. *Просторечие* как функционально-стилистическая категория русского литературного языка в русском литературном языке может изменить статус в направлении литературной обработанности: 1) если просторечная единица «отрывается» от определенной социальной среды и становится «интерпросторечной» единицей в общенациональном языке (например, слово *беспредел* некогда употреблялось в воровской среде со значением ‘группировка воров, отошедших от воровских традиций и законов’, в современном русском языке стало интерпросторечной единицей и функционирует со значением ‘отсутствие законов, нарушение правил приличия, разгул’); 2) если просторечная единица становится общеупотребительной и общеизвестной (*баба, мужик, дрыхнуть, клево, поди, по-за тобой, хрясь, вишь*); 3) если она способна функционировать в литературном языке в его парадигматическом и синтагматическом поле (см. форму родительного падежа множественного числа слова *возбудитель* в контексте разговорной речи: – *таких **взбудителей-то** знаешь куда девают?* – *не унимался Наум* [В.Шукшин, «Волки»]); 4) если просторечная единица способна к нейтрализации своего сниженного стилистического статуса (см. изменение стилистического поля слова *лихой*: 1. *Устар. и прост., народно-поэт.* Могущий причинить вред, зло; злой. *вянет, пропадает красота моя! От лихого мужа нет в дому житья.* Н. Некрасов, «Катерина»; 2. *Разг.* Смелый, храбрый, удалой. *Шли лихие эскадроны приамурских партизан.* Алымов, «По долинам и по взгорьям»; 3. *Бойкий, залихватский.* *Откуда-то появились песенники, грянули песню, потом была лихая пляска.* Никулин, «России верные сыны». СРЯ, т.11, с. 190); 5) если просторечные единицы включены в нормативные словари, пусть с разными пометами, – это свидетельствует о их движении от периферии общенационального языка к центру (**НОРОВ**, -а, м. *Прост.* Нрав, характер. *Что ни город, то норов, что ни деревня, то обычай...* СРЯ, т.11, с. 509). Во всех этих случаях *просторечие* разви-

вает вторичный признак – статус *функционально-стилистического просторечия*.

Функционально-стилистическое просторечие характерно для речи образованного социума, члены которого осознанно используют просторечные единицы с разными целями: 1) в спонтанной речи в качестве заменителей используется суррогатное грубое просторечие как интенция к выражению определенной экспрессии (*блин, бля, ёпрст, ё-моё, ёлы-палы*); 2) просторечие используется в номинативной функции с целью «освежить» номинацию известного литературного слова (*Притворяшка Солодовников опять опаздывал на работу*. В. Шукшин, «Шире шаг, маэстро!»); 3) просторечие может использоваться с целью отрицательного воздействия на адресата (*болтун, недоделанный, ишачить, хреново*); 4) просторечная единица может подчеркнуть аффектацию речи адресанта, при этом сам адресант сознательно заменяет нейтральный или книжный синоним просторечным, чаще грубо просторечным [2] (*Куда это мой зонтик зафигачился?* (Елистратов, «Словарь московского арг»)).

Функционально-стилистическое поле просторечия, как правило, является результатом некой языковой игры, которая всегда предполагает номинативную альтернативу литературному слову, общему употреблению, узусу и т.д. Языковая игра может осуществляться в аспектах: социальном, рекреативном и собственно лингвистическом [3].

Социальный аспект языковой игры связан с отказом членов социума от общепринятых стереотипов общения и замене их *своими*, только им известными языковыми единицами. В этом случае социальное просторечие сближается с аргом: *Колокола*, -ов, мн. Расклешенные от колена брюки (*Колокола – это у рэперов, мы такие не носим*. Т.Г. Никитина, «Молодежный сленг», 2004). Социальный аспект языковой игры проявляется также в среде образованных людей, когда члены определенного социума демонстрируют друг перед другом свободу поведения, пренебрежение к официальному руководству, официальным отношениям, демократизм к подчиненным и т.д.: *А будешь приставать ко мне со своим словарем – точно по балде получишь. Вот тогда и узнаешь, что такое дать по балде или по репе* (Т.Г. Никитина, «Молодежный сленг», 2004). В.В. Химик относит к социально ориентированной языковой среде все функционально-стилистическое просторечие: «Резкая сниженность, эмоциональная напряженность, а иногда и агрессивность некоторых просторечных экспрессивов тоже являются проявлением языковой игры, преследующей социальные, идеологические или психологические цели воздействия на объект» [3].

Рекреативный аспект языковой игры связан с использованием просторечия в качестве речевого средства занимательности, развлечения. Как средство комического просторечие может характеризовать реалии окружающего мира с позитивной стороны (в этом случае, как правило, создается иронический тон: *по барабану, до лампочки, до лампы* ‘безразлично’) и с негативной (образуется саркастическое поле отрицательной оценочности: *шибздик, шпингалет, коротыш, метр с кепкой, недоросток*). И в том, и в другом случае изображение комической ситуации является исключительно знаковым и сильным дифференциальным признаком живой, непосредственной речи. Особенно ярко реакция проявляется в метафоре. Ср. роль просторечия в языковой игре: нейтральная в отношении стиля речь (*Построили новый дом, стены выложили в два кирпича*); с просторечной единицей в качестве средства комического (*Вдруг такая удача – прям кирпич с неба!*); с просторечной единицей в качестве средства сатиры (*Такая рожа – кирпича просит*).

Собственно лингвистический аспект языковой игры связан с трансформацией слова вообще: «... говорящий, проверяет и испытывает язык как инструмент (не всегда осознанно), устанавливает его ресурсы и возможности», – замечает В.В. Хи-

мик [3, 237]. Неосознанно трансформируют фонетический облик слова и его внутреннюю форму дети: *Папа у нас мотолок; Ой, какая я дулундочка!* ‘дурочка’. В речи взрослых осознанная трансформация слова осуществляется на всех уровнях языковой системы. Так, на *фонетико-фонологическом* уровне языковая игра связана со звуковой деформацией слова: а) в целях имитации речи неграмотного человека наблюдается вставка звука (*кинижечка, ндравиться, радио, ужастный*); метатеза (*куртульная, лакаш, брукалы*); замена звука (*нимо, фулиган, куфайка*); удвоение звука (*ссчас, чааво, надралсси*); утрата звука (*люминевый, мотри, деколон*); б) языковая игра строится на отступлении от орфоэпической нормы (*конечно, что, хто, кофэ, кровь, хартук*); в) как средство создания комического эффекта используется смещение ударения (*портфель, документ, подруга, принять*). На *лексическом* уровне языковая игра строится: а) на трансформации смысловой структуры слова: она может быть представлена в суженном варианте (*сменка ‘обувь’, сумарь ‘сумка хиппи’, чубрик ‘человек, мужчина’*) и в расширенном (*зарулить ‘зайти куда-либо’, засада ‘сложная ситуация’, бугор ‘начальник на производстве’*); б) на расширении синонимического ряда (*голова: котелок, жбан, репа, тыква, кастрюля, ведро, шарбан*); г) на антонимических ассоциациях (*бородастый – голомордый, дохлый – амбалистый, простяга – жучила*) и т.д. На *морфологическом* уровне в языковой игре участвуют: морфемы (*деваха, житуха, речуга, пальтушка, столовка, общага, водяра*); формы слов (*кофий, статуй, повидла, литра, фамилие, стервь, закусь*). На *синтаксическом* уровне языковая игра как средство комического проявляется в замене разговорных конструкций псевдокнижными: *Поп легко одной рукой поднял за шкурку Максима, поставил рядом с собой. – Повторяй за мной: верую! – Верую! – сказал Максим. – Громче! Торжественно: ве-рую! Вместе: ве-ру-ю-у! -Ве-ру-ю-у! Заблажили вместе. Дальше поп привычной скороговоркой зачастил: В авиацию, в механизацию сельского хозяйства, в научную революцию-у! В космос и невесомость! Ибо это объективно-о!* (В. Шукшин, «Верую!»).

В. *Просторечие* как экспрессивно-эстетическая категория художественного стиля является неперенным атрибутом художественного текста, где оно выполняет изобразительно-выразительные функции. Авторские интенции в использовании просторечных единиц лежат не в области стилистики русского литературного языка, а в области художественного пространства, где все единицы общенационального русского языка равны, так как выполняют единые функции и зависят не от осознанного или неосознанного их употребления в речи, а от творческих задач автора произведения.

Просторечие в художественной литературе используется с определенными целями: а) как характерологическое средство лица или предмета (– «*Немецкая подстилка!*», «*Потаскушка!*», «*Прости господи!*» – как только не крестили бойцы сожительницу немецкого офицера... (В. Астафьев, «Старое кино»), ситуации (– *Весь порядок в зоне поддерживают те же люди, что там сидят... А тамошний порядок заключается в том, чтобы все терпила, то есть работяги, выходили на работу. ...А для поддержания порядка на каждой зоне есть бугор. И у него имеются подручные. Авторитеты. А в каждом бараке имеется – бугор барака. Анна и Сергей Литвиновы, «Дамы убивают кавалеров»), действия (...неделю тому назад меня сняли с бригадирского поста... Неделю тому назад меня скинули с бригадирства...поперли меня все-таки не за крутые перемены В. Ерофеев, «Москва-Петушки»); признака лица или предмета (*Посмотреть, конечно, было на что: перед ней крючился на парте тощий диковатый мальчишка с разбитым лицом, ... в старом застиранном пиджачишке на обвислых плечах, который впору был на груди, но из которого далеко вылезали руки; перешитых из отцовских галифе и заправленных в чирки**

марких светло-зеленых штанах со следами вчерашней драки. В. Распутин, «Уроки французского»), речи героя (*– Ну, мамань, ты даешь! – Что, нравится? – не без кокетства спрашивала она. – Да зашибись! Просто супер! – хвалил сын. И ехидно добавлял: – Кто бы мог подумать! Нужно было мне впилиться в «Брабус», чтобы ты за себя взялась.* Анна и Сергей Литвиновы, «Дамы убивают кавалеров»); выступает в качестве текстообразующего средства (*– Како тако поясье под платьем? – Маня-маленькая, близоруко щуря и без того узкие монгольские глаза, вытянула шею.* Ф. Абрамов, «Алька»); является средством исторической стилизации (*– Не заполучивши фартового золота, горлопаны стали требовать доведения до победного конца раскулачивания, ускорить высылку «скрытой контры».* Прадед, Яков Максимович, впал в детство, дни и ночи играл с прабабкой в подкидного дурака, дрался с нею из-за карт, *до ветру ее не пускал по припоздало возникшей ревности.* В. Астафьев, «Бурундук на кресте») и лирической поэтизации (*Колька в хорошем субботнем подпитии, улыбчив. – Валю-ша, – зовет он, подняв голову. – Брось-ка мне штиблеты – цыганочку товарищи просят. Валюша не думает откликаться, она зла на Кольку, ненавидит его за эти концерты, стыдится. Колька знает, что Валюша едва ли выглянет, но он нарочно зовет, ломая голос – «по-тирольски», чем потешает публику. – Валю-ша! Отреагируй, лапочка!.. Хоть одним глазком, хоть левой ноженькой!.. Ау-у! ...* В. Шукшин, «Жена мужа в Париж провожала»); основным эмоционально-экспрессиным инструментарием (*– Стой! – крикнул Иван, и побежал за санями. – Стой, паразит!.. – Заполошный! – кричал в ответ Наум. – Чего ты взъелся-то? С ума что ли спятил? Я-то при чем здесь? – Ни при чем?! Мы бы отбились, а ты предал!.. Предал, змей! Я тебя проучу малость... Одного отметелю – не так будет позорно. А то при людях отлуплю. И расскажу все... Остановись лучше! – Сейчас – остановился, держи карман! – Наум нахлестывал коня. – Оглоед чертов... Откуда ты взялся на нашу голову!.. – Тебя, дьявола голого, почесть в родню приняли, а ты же на меня с топором? Стыд-то есть или нету?* (В. Шукшин, «Волки») и т.д.

Самый широкий спектр художественного просторечия находится в поле оценочного пространства, которое может репрезентироваться положительной и отрицательной оценочностью. Позитивная эмотивность может содержать в себе оценку ласкательности, уважительности, одобрительности, почтительности, вежливости и т.д. и в словарях маркироваться пометами ласк., уваж., одобр., почтит., вежл. и др., напр.: *«Нет, в курносенькой что-то есть, – думал Солодовников. – Определено что-то есть...»* (В. Шукшин, «Шире шаг, маэстро!»). В этом примере позитивная эмотивность передается оценкой ласкательности, характерной для единицы художественного текста *курносенькой* с суффиксом субъективной оценки *-еньк-*. Или: *Я же какой башковитый-то был! Бывало, стихок два раза прочитаю и тут же его отбарабаню без запинки* (В. Шукшин, «Беседы при ясной луне»). Здесь просторечные единицы *башковитый* с суффиксом субъективной оценки *-овит-* (СУ) и лексема *отбарабаню* являются позитивно эмотивными единицами: эмотивность передается оценкой уважительности.

Негативная эмоциональная оценка может быть пренебрежительной, презрительной, осудительной, уничижительной, порицательной и т.д., маркирующейся в словарях пометами пренебр., презр., осудит., уничижит., порицат. и др.: *– Туда же! Туда же, куда все добрые люди! Неужели туда же, куда ты, харя необразованная? Просили, всем миром просили – нет! Вылупил шары-то свои...* (В. Шукшин, «Крепкий мужик»). Просторечное слово *харя* в сочетании с оценочным *необразованная* формирует негативную эмотивную оценку уничижительности, а просторечные лексемы *вылупил, шары* – оценку осудительности.

Таким образом, на современном этапе развития и функционирования просторечия можно говорить о трех основных ипостасях этого феномена: а) просторечие – фрагмент русского национального языкового пространства, б) просторечие – функционально-стилистическая категория русского литературного языка, в) просторечие – функционально-эстетическая категория русского художественного пространства. Все стороны одного культурологическо-лингвистического феномена различаются сферой функционирования, задачами функционирования, местом и ролью бытования. Как разновидность общенационального языка просторечие является основным средством общения определенного социума; как функционально-стилистическое средство просторечие является стилистическим средством в рамках русского литературного языка, создавая оппозицию высокое – сниженное и разные типы речи в русском литературном языке; как функционально-эстетическая категория просторечие выполняет эстетическую функцию воздействия на чувства читателя в художественном пространстве, создавая типы художественной речи. Сказанное можно отразить в следующей таблице:

Просторечие Функц. поле	Разновидность о/нац. языка	Функц.-стил. категория	Функц.-эстет. категория
Сфера функционирования	Общенациональный язык	Литературный язык	Язык художественной литературы
Основная функция	Средство общения	Стилистическое средство	Эстетическое средство воздействия
Задачи функционирования	Обслуживание определенного социума	а) Создание разных стилевых категорий в литературном языке; б) ДП в оппозиции <i>высокое - сниженное</i>	Создание типов и стилей художественной речи

На современном этапе развития русского языка *просторечие* как разновидность общенационального языка, как средство создания разных стилевых категорий в литературном языке и в языке художественной литературы является основой для обогащения литературного языка новыми языковыми средствами, основанием для создания полифункционального стилистического пространства русского литературного языка, одной из систем русского языка, в которой нейтрализуется сниженный характер единиц, генетически и стилистически разноплановых. Однако функционально-стилистическая сторона современного просторечия, развивая свой агрессивный характер, вызывает тревогу у образованного общества, которое все чаще говорит об экологии русского языка, призывает спасти русский язык, оградить его от иностранного влияния, от вульгарной и бранной лексики, от отрицательной коннотации (*коммуняки, менты, журналюга*). Мы забываем о том, что язык формируется в обществе. Духовная деградация личности, формирование у современного общества клипового сознания приводят к формированию клипового состояния языковой среды, к форме клипового языка. Общество, народ – среда обитания языка. Каков народ, такова и среда. В.К. Журавлев пишет: «Рядом с гнилым словом загнивают и слова, окружающие его. Непечатные слова лезут в печать... То

там, то здесь латиница вытесняет нашу святую кириллицу. Сокращается число часов на уроки русского языка в русской школе... Выпускник средней школы не может написать ни сочинения, ни изложения. На вступительных экзаменах в вузах вместо традиционных сочинений по русской литературе теперь практикуется диктант... Разрушается фундамент речевой деятельности вообще» [4]. О том же самом в свое время писал Ф.И. Буслаев: «Слово, как звук, вызывающий движения потрясенной души, тронутой впечатлением внешним в соприкосновении с действительностью, означает предметы по тем свойствам, какие ярче бросаются в глаза и затрагивают воображение» [5]. Чем же тронута душа современного человека? Что бросается ему в глаза? Что затрагивает его впечатление? Есть вопросы, но нет на них ответа...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М., 1989. – С. 51-52.
2. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. – Л., 1978. – С. 45.
3. См. об этом подробнее: Химик В.В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. – СПб., 2000. – С. 232.
4. Журавлев В.К. Русский язык и русский характер. – М., 2002. – С. 67.
5. Буслаев Ф.И. Исцеление языка. – СПб., 2005. – С. 11.

АБЗАЦ: БЫТИЙНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В НАЧАЛЕ ЭКСПОЗИЦИОННОГО АБЗАЦА В РАССКАЗАХ И ЮМОРЕСКАХ А.П.ЧЕХОВА

Толковые и специальные лингвистические словари обычно указывают два значения у слова «абзац»: 1. Отступ в начале строки (нем. *Absatz* – отступ); 2. Текст между двумя такими отступами [1]. Пунктуационная функция – предназначенность для оформления письменного (печатного) текста – абзаца не оспаривается, то есть абзац, наряду со знаками препинания (иногда абзац причисляют к знакам препинания), относится к средствам пунктуации. Что же касается второго предназначения абзаца, о котором, собственно, и пойдет речь, то следует признать, что в современной лингвистике пока еще четко не обозначен статус этого «текста между двумя отступами». Высказываются различные точки зрения: от отождествления абзаца с ССЦ (такая позиция разделялась, например, Е.В. Падучевой в 60-80 г.г. XX века), вплоть до отказа употреблять слово «абзац» как термин во втором его значении [2].

В лингвистических словарях обращается внимание на соотнесенность абзаца и ССЦ в том плане, что их границы могут совпадать или не совпадать. В учебной литературе по современному русскому языку именно этому вопросу уделяется основное внимание [3].

А.М. Пешковский отмечал, что в литературной речи есть единица более крупная, чем сложное предложение (известно, что термин сложное предложение Пешковский отвергал, называя соответствующую единицу *сложным целым*): «Это сочетание сложных целых от одной красной строки до другой». Для именования такой единицы во времена Пешковского не имелось специального термина, поэтому ученый с неудовлетворением отмечал, что «мы принуждены здесь пользоваться типографским (и вдобавок иностранным) термином «абзац». Границами между абзацами, в отличие от границ между сложными целыми, являются только *сверхмерно удлиненные* паузы, так как *особых* интонаций, принципиально отличающих абзац от сложного целого, нет» [4]. Пешковский, следовательно, считал абзац ритмико-интонационной единицей. Впрочем, эти мысли Пешковского скорее отнесены к тому факту синтаксиса текста, который ныне именуется «сложное синтаксическое целое».

Согласно другой точке зрения, абзац – это ряд предложений, тесно связанных между собой мыслью, а цель употребления абзаца в речи предопределена потребностью придания тексту логической стройности. Такая позиция разделялась, например, в школьном курсе стилистики русского языка, который был обязательным предметом общеобразовательной школы в 30-е годы XX в.

Как в грамматике Пешковского, так и в школьной стилистике абзац считался явлением и устной, и письменной речи. В школьном учебнике 30-х годов читаем: «Абзац – ряд предложений, тесно связанных между собой одной мыслью. В устной речи один абзац отделяется от другого паузой; при письме следующий абзац начинается с новой строчки с небольшим отступом, который также носит название абзаца» [5].

Логические и стилистические функции абзаца как средства оформления речи отмечаются в современной вузовской учебной литературе: «При помощи абзацного отступа (или красной строки) выделяются наиболее важные в композиции целого текста группы предложений или отдельные предложения, содержащие: описание

нового этапа в развитии действия, характеристику нового героя, авторское отступление и т.д. – в художественном произведении; нового предмета мысли, нового этапа в ее развитии, отдельные логические посылки и выводы и т.д. – в научном труде и др.» [6].

Абзацем, следовательно, передается движение мысли говорящего – в этом состоит его главное предназначение. Кроме того, важны и другие признаки:

- а) способность оформлять ритмико-интонационный рисунок текста в связи с экспрессивными, эмоциональными, интеллектуальными задачами высказывания;
- б) отсутствие каких-либо формально-грамматических средств, предназначенных для структурирования абзаца (кроме ритмико-интонационных);
- в) отсутствие единообразия конструктивно-синтаксического содержания отрезка текста в абзаце: от ССЦ до одного предложения, и даже для высказывания, не являющегося грамматическим предложением.

Итак, абзац – это скорее явление не грамматики, а стилистики и риторики. Вместе с тем в употреблении абзаца отчетливо проявляет себя системный характер языка, ибо стилеобразующие функции абзаца взаимосвязаны со структурным наполнением отрезка текста, входящего в абзац. В этом плане безусловный интерес вызывает исследование синтаксических особенностей абзаца, на что в отечественной лингвистике обращалось мало внимания.

Использование абзаца в художественном тексте позволяет реализовать разнообразные стилистические и логические задачи.

Рассмотрим некоторые особенности строения и употребления абзаца в художественных текстах А.П. Чехова [7].

Рассказ-миниатюра «С женой поссорился» (1884 г.). Муж, придя с работы раздраженным, поссорился с женой и, обиженный, уединился в своем кабинете. Посмотрим на абзацы заключительного ССЦ рассказа.

Муж глубже закрыл свою голову в подушку и тихо захрапел./ Но мужчины слабы так же, как и женщины. Их легко раскислить и растеплить. Почувствовав за спиной теплое тело, муж упрямо придвинулся к спинке дивана и дернул ногой.

«Да... Теперь мы лезем, прижимаемся, подлизываемся... Скоро начнем плечико целовать, на колени становиться. Не выношу этих нежностей!.. Все-таки нужно будет ее извинить. Ей в ее положении вредно тревожиться. Помучу часик, накажу и прощу...»

Над самым ухом его тихо пролетел глубокий вздох, за ним другой, третий... Муж почувствовал на плече прикосновение маленькой ручки.

«Ну, бог с ней! Прощу в последний раз. Будет ее мучить, бедняжку! Тем более, что сам виноват! Из-за ерунды бунт поднял...» – Ну, будет, моя крошка!

Муж протянул назад руку и обнял теплое тело.

Тьфу!!

Около него лежала его большая собака Дианка.

Данное ССЦ оформлено в семи абзацах. Причем нечетные абзацы (1, 3, 5, 7) содержат предложения, в которых сообщается о развитии действия (фабулы рассказа). Четные абзацы (2, 4, 6) представлены внутренней речью персонажа (речемыслительные переживания мужа). Такое чередование позволяет автору органически ввести в сюжетную линию «душевные переживания» героя рассказа.

Все абзацы относительно небольшие по объему. В их структуре нет сложных предложений. Здесь нет громоздких синтаксических конструкций. Нарастание эмоций достигается и количественным путем: если сравнить словесный объем нечетных и четных абзацев, заметим сокращение количества слов в каждом последующем абзаце. Такой стиль вполне оправдан: жанр чеховской юморески легко чита-

ем, цель его – вызвать у читателя положительные эмоции (улыбку, добродушный смех). Именно поэтому кульминация рассказа уместилась в абзаце, где нет собственно грамматического предложения: – *Тьфу!!*. – междометное высказывание, насыщенное большим зарядом эмоций, что подчеркнуто и вынесением его в отдельный абзац, и употреблением двойного восклицательного знака.

В художественных текстах важную роль имеют начальные абзацы, содержащие экспозицию художественного произведения. При этом структурно-семантические особенности первого предложения в начальном абзаце часто обусловлены творческой манерой, индивидуальным стилем автора. Так, для произведений «малых форм» А.П.Чехова характерно употребление в этой позиции нерасчлененных и расчлененных номинативных предложений, для которых семантика ‘бытийности’ [8] составляет основу их грамматического значения, а также двусоставных предложений со сказуемым, выраженным бытийным глаголом, и обстоятельством детерминантом, подчеркивающим событийный характер сообщаемого: *Знойный и душный полдень* (Егерь); *Летнее утро. В воздухе тишина* (Налим); *Полдень* (Циник); *В зале окружного суда идет заседание* (Сонная одурь) и т.д.

Уже в первых юмористических рассказах Антоша Чехонте активно употребляет бытийные предложения [9] в начале экспозиционного абзаца. Так, например, в 1-м томе полного собрания сочинений (произведения 1880-1882 гг.) каждый четвертый-пятый рассказ или юмореска начинается с предложений типа *Земская больница. Утро* (Сельские эскулапы); *Был новый год* (Пережитое); *Наступило утро желанного, давно снувшегося дня, наступило утро – урааа, господа охотники!! – 29-е июня...* (Петров день) и т.п. Ещё чаще чеховский прием подобного начала экспозиционного абзаца встречаем в рассказах 1885-1886 гг. (4-й т.), где каждый третий рассказ начинается с бытийного предложения: *Третий час ночи. Супруги Фибровы не спят* (Конь и трепетная лань); *Тихая августовская ночь* (Мертвое тело); *Воскресный полдень* (На чужбине); *Время шло к ночи* (Ведьма); *Хмурое зимнее утро* (Художество); *Второй час ночи. Я сижу у себя в номере и пишу заказанный мне фельетон в стихах* (Тапер) и т.д. При этом начало абзаца с бытийного предложения никак не обусловлено жанровой разновидностью публикации, здесь может быть и рассказ, и юмореска, и стилизация под очерк и т.д.

Зерном бытийной семантики в русском языке, кроме глагола *быть* и окружающей его лексико-семантической группы бытийных глаголов, является независимый номинатив, которому имманентно присуще выражение идеи ‘существования’.

Обратимся непосредственно к анализу номинативов в бытийных предложениях экспозиционного абзаца.

Как правило, экспозиционный номинатив называет время или место действия. В соответствии с этим выделим две группы экспозиционных номинативов: локативы и темпоративы.

Примеры бытийных предложений с номинативом, имеющих семантику ‘места’ (локативы):

1. *Маленький, еле видимый городишко. Называется городом, но на город столько же похож, сколько плохая деревня на город.* Так начинается сатирический очерк «Ярмарка», в основу которого положены действительные впечатления Чехова от поездки в один из заштатных подмосковных городов. В экспозиционном бытийном предложении обращает на себя внимание нанизывание эпитетов с уничижительной окраской к опорному номинативу *городишко*, который содержит уничижительный элемент в словообразовательной структуре – суффикс -ИШК-. Такой стилистический приём позволяет автору нацелить читателя на пейоративную окраску сообщаемого далее.

2. *Изба Кузьмы Егоровича, лавочника. Душно жутко.* Это начало маленькой провинциальной драмы «Суд». Здесь пейоративный тон сообщаемому задает последующее безличное бытийное предложение со значением 'состояния'.

Пример бытийного предложения с номинативом, имеющим семантику 'времени' (темпоратив): *Прекрасный морозный полдень. Солнце играет в каждой снежинке. Ни туч, ни ветра.* Это начало юмористической миниатюры «И то и сё (поэзия и проза)».

Следует отметить, что экспозиционные номинативы с семантикой 'времени', в отличие от локативов, употребляются в контекстах, не содержащих отрицательной, недоброжелательной оценки описываемого в рассказе события. Ср., напр.: в рассказах 1885 г.:

Летнее утро. В воздухе тишина; только поскрипывает на берегу кузнечик да где-то робко мурлыкает орличка (Налим);

Знойный полдень. В воздухе ни звуков, ни движений... (Мыслитель) и т.д.

Локативный и темпоральный номинативы могут быть употреблены в одном контексте: *Земская больница. Утро* (Сельские эскулапы).

Третью группу составляют «событийные» номинативные предложения: *У Захара Кузьмича Дядечкина вечер. Встречают Новый год* (Мошенники поневоле). Здесь «событийность» сопровождается синтаксемой с локально-объектным значением у Дядечкина, а сам событийный номинатив *вечер* имеет темпоральную сему.

Вместе с тем отметим, что «событийный» зачин в предложениях экспозиционного абзаца чаще представлен двусоставными предложениями с предикатом, выраженным бытийными глаголами *быть, происходить* и др:

Был Новый год. Я вошел в переднюю (Пережитое);

Было четыре часа утра... (Пережитое);

Была полночь. Природа капризничала, как старая дева (Тайны ста сорока четырех катастроф...);

Был день бенефиса нашей inge'ние (инженю – франц.).

Обращает на себя внимание тот факт, что предикат, выраженный глаголом *быть*, Чехов последовательно в этих предложениях помещает в препозицию, актуализуя, подчеркивая средствами актуального членения высказывания значимость для говорящего событийного элемента в сообщаемом. Предикаты, выраженные другими бытийными глаголами в экспозиционных предложениях, в препозицию не выносятся:

Дело происходило в одно темное, осеннее «после обеда» в доме князей Приклонских (Цветы запоздалые);

Я и жена вошли в гостиную. Там пахло лаком и сыростью (Кривое зеркало).

Таким образом, членение художественного текста на абзацы, являясь средством структурирования мысли и важным стилеобразующим фактором, обусловлено и жанровой принадлежностью того или иного произведения, и индивидуальным стилем автора. Исследование структуры, семантики и функций абзаца позволяет увидеть индивидуальные особенности творческой манеры писателя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 2-е. – М., 1995. – С. 13; Розенталь Д. Э, Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 1976. – С. 11; Русский язык. Энциклопедия. Гл. ред. Ф. П. Филин. – М., 1979. – С. 10 и т.д.

2. Солганик Г. Я. Стилистика текста: Учеб пособие. – М., 1997. – С. 229-230.

3. Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. В 3-х ч. Часть III. Синтаксис. Пунктуация. – М., 1987; Валгина Н. С. Синтаксис современного рус-

ского языка. – М., 1973; Современный русский литературный язык. Под ред П. А. Леканта. – М., 1988; Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. В 2 ч. – Ч.2. Под ред. Е. И. Дибровой. – М., 2001 и др.

4. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. – М., 1956. – С. 45.

5. Бархин К.Б. Сборник упражнений по стилистике: Учебник для 5 – 7-го классов неполной средней и средней школы. Изд. 2-е – М., 1936. – С. 99.

6. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. В 3-х ч. Часть III. Синтаксис. Пунктуация. – М., 1987. – С. 236.

7. Все тексты А.П.Чехова воспроизводятся по изд.: Чехов А.П. Полное собр. соч. В 30-ти тт. – М., 1983.

8. Востоков В.В. Система грамматических значений простого предложения в современном русском языке. – Арзамас, 2000. – С. 24-88.

9. Арутюнова Н.Д, Ширяев Е.Н. Русское предложение: Бытийный тип. – М., 1983.

Дослідження впливу мовних ланок і мовних об'єднань на розуміння тексту

ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ПОСРЕДСТВАМИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ТЕХНИКИ

Π. 1. 1.

TABLE 1. *Continued*

СИНОНИМИЯ ПРЕДЛОЖНО-ПАДЕЖНЫХ ФОРМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В ПРЕДИКАТИВНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ

Падежные и предложно-падежные формы существительного все более активно употребляются в качестве предиката в современном русском языке. Растет корпус лексико-семантических групп существительных, допускающих такое употребление, расширяется круг значений, передаваемых этими формами, в процесс втягиваются новые группы имен и новые предлоги. Все это свидетельствует о продолжающемся в современном русском языке развитии тенденции к аналитизму, отмеченной в середине XX в. Н. Ю. Шведовой, Г. А. Золотовой, П. А. Лекантом и др. [1].

Цель настоящей статьи – показать системность семантической организации предикативного употребления предложно-падежных форм имен существительных. Привычное понимание системной организации синтаксических единиц раскрывается в грамматической парадигме, включающей модально-временные и личные значения. Но существует и семантическая парадигма, организующая синтаксические единицы с близкими и противоположными значениями; с разными значениями, которые выражаются одинаковыми синтаксическими формами. Субстантивные словоформы вступают друг с другом во взаимоотношения, которые проявляются в виде синонимии, антонимии, омонимии и др. Особенно наглядно это выглядит на примере предложно-падежных форм существительных, употребляющихся в функции предиката в бисубстантивных предложениях [2], потому что в предикате концентрируется и актуализируется информативный смысл высказывания.

Синонимические отношения возникают между разными предложно-падежными формами существительных, имеющими близкие значения и различающиеся оттенками этих значений, стилистической окраской или ограниченной сочетаемостью, ср.: *Он был в галстук*е – *Он был при галстук*е. Семантика первого и второго высказывания тождественна: субъект характеризуется по наличию у него внешнего признака, в данном случае – детали одежды. Конструкции различаются стилистическим употреблением: *в галстук*е – нейтральное, *при галстук*е – разговорное с оттенком ироничности. Лексический состав двух высказываний совпадает почти полностью, конструкции различаются употреблением разных предлогов, которые и вносят стилистические оттенки. Падежные формы существительных в приведенных примерах тождественны. Форма предложного падежа употребляется как с предлогом *в*, так и с предлогом *при*.

В других случаях изменение предлога приводит к изменению формы имени существительного, что определяется сочетаемостью предлогов с разными падежными формами: *Первые мои записи были о лесах* (К. Паустовский), ср.: *Первые мои записи были про леса*; *Разговоры – главным образом, о быстром падении барометра и о перемене погоды* (Е. Замятин), ср.: *Разговоры – главным образом, про быстрое падение барометра и про перемену погоды*.

Синонимичными в представленных конструкциях являются не только предлоги, обобщенная семантика которых, действительно, определяет возможность выражения тождественных или близких значений. Синонимичными оказываются синтаксические конструкции, включающие субстантивные словоформы в состав предиката. В результате взаимодействия семантики предлога и имени существительного именно в позиции предиката формируются специфические характеризующие значения, которые различаются оттенками или стилистической окраской.

Синонимичность синтаксических конструкций определяется следующими факторами: «1) тождество содержания (понятия или предметной ситуации); 2) тождество (или близость) грамматических значений синтаксического отношения; 3) тождество лексического состава; 4) различие средств выражения синтаксического отношения (синтаксических связей и показателей)» [3]. В качестве различных средств выражения синтаксических отношений в анализируемых случаях выступают предложно-падежные формы в функции предиката. Сравним конструкции: *Первые записи были о лесах* и *Первые записи были про леса*. Логические пропозиции, лежащие в основе двух высказываний, тождественны: ‘предмет и его предикативная характеристика по содержанию’; грамматические отношения проявляются в виде двусоставного предложения, включающего грамматический субъект (подлежащее) и составное именное сказуемое, характеризующее этот субъект; с точки зрения лексического состава высказывания также практически идентичны. Различие между ними заключается в тончайшем нюансе: высказывание, содержащее в предикате словоформу с предлогом *про*, тяготеет к разговорному стилю, то есть анализируемые конструкции представляют собой синтаксические синонимы.

Для выражения семантики оценки, например, используются субстантивные словоформы с предлогами *в*, *на* и др. : *Ему, запьянцовской душе, поскорей бы на берег да в кабак, а «разинцу» на корабле все на пользу, все в интерес* (Б. Акунин). *Деду-то все в пользу, он и соберет* (Е. Замятин). В приведенных примерах выражена модально-оценочная семантика целесообразности. Ср. антонимическое значение нецелесообразности, выраженное в предикате словоформой с предлогом *без*: *А ей все слова без пользы, все равно не поймет* (В. Токарева).

Семантика уподобления в русском языке выражается при помощи предлогов *вроде*, *сродни*, связок *похож*, *подобен* и др. Образующиеся в результате употребления разных предлогов и связок оттенки значений, безусловно, различаются. Можно ли считать такие высказывания синонимичными? Соблюдается ли в них тождество лексических составляющих? Вероятно, участие подобных служебных слов в формировании грамматической формы высказывания можно считать не лексическим, а грамматическим. Поэтому для нас такие высказывания являются синонимами: *Глаза ее похожи на небо: такие же голубые, бездонные, прозрачные, ср.: Глаза ее подобны небу ...; Глаза ее вроде неба...; Глаза ее сродни небу...* В последних примерах оттенки значения осложняются и стилистической окраской книжности (2-ой пример) и разговорности (3-ий и 4-ый примеры).

Спорным считается представление синтаксических конструкций как синонимических, если в них использованы разные связки и частицы-связки. Здесь можно говорить о синонимии в тех случаях, когда грамматические значения, выражаемые связками (это касается прежде всего модальных значений), находятся в одном модальном поле – в поле достоверности или в поле недостоверности. Разновидности модально-оценочных значений, реализующихся в каждом из названных модальных полей, объединяют близкие по семантике связки, различающиеся оттенками значений или ограниченным употреблением, связанным с их стилистической окраской [4].

В микрополе модально-оценочного значения мнимости, например, автор оценки-характеристики высказывает предположение, представляя его как реальный признак, приписанный субъекту: *Поездка представляется мне интересной; Поездка видится мне интересной; Поездка чудится мне интересной; Поездка мнится мне интересной*. Приведенные высказывания различаются оттенками значения и стилистической окраской. В микрополе значения недоверия синонимические конструкции организуются связками *притворяться* и *прикидываться*, которые отража-

ют знание говорящего о недостоверности обладания приписываемым субъекту признаком: *Он притворялся добрым* и *Он прикидывался добрым*. Связки различаются стилистической окраской.

Исследование семантической организации системы падежных и предложно-падежных форм существительных в предикативном употреблении представляется актуальным для современной лингвистики, потому что уточняет представление о возможностях выражения тонких оттенков смысла, позволяет использовать полученные результаты для развития речи учащихся, способствует формированию умения выбрать форму, соответствующую ситуации общения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1947; Лекант П. А. Развитие форм сказуемого в современном русском языке // Мысли о современном русском языке. – М., 1969; Шведова Н. Ю. Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века / Под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. – М., 1964.

2. Герасименко Н. А. Бисубстантивный тип русского предложения. – М., 1999. – С. 7.

3. Лекант П. А., Маркелова Т. В., Моница Т. С., Павлюченкова Н. Ф., Шаповалова Т. Е. Синтаксис. Синтаксическая синонимия. Пособие для учителей старших классов. – М., 1999. – С. 7.

4. См. подробнее: Русское предложение: компоненты с модальной, оценочной, экспрессивно-эмоциональной семантикой. Монография / Под ред. П. А. Леканта. – М., 2006. – С. 12-14.

ПАДЕЖНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЙ ГРАММАТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК ПРЕДИКАТИВА

Падежное управление оформилось к началу XIX века как отличительный грамматический признак кратких форм прилагательных [1]. Что касается полных форм, функционирующих в предикативной позиции с зависимыми существительными в языке произведений условно “низких жанров” XVII-XVIII вв., то в языке XIX-XX вв. они сохраняют способность к управлению в функции определения – второстепенного или обособленного члена предложения [2]. Сравнивая формы *добрый* и *добр*, А.М. Пешковский подчеркивал: «Можно сказать *он был готов на всё, он был способен на обман, он был склонен к пьянству* и т.д., но нельзя сказать *он был готовый на всё, был способный на обман, был склонный к пьянству* и т.д.; значит, краткая форма подобно с к а з у е м о у обладает у п р а в л е н и е м (и притом даже «сильным» управлением, так как сочетания *он был способен, был склонен* и т.д. без управляемого имени кажутся неполными), а полная в этом положении совершенно лишена управления» [3].

Списки кратких форм прилагательных, требующих при себе существительного в косвенном падеже с предлогом или без предлога, были представлены в «Российской грамматике» 1802 г. В главе II «О сочинении имен прилагательных» были сгруппированы краткие формы, употребляющиеся с той или иной падежной или предложно-падежной формой; ср., напр.: **РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ**: *достоин, полон, чужд (кого-чего?): достоин похвалы, награды; чужд пристрастия* и др.; **РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ С ПРЕДЛОГОМ «ДО»**: *жаден, лаком, жалостлив, ласков: жаден, лаком (до кого-чего?): жаден до денег, лаком до меду* и др.; **РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ С ПРЕДЛОГОМ «ОТ»**: *безопасен, воздержан, далек (от кого-чего?): безопасен от наветов; воздержан от злоречия* и др.; **ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ**: *верен, знаком, любезен, мил, подобен, подсуден, покорен, полезен, послушен, пригоден, приличен, пристоеен, причастен, равен, свойствен, соразмерен, угоден (кому-чему?): угоден Богу; верен государю; полезен обществу; непричастен злу; ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ С ПРЕДЛОГОМ «К»: *алчен, близок, годен, усерден, готов, искренен, преклонен, прилежен, пристрастен, рачителен, склонен, сострадателен, способен, страстен, усерден, щедр (к кому-чему?): способен к трудам, к учению; готов к услугам; сострадателен к несчастным; ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ С ПРЕДЛОГОМ «НА»: *бережлив, бросок, дерзок, падок, похож (на кого-что?): бережлив на платья; падок на деньги; похож на отца; ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ: *богат, болен, беден, велик, высок, дивен, дик, доволен, должен (‘в долгу’), древен, дюж, заводен, знаменит, знатен, красен (‘пригож’), кроток, крут (‘запальчив’), крепок (‘постоянен’), мал, млад, низок, нищ, проворен, скуден, слаб, славен, стар, счастлив, чист (‘непорочен’) (чем?): беден умом; велик, дивен делами; доволен жребием; крепок сложением тела; славен победами; чист сердцем; ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ С ПРЕДЛОГОМ «С»: *согласен, сходен, сходствен (с кем-чем?): согласен с мнением; сходен с отцом* и др.; **ПРЕДЛОЖНЫЙ ПАДЕЖ С ПРЕДЛОГОМ «В»**: *искусен, исправен, нов (‘неопытен’), постоянен (‘непоколебим’), силен (‘знающ’), тверд (‘непременен’), умерен (в чем?): искусен в делах; исправен в должности; постоянен, тверд в предприятиях; силен в науках; умерен в расходах* и др. [4].****

Система падежного управления в сочетании с такими грамматическими качествами кратких форм, как способность сочетаться с инфинитивом или наречием меры и степени, а в первую очередь, «обязательным соседством со связкой, то есть

сказуемостью», по выражению А.М. Пешковского, углубляла грамматический отрыв кратких прилагательных от прилагательных полных [5]. Такие особенности синтаксического употребления и, главное, морфологические формы наклонения, времени и вида, не характерные для категории имени прилагательного, являются отличительными признаками предикатива – гибридной части речи, оформившейся в краткой форме прилагательного [6].

Своеобразное грамматическое сращение личных форма предикатива с управляемым словом имеет своим следствием сужение их значений, приращение у них дополнительных или появление новых смыслов, авторской экспрессии, а также тенденцию к расширению несвободного, грамматически и фразеологически связанного их употребления; ср., напр., фразеологические обороты *(не) велика беда (важность)* ‘неважно, не имеет значения; подумаешь’ и ‘пренебр. не важно, не имеет значения’; *велика важность* ‘подумаешь! что тут особенного! О том, чему не следует придавать значения’; *лёгко на помине* ‘о том, кто появляется в тот момент, когда о нём говорят (или думают)’ и др. [7]; ср. также примеры: – *Помилуйте, Пётр Андреич! Что это вы затеяли! Вы с Алексеем Ивановичем побрались? Велика беда! Брань на вороту не виснет. Он вас побранил, а вы его выругайте; он вас в рыло, а вы его в ухо, в другое, в третье – и разойдитесь; а мы вас уж помирим* (А. Пушкин); *Велика важность надворный советник! вывесил золотую цепочку к часам, заказывает сапоги по тридцать рублей – да чёрт его побери! я разве из каких-нибудь разночинцев, из портных или из унтерофицерских детей? Я дворянин* (Н. Гоголь); – *А Лизу видел? Нет? Она сюда хотела прийти... Да вот и она; легка на помине* (И. Тургенев).

Сужение значения и семантическую специализацию, приращение дополнительных смыслов демонстрируют своеобразные «грамматические фразеологизмы» (термин Н.Ю. Шведовой [8]) – личные формы предикатива с зависимыми предложно-падежными формами типа *близок к отчаянию (панике, истерике* и под.) ‘приближающийся к какому-л. состоянию’, *глух к добру (мольбам* и под.) ‘равнодушный, неотзывчивый’, *далёк от мысли* ‘не думающий, не предполагающий чего-л., не намеревающийся что-л. делать’, *жив надеждой (верой* и под.) ‘черпающий силу в чём-л., имеющий что-л. основой своего существования’ и др. [9].

Личные предикативы, разошедшиеся по семантике с именами прилагательными благодаря регулярному функционированию с падежными и предложно-падежными формами существительных, составляют СПИСОК (безусловно, открытый и пополняемый) так называемых грамматических фразеологизмов, сопровождаемых или пока не сопровождаемых в словарях соответствующими вопросами и пометами. В СПИСОК могут быть включены следующие личные предикативы (в алфавитном порядке): *беден* (чем?), *безразличен* (кому? для кого?), *близок* (к чему?), *богат* (чем?), *быстр* (на что?), *велик* (кому? для чего?), *верен* (кому? чему?), *властен* (над кем-чем? в ком-чем?), *волен* (в чем?), *глух* (к чему?), *горазд* (на что?), *готов* (на что?), *далек* (от чего?), *доволен* (кем-чем?), *доступен* (кому?), *жив* (чем?), *здоров* (на что?), *знаком* (с чем?), *известен* (кому?, чем? за кого-что?), *именит* (чем?), *ленив* (к чему? на что?), *лют* (на что?), *недалек* (от чего?), *нищ* (чем?), *обилен* (чем?), *обязан* (кому-чему?), *одержим* (чем?), *отличен* (от чего?), *отличим* (от чего?), *охоч* (на кого-что?), *падок* (на кого-что? до кого-чего?), *подобен* (кому? чему?), *покорен* (чему?), *полон* (кем-чем? кого-чего?), *послушен* (чему?), *привержен* (к кому-чему?), *приличен* (кому-чему?), *причастен* (к кому-чему?), *противен* (чему?), *пьян* (чем? от чего?), *равен* (чему?), *равносилен* (чему?), *равноценен* (чему?), *расположен* (к чему?), *ревнив* (к чему?), *свободен* (в чем?), *свойствен* (кому?), *силен* (в чем?), *склонен* (к чему?), *скуден* (кем-чем?), *скуп* (на что? в чем?), *слаб* (на кого-что? чем? до кого-чего? к кому-чему?), *совместим* (с чем?), *согласен* (с кем-чем? в чем?), *сопричастен* (чему?), *способен* (на что?), *сравним* (с

чем?), *сходен* (с кем-чем?), *схож* (с кем-чем?), *тверд* (в чем?), *тождествен* (чему?), *тяжел* (кем? на что?), *уверен* (в чем?), *угоден* (кому?), *удобен* (для кого-чего?), *уподоблен* (кому-чему?), *чреват* (чем?), *чужд* (кому-чему?, для кого-чего?), *щедр* (на что? в чем?) и др.

Вопросы, сопровождающие в словарных статьях специальные указания «только краткая форма» или «обычно краткая форма», в традиционном понимании (впрочем, не всегда представленные в словарях), сигнализируют фразеологически и синтаксически связанные значения; ср., напр.: *беден* (чем?) ‘ограниченный в каком-л. отношении, имеющий недостаток в чём-л.’ и *богат* (чем?) ‘обладающий чем-л. в большом количестве’:

беден (чем?): (Юлия Сергеевна. – М.Д.) *лежала и всё думала о том, как эта провинциальная жизнь бедна событиями, однообразна и в то же время беспокойна* (А. Чехов); *Внешняя жизнь незначительна и бедна событиями* (Черубина де Габриак); – *Третью беду сказывай. – Да нет её, третьей. Вот все они, корова да муж. – Ну и бедна ж ты бедами, мать! Гляди, как Бог тебя милует. Днём с огнём таких поискать* (Б. Пастернак);

богат (чем?): – *Дорожки надо будет обходить, пропускать, а земля старых клумб, наверное, основательно унавоживалась и богата перегноем* (Б. Пастернак); – *Вот уж чем вы, друзья мои, богаты, так это любознательными сумасшедшими* (Г. Щербакова);

*Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом* (М. Лермонтов);
*Село, значит, наше – Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места,
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля* (С. Есенин).

Однако, напр., в «Словаре русского языка» отсутствуют вопросы и дополнительные указания при толковании значений ряда форм; напр., *жаден* (до чего? на что?) ‘с увлечением отдающийся занятию, делу и т.п.’ [10]: *Конечно, была и доля искренности, хотя и весьма низкого свойства: Камилл был заика, безобразен лицом, нищ, честолубив, жаден до благ земных, «сладкоморд», как говорят русские мужики* (И. Бунин); *До баб он* (любимый человек Валентины. – М.Д.) *был жаден, неразборчив и умел всеми ими хорошо попользоваться* (Л. Улицкая); *замечателен* (чем?) ‘заслуживающий внимания; примечательный’ [11]: *Эти горы, отрасли хребта, называемого Собачьей спиной (Hundsruock), очень любопытны в геологическом отношении; в особенности замечательны они правильностью и чистотой базальтовых слоёв; но мне было не до геологических наблюдений* (И. Тургенев); *Комната Чинарикова была замечательна тем, что тут находилось множество полезных и красивых вещей, подобранных на помойке...* (В. Пьецух) и др.

Предложно-падежные формы существительных корректируют значения личных форм предикатива, которые выражают: (1) значение дифференциального качественного признака, отличительного свойства лица (предмета), качества, по которому субъект может выделяться, которым может отличаться от других, который составляет суть его природы; (2) значение состояния (реального или возможного) личного субъекта, эмоционального, реже – физического; ср., напр.:

(1) *глух* ‘перен.; только кратк. ф., к чему. Равнодушный, неотзывчивый’: И о а н н: *Но я был глух к речам святого старца, / И душу я диаволу отверз!* (А.К. Толстой);

Но что потрясло его ещё сильнее, было ужаснее и смрада, нескончаемого, неутихающего вопля – то, как смотрели на него самого со страхом и ясно видимой злобой. Будто и он был к этому причастен или тем виноват, что мёртвые **глухи** к отчаянным **мольбам** откликнуться (Г. Владимов); Хорошо учиться? Делать зарядку по утрам и помогать старшим? Готовиться в институт? **К** этим **речам** он (Комоген. – М.Д.) давно **глух** – абстрактны (М. Веллер); известен ‘чем или со словом «как», а также (прост.) за кого-что. Знакомый всем каким-л. качеством, свойством’: Фамусов: *Смотри ты на меня: не хвастаю сложенъем, / Однако бодр и свеж, и дожил до седины, / Свободен, вдов, себе я господин, / – монашеским известен поведением...* (А. Грибоедов); Дулебов: Я человек деликатный, я никогда никого не оскорбляю, я **известен** своей **деликатностью** (А. Островский); лют ‘прост. Такой, который самозабвенно отдаётся какому-л. делу, занятию’: – *Дело это будто ещё при великой царице было и будто оттого князь в Крутых Горах сидел, она на него за что-то разгневалась, заточила его вдаль от себя, и он очень лют сделался – пуще всего на казнь рабов своих и на любовный блуд* (И. Бунин); – *Матрёна твоя очень люта до хозяйства. Ни один базарный день не пропускает* (А.Н. Толстой); падок ‘на кого-что, до кого-чего и (устар.) к чему. Имеющий пристрастие к кому-, чему-л.’: *Русский человек падок до всего праздничного: гулять – так вволю, чтобы шапку потерять, биться – так уж не оглядываясь, бешено* (А.Н. Толстой); (Вера. – М.Д.) *Очень падка была на юмор: иной раз, сидя за книжкой, принималась смеяться, как заведённая* (И. Грекова); слаб ‘в чём, по чему. Разг. Плохо знающий что-л., недостаточно успевающий, недостаточно умелый в чем-л.’: *Пухов тоже помогал, кто особо слаб был в буквах, и выдумывал такие письма, что красноармейцы одобряли: – Складно ты пишешь, Фома Егорыч, – мои плакать будут!* (А. Платонов); – *Я так слаба в алгебре, что дело чуть не кончилось переэкзаменовкой* (Б. Пастернак); или слаб ‘на кого-что, до кого-чего, к кому-чему (обычно кратк. ф.). Разг. Имеющий пристрастие, расположение к кому-, чему-л. (обычно плохому, предосудительному)’: ... *кого на место Федота в старосты выбрать. Сына своего, Афоньку, старик не рекомендовал: загáду хозяйского у него нет, да и на вино слаб* (М. Салтыков-Щедрин); *Федератовна по своей скупости на социалистические средства не веле-ла было этим заниматься, но Вермо объяснил ей, что глубокое бурение электрическим пламенем безусловно является событием всемирно-исторического значения, и старушка, улыбаясь щербатым ртом, согласилась, так как была слаба на славу* (А. Платонов); ср. также: горазд ‘в знач. сказ., с неопр. или на что, в чём. Прост. Способен, ловок на что-л., искусен в чём-л.’; обилен ‘кем-чем. Имеющий, содержащий что-л. в большом количестве, изобилующий кем-, чем-л.’; охоч ‘до кого-чего или с неопр. Прост. Имеющий охоту, склонность к кому-, чему-л., любящий что-л.’; скор ‘склонный спешить, торопиться; нетерпеливый.’; щедр ‘перен.; на что и в чём. Легко, охотно раздающий, расточающий что-л.’ [12] и др.

(2) близок ‘к чему. Приближающийся к какому-л. состоянию’: *Я больше не настаивал и отправился домой, но я был близок к отчаянию, я был несчастен, и это не фраза, не пустое слово...* (А. Герцен); одержим ‘чем. Находящийся во власти чего-л., охваченный чем-л.’: *Теперь сам он (Стрельников. – М.Д.) был одержим сходным припадком саморазоблачения, всего себя переоценивал, всему подводил итог, всё видел в жаровом, изуродованном, бредовом извращении* (Б. Пастернак); пьян ‘перен.; чем, от чего. Находящийся в возбуждённом состоянии от чего-л.’: *Я был пьян от радости, я благодарил судьбу: мне, голодному студенту, уже выгнанному из университета на невзнос платы, на последние сорок копеек сделавшему объявление о занятиях, вдруг попался богатейший урок* (Л. Андреев); – *Я заспалась, – кричит Лисичка, – я ничего не понимаю! Как пьяная! Миша, смотри, свет, свет, я пьяна*

светом! (Б. Зайцев); *Я был слишком пьян рассветом, чтобы чётко соображать* (Б. Пильняк); *жив 'только кратк. ф., чем. Черпающий силу в чём-л., имеющий что-л. основой своего существования'* [13]: – *Наверное, вы воображаете, что для меня нет лучшего места на свете, чем ваш лагерь и ваше общество. Наверное, я ещё должен благословлять вас и спасибо вам говорить за свою неволю, за то, что вы освободили меня от семьи, от сына, от дома, от дела, от всего, что мне дорого и чем я жив* (Б. Пастернак) и др.

Особую группу составляют личные предикативы, которые могут быть квалифицированы как неспециализированные аналитические связочные компоненты, выступающие в структуре составного именного сказуемого. Это аналитические связочные компоненты **сходства/ подобия**: *подобен (кому- чему?), похож (на кого-что?), сходен (с кем-чем?), схож (с кем-чем?); равнозначности/ равноценности*: *равен, равносиль, равноценен (кому-чему?); тождественности*: *тождествен (чему?)*, оценивающие отношение между признаком и субъектом: как **сравнимое/ совместимое**: *сравним (с кем-чем?), совместим (с кем-чем?)* или как **другое, отличное от...**: *отличен (от кого? чего?)*. Ср., напр.: *У Эраста Ивановича половина головы выстрижена догола, и он похож на каторжника* (А. Чехов); *Звук его голоса был подобен виолончели* (Ю. Вознесенская); *Сопрела ткань на парусах, с помятой трёшкой схожа...* (В. Забашта); *Юность равна волшебству, но волшебство – не только юности* (М. Цветаева); *Но он (Гордон. – М.Д.) правильно рассудил, что угрюмое и на отдалённостью еле различимое брзжание вражеской артиллерии более всего сравнимо с подземными толчками и гулами вулканического происхождения* (Б. Пастернак); *Но Вася точно знал, что новой, вместо Поли, жены ему не нужно. Замена была равносильна ампутации руки и пришиванию протеза* (Н. Нестерова);

А что такое мастер?

Тот, кто от всех отличен

Своею сивой мастью,

Походкой и обличьем (Д. Самойлов).

Построения с предикативом могут быть квалифицированы как построения переходного типа, совмещающие функциональные признаки именной аналитической конструкции и признаки аналитической формы времени и наклонения при доминировании последних, как построения, воплощающие идею об аналитической форме наклонения и времени части речи предикатив. Логично предположить, что предикативы сходства/ подобия, равнозначности/ равноценности, тождественности и др. являются аналитическими формами «связок с семантикой сравнения», в терминологии П.А. Леканта [14], а формы дательного, винительного, творительного падежей зависимых существительных выступают в структуре составного именного сказуемого на правах именной части. Это утверждение не кажется абсурдным: новые вспомогательные функции предикатива в современном русском языке очевидны: русскому языку известна, напр., группа модальных предикативов возможности, долженствования, готовности, намерения и др. типа *вынужден, горазд, готов, должен, намерен, обязан, рад, склонен, способен*, внедрившихся в структуру составного глагольного сказуемого и конкурирующих со вспомогательными модальными глаголами; ср.: *Без остановки круглый год/ Кривляться он готов,/ Смеша лакеев и господ...* (Д. Минаев); – *У офицера каждое слово должно быть взвешено. Офицер – это образец корректности* (А. Куприн); *Для этой цели Германия намерена оставить за собой Крым, как свою колонию или в какой-либо иной форме* (А.Н. Толстой); *Прошлая эпоха была склонна видеть в анекдоте нечто антихудожественное* (М. Волошин); *Сердце его, наученное терпению, было способно снести, может быть, даже вечную разлуку, и оно способно было сохранить верность и чувство*

привязанности до окончания своего существования (А. Платонов).

Синонимические возможности форм составного именного сказуемого расширяются также за счет неспециализированных связей – аналитических глагольно-именных сочетаний типа *иметь (носить) вид (характер), приобретать вид (характер, положение)* и др. [15]. Аналитические связочные компоненты, соперничая со связками *напоминать, походить*, частотны наравне с предложными и союзными формами в сочетании с отвлечённой связкой (в том числе и нулевой формой связки *быть*), ср., напр.: *Мёртвое молчание такого леса напоминало сказочный богатырский сон* (Д. Мамин-Сибиряк); *Дальнейшее напоминало не выяснение отношений двух соперниц, а посиделки подружек, перемывающих мужику косточки* (Н. Нестерова); *Анна Ивановна не любила гардероба. Видом и размерами он походил на катафалк или царскую усыпальницу* (Б. Пастернак); *Риценишнауцер Дуня, с чёлкой, закрывающей глаза, торчащими ушами и бородой, походит на чёрта, вставшего на четыре лапы* (Н. Нестерова); *Крыша была наподобие шатра; Часы вроде пасхального яичка; Девичьи слёзы что роса на восходе солнца*. Аналитические связочные компоненты связаны с динамично развивающейся систематикой неспециализированных связей, вызванных к жизни в современном русском языке грамматическим многообразием предикативно функционирующих предложно-падежных форм существительных.

Таковы самые общие наблюдения над особенностями падежного управления как отличительным грамматическим признаке предикатива. Падежное управление личных форм предикатива демонстрирует меняющееся в современном русском языке соотношение и пропорции синтетических и аналитических способов выражения грамматических значений, правила образования аналитических конструкций и аналитических грамматических форм. Расширяется корпус связочных компонентов современного русского языка, обнаруживаются новые вспомогательные функции предикатива в современном русском языке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., напр.: Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Кн. 3: Изменения в системе простого и осложненного предложения / Под ред. В.В. Виноградова и Н.Ю. Шведовой. – М., 1964; Мясников Г.Ф. Краткие и полные формы прилагательных в составе сказуемого в современном русском языке, изменения и основные тенденции: Дис. ... канд. филол. наук. – Куйбышев, 1968; Макович Г.В. Описательные предикаты со значением конкретного действия, поведения, когнитивно-познавательной и речевой деятельности в современном русском языке: Монография. – Челябинск, 1995; Шведова Н.Ю. Полные и краткие формы имён прилагательных в составе сказуемого в современном русском литературном языке // Уч. зап. МГУ. – Вып. 10: Русский язык. – М., 1952. – С. 73-132.

2. См., напр.: Котов А.А. Грамматическое своеобразие и стилистические функции полных и кратких имён прилагательных в роли предиката в русском литературном языке XVII-XVIII вв.: АКД. – СПб., 1999.

3. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 1939. – С. 221 (здесь и далее разрядка автора. – М.Д.).

4. Российская грамматика сочиненная Императорскою российскою академиею. – СПб., 1802. – §§ 35-50. – 262-269.

5. Пешковский А.М. Указ. соч. – С. 221.

6. Дегтярева М.В. Частеречный статус предикатива: Монография. – М., 2007.

7. (МАС) Словарь русского языка: В 4-х тт. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1981-1984; (ФС) Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М., 1986; соответственно: ФС. – С. 34 и МАС. – Т. I. – С. 146-147; ФС. – С. 53;

МАС. – Т. II. – С. 169 и СФ. – С. 221.

8. Шведова Н.Ю. Указ. раб. – С. 81.

9. Соответственно: МАС. – Т. I. – С. 98; МАС. – Т. I. – С. 318; МАС. – Т. I. – С. 362-363; МАС. – Т. I. – С. 481.

10. МАС. – Т. I. – С. 469.

11. Там же. – С. 544.

12. Соответственно: МАС. – Т. I. – С. 318; МАС. – Т. I. – С. 638; МАС. – Т. II. – С. 211; МАС. – Т. III. – С. 10; МАС. – Т. IV. – С. 128; МАС. – Т. II. – С. 533-534; МАС. – Т. II. – С. 729; МАС. – Т. IV. – С. 118; МАС. – Т. IV. – С. 740.

13. МАС. – Т. I. – С. 98; МАС. – Т. II. – С. 591; МАС. – Т. III. – С. 571; МАС. – Т. I. – С. 481.

14. Лекант П.А. Функции связок в русском языке // РЯШ. – 1995. – № 3. – С. 95.

15. Лекант П.А. О форме именного сказуемого с аналитической связкой/ Очерки по грамматике русского языка. – М., 2002. – С. 265.

РИТОРИЧЕСКОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ: ФОРМА, СЕМАНТИКА, ФУНКЦИИ

Риторические высказывания (РВ) не коммуникативная синтаксическая единица, а средство выражения эмоций говорящего. Целеустановка риторического высказывания – получение не ответа, а соответствующей реакции, на которую рассчитывает говорящий со стороны воспринимающего речь. Традиционно к риторическим высказываниям относят риторические вопросы, риторические восклицания, риторические обращения.

Риторические вопросы рассматриваются в оппозиции к собственно вопросам как имеющие вопросительные элементы в структуре, но не направленные на получение информации, не имеющие императивной семантики. В научной литературе они получили название интеррогативов (О. Есперсен), рефлексивных вопросов (Падучева Е.В.), спекулятивных вопросов (Ахманова О.С.). Риторический вопрос – это эмоциональное высказывание, в котором объединены функции сообщения и выражения эмоций говорящего.

Как и любая синтаксическая единица, риторические высказывания имеют определенные структурные модели, выражают определенную семантику, функционируют в различных стилях речи.

Риторические высказывания отличаются многообразием форм.

Во-первых, это риторические высказывания с дейктическим словом, десемантизированным местоименным компонентом (*что, кто, куда, зачем, где* и др.).

Переосмысленное местоименное слово в РВ выступает «контекстуальным эмо티브ом» [1], благодаря ему создается модально-эмоциональный план высказывания. Например, риторические высказывания, организованные дейктическими словами *зачем, что, к чему, для чего* в сочетании с инфинитивом, выражают модальное значение **целесообразности – нецелесообразности**: *Зачем мне – скажи на милость – знать запах ее волос?..* (Р. Рождественский) – *ни к чему знать*; *Лучше я побуду в коридоре – что мне делать в комнате твоей?* (А. Тарковский) – *ничего делать*.

Вообще, диапазон эмоционально-экспрессивных значений риторических высказываний этой структурной модели разнообразен: **недоумение**: *Откуда такая нежность?* (М. Цветаева); **сожаление**: *Зачем ты не была сначала, Какою стала наконец!* (М. Лермонтов) и др.

Во-вторых, это риторические высказывания, организованные посредством частиц: *разве, неужели, или* и др.: *Разве можно верить любви?* (А. Пушкин); *Неужели ты такая же, как эта?* (Р. Рождественский); *Судьба ли так моя переменилась, или вправду кончена игра?* (А. Ахматова). Частицами создается не только вопросительность формы, но модальные значения **сомнения, предположения, неуверенности** и др.

В-третьих, это риторические высказывания, не имеющие местоименных слов и частиц, организованные **просодическими средствами**. Эмотивное риторическое высказывание «всегда просодически маркировано: эмфатическим ударением на эмоциональных словах, падением или подъемом интонации» [2]: *Значит – в жизнь? Значит – в повесть о том, как нечаян конец?* (Б. Пастернак).

Риторические высказывания названных структурных моделей функционируют как **двусоставные предложения**: *О вечность, вечность! Что найдем мы там за неземной границей мира?* (М. Лермонтов); **односоставные глагольные**: *Продать все*

это? За какие деньги? (Р. Рождественский) – односоставные инфинитивные, второе – неполное; **односоставные номинативные:** *К чему печаль твоя?* (М. Лермонтов); **эллиптические:** *Что же, что же впереди?* (Н. Рубцов).

Говоря о семантике риторических высказываний, следует прежде всего отметить, что они являются экспрессивно-синтаксической единицей языка. Экспрессивность, по определению В.Н. Телия, – «семантическая категория, придающая речи выразительность за счет взаимодействия в содержательной стороне языковой единицы, высказывания, текста оценочного и эмоционального отношения субъекта речи (говорящего или пишущего) к тому, что происходит во внешнем или внутреннем для него мире» [3]. Риторические высказывания как нельзя более приспособлены для выражения этого «оценочного и эмоционального отношения субъекта». В них – бездна человеческих эмоций, «предельное число которых, – как замечает Шаховский В.И., – не установлено ни в психологии, ни в физиологии, поэтому число и разновидность эмотивных значений (коннотаций) также не определены» [4].

И тем не менее, носителю языка понятно, что в риторическом вопросах типа: *Где ты, где, моя тихая радость – все любя, ничего не желать?* (С. Есенин); *Было ли это? Какой это стиль? Где эти годы? Можно ль вернуть эту жизнь, эту быль, Эту свободу?* (Б. Пастернак) – **эмоция сожаления** о безвозвратно ушедшем; в риторических вопросах типа: *Кого ж любить? Кому же верить? Кто не изменит нам один?* (А. Пушкин); *Так! Что вам до меня? Что вам беда моя?* (Ф. Тютчев) – **эмоция разочарования**, вызванная сознанием незначительности для кого-то; а в риторических вопросах типа: *Зачем ты не была сначала, какую стала наконец* (М. Лермонтов); *Ты рядом. А как достучаться? А как дотянуться? А как до тебя докричаться?..* (Р. Рождественский) – **эмоция досады, отчаяния**, вызванная несоответствием кого-то первоначальному представлению о нем говорящего, во втором тексте – невозможностью осуществления желаемого.

Перечень эмоций, репрезентируемых риторическими высказываниями, очень разнообразен. Подчас идентификация их затруднена из-за сложной гаммы выражаемых чувств. В целом же риторические высказывания имеют определенную идиоматичность в выражении эмоционально-экспрессивного смысла, которая создается комплексом языковых средств: употреблением переосмысленного местоименного слова, частиц, просодическими элементами.

Риторические высказывания функционируют в различных стилях речи: художественном (поэзия и проза), в публицистическом, религиозно-проповедническом.

Одни из них являются «внутренне адресованными», не предполагающими ответа, другие имеют элемент адресованности. «Внутренние» риторические вопросы возникают как следствие размышления человека о его собственном мире и о мире, его окружающем. Стремление к познанию этого сложного и противоречивого, загадочного и таинственного мира, неоднозначность его восприятия, место человека в нем, попытка установить причинно-следственные связи происходящего – все это и многое другое порождает комплекс эмоций, озвученных риторическими вопросами. Такие вопросы характерны для поэтических текстов: *Кто ты? Откуда? Как решить, Небесный ты или земной?* (Ф. Тютчев); *Было ли это? Какой это стиль? Где эти годы? Можно ль вернуть эту жизнь, эту быль, Эту свободу?* (Б. Пастернак); *Что же мне так больно и так трудно? Жду ль чего? Жалею ли о чем?* (М. Лермонтов); *И где твои прежние лавры? И вечно ли время утрат? И скоро ли древние мавры В последний ударят набат?* (Н. Заболоцкий). Подобные риторические высказывания отражают гипотетическую ситуацию, которая «соотносится с одним из возможных миров, не совпадающих с реальным» [5], поэтому они остаются «открытыми».

Адресованные риторические вопросы имеют в своей структуре личные местоимения второго лица, обращения, обращения-олицетворения: *Не вы ль сперва так злобно гнали его свободный, смелый дар?* (М. Лермонтов); *А вдруг ты перестанешь совсем ревновать?* (Р. Рождественский); *Но, друзья, Скажите: в странствиях умрет ли страсть моя?* (А. Пушкин); *Песни, песни, о чем вы кричите?* (С. Есенин).

Степень адресованности риторических высказываний этой группы различна. Иногда она оказывается мнимой, импровизированной, адресат риторического высказывания является лишь воображаемым: *Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..* (М. Лермонтов); *Ревность? Но ревность не в счет! Мщенье? Но мщенье не в счет! Яд? Но по кодексу гневных Самоубийство не в счет! Бегство? Но бегство не в счет!* (Б. Пастернак). Наибольшую же степень адресованности имеют **ораторские вопросы**, которые являются «средством активизации восприятия собеседника, вовлечения его в нахождение логичного, с точки зрения говорящего, ответа. Это увеличивает воздействующую силу высказывания» [6]. Ораторские риторические высказывания предполагают обязательное присутствие слушателя, нередко являющегося оппонентом, вследствие чего они приобретают эксплицитную или имплицитную полемичность: *Не вы ль сперва так злобно гнали Его свободный, смелый дар И для потехи раздували Чуть затаившийся пожар?* (М. Лермонтов); *Где, укажите нам, отчества отцы, Которых мы должны принять за образцы? Не эти ли, грабительством богаты?* (А. Грибоедов).

Риторические высказывания – ярчайшее средство выразительности, экспрессии и патетичности речи, системно организованное в структурно-семантическом плане, выполняющее разнообразные стилистические функции.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987. – С. 151.
2. Там же. – С. 153.
3. Телия В.Н. Экспрессивность // Русский язык. Энциклопедия. – М., 1997. – С. 637.
4. Шаховский В.И. Там же. – С. 19.
5. Падучева Е.В. Ситуация. // Русский язык. Энциклопедия. – М., 1997. – С. 480.
6. Калинина А.А. Риторический вопрос среди различных типов предложений // Русский язык в школе. – 1986. №4. – С. 99.

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА КАК СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА ЛИТЕРАТУРНО-ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЫ В.В. РОЗАНОВА

Вершиной, своеобразным пиком раскрытия творческого потенциала личности В.В. Розанова, в полной мере определивших его литературный гений, считаются знаменитые литературно-философские произведения «Уединенное», «Опавшие листья», настолько оригинальные по жанру и языковой форме, что Розанова называют создателем нового литературно-философского жанра в русской литературе рубежа XIX-XX веков. **Появление нового жанра, а значит, нового типа авторского повествования**, отличного от классической повествовательной нормы XIX века, с одной стороны, разрушало понятие традиционной литературности, с другой стороны, открывало новые перспективные пути развития русской литературы, русского литературного языка.

Жанровая принадлежность новаторских произведений В.В. Розанова в исследовательской литературе определяется по-разному: жанр дневниковых записей; мемуарная литература; исповедальный жанр; жанр черновика как литературной формы; жанр «мыслей-импрессий»; поток сознания. Следует признать, что, на наш взгляд, именно термин *поток сознания* наиболее полно, системно характеризует жанровые особенности литературно-философской прозы Розанова. Такие важные составляющие этого типа повествования, как *яркий индивидуализм, «бесконечный» авторский субъективизм, интуитивизм, интимность, психологизм, спонтанность, амбивалентность*, образуют систему экстралингвистических факторов, обуславливающих стилевое новаторство Розанова в области языковой формы. Анализ оппозиции *автор-читатель* в новаторских произведениях В.В. Розанова дает возможность прийти к ряду основополагающих выводов. Главным из них является положение о том, что исследуемые сочинения, относящиеся к литературе *потока сознания*, репрезентируют новое качественное своеобразие и сложность категорий субъекта и объекта речи. В данных произведениях эксплицируется субъектное повествование в формах прямого авторского монологического слова и отчасти в автодиалогах, но при этом структура *авторского я* полифонична и представлена множеством авторских «ликов». Именно этот сложный качественный конгломерат структурных составляющих *авторского я* обусловил значительное стилевое усложнение языковой формы исследуемых новаторских произведений. Анализируемая автопсихологическая проза демонстрирует оригинальную авторскую «технику» использования языка, выражающуюся в экспликации суперобразности или орнаментальности, то есть образности значительно более высокого порядка, чем в обычной прозе: «*Орнаментальная проза – разновидность прозы с системой насыщенной образности, реализующей особый тип художественного мышления*» [1]. Именно поэтому для характеристики стилистических особенностей психологической прозы В.В. Розанова представляется необходимым введение таких теоретических понятий, как орнаментализм, орнаментальная проза и орнаментальное поле. Понятие орнаментального поля выводит понятие орнаментальности в собственно языковой план, так как орнаментальное поле это «*система реализаций изобразительных средств текста с насыщенной, повышенной образностью для отражения особого поэтического видения мира*» [1].

Как показывают аналитические исследования автопсихологической прозы В.В. Розанова, репрезентация сложного полифонического *авторского я* диктует ус-

ложение стилистической организации текстов до степени орнаментальности, *суперобразности*.

Самым важным на данном этапе исследования оказывается выделение *образно-смысловых доминант*, способных на языковом уровне с помощью системы изобразительно-выразительных средств, реализующих орнаментальную функцию и образующих относительно замкнутые орнаментальные поля, способные репрезентировать «хаокосмос» индивидуального, субъективного *авторского я* В.В. Розанова. Таких доминант может быть несколько, они, как правило, организованы в определенную систему и способны в языковом отношении эксплицироваться на разных уровнях языка.

Осмысление конституирующих черт образа автора и детальное изучение специфики языковой образности в прозе *потока сознания* В.В. Розанова позволило определить ряд образно-смысловых доминант, которые способны репрезентировать искомое усложнение стилистической системы до степени «суперобразности». Таких доминант было выделено четыре: 1) феномен языковой игры; 2) экспансия повтора как фактор реализации субъективного *авторского я*; 3) синтаксическая организация; 4) внешняя орнаментика как система интонационных, графических, пространственных, геометрических элементов, усложняющих восприятие текстов исследуемых произведений. Выделение перечисленных доминант естественно нельзя признать исчерпывающим и окончательным в силу содержательной многомерности и объема исследуемой автопсихологической прозы мастера. Но то, что искомые доминанты репрезентируют, объясняют оригинальную, индивидуальную «технику» орнаментализма В.В. Розанова, это не подлежащая никакому сомнению реальность. Доказательством этого служат результаты проведенного системного лингвостилистического анализа текстов новаторской прозы В.В. Розанова [2].

Рассмотрим феномен языковой игры как образно-смысловую доминанту орнаментальной прозы В.В. Розанова, адекватно эксплицирующей на языковом уровне амбивалентность авторского сознания, который в конечном итоге *стал основой индивидуально-авторской системы, репрезентировавшей «языковую технику эпатажа»* консервативных вкусов интеллигентной публики.

Понимание игры как основного глобального организующего центра всей человеческой культуры было сформулировано в ставшем классическим труде И. Хейзинги «*Homo ludens*» («человек играющий»). Позже эта идея нашла многообразное развитие в искусстве модернизма и постмодернизма: «Подчеркнуто иронический, игровой модус самоопределения, характерный для постмодернистского мироощущения, отразился не только в художественной практике этого течения, но и в самой стилистике философствования на эту тему» [3]. Следует заметить, что, прежде чем ярко репрезентировать сущность постмодернистских поисков в области формы, игровой принцип возник как принцип организации текста в недрах литературы *потока сознания* эпохи модерна начала XX века: это красноречиво доказывает установка на глобальную смысловую игру, пронизывающая все новаторское творчество В.В. Розанова.

Феномен языковой игры как способ организации текста в аспекте соотношения с языковой нормой имеет в своей основе любое нарушение правил употребления языковой или текстовой единицы. То есть *языковая игра* – это «особая разновидность намеренных авторских аномалий» [4], обнаруживающая сознательную речетворческую способность автора к отступлению от нормативного, стереотипного употребления языковых единиц разных уровней.

В последнее десятилетие XX века интерес к феномену языковой игры (ЯИ) значительно вырос, в отечественной филологической науке появились серьезные общетеоретические исследования, рассматривающие сущностные характери-

ки, принципы реализации, прагматические свойства данного языкового феномена: ассоциативно-интерпретационное начало [5], эстетико-прагматическая направленность [6], «особая разновидность намеренных авторских аномалий для достижения эстетического или интеллектуального эффекта» [4]; «процесс остранения языковых единиц и их адекватной интерпретации адресатом» [7]. Выделенные конститутивные характеристики ЯИ как эстетической категории художественного текста, то есть категории, обладающей потенциальными изобразительно-выразительными возможностями, способствуют в конечном итоге не только формированию ассоциативного плана восприятия текста произведения адресатом, но и отражению определяющих черт *авторского я*, то есть образа автора, субъекта творческой деятельности; созданию индивидуально-авторского стиля писателя.

В автопсихологической прозе В.В. Розанова прагматика ЯИ реализуется как эмоционально-оценочный эффект авторской иронии и трагизма в восприятии явлений окружающего мира. Эта главная эмоционально-экспрессивная направленность авторских интенций неадекватно воспринималась адресатом и расценивалась как авторский цинизм, грубость, неуважение к читателю. Данную особенность взаимодействия объекта и субъекта речи в произведениях новаторской формы В.В. Розанова можно квалифицировать как несовпадение *уровня интенций авторского я* и *уровня возможностей адресата* в декодировке обыгрываемого языкового материала. Чтобы ликвидировать внешнюю неадекватность уровней автора и читателя, Розанов культивирует оригинальный художественный прием видимого “отсутствия адресата”, то есть “имплицитного читателя”. “Имплицитный читатель должен в идеале понимать все коннотации автора, различные “стратегии” его текста, например, стилевой прием иронии” [8]. Для В.В. Розанова имплицитный читатель функционирует как читатель абстрактный, как получатель авторской информации, способный дешифровать закодированное автором сообщение. Использование приема “имплицитного читателя” или внешнего “отсутствия адресата” приводит к тому, что адресат уравнивается в правах с адресантом, субъект и объект речи совпадают, тем самым повествование приобретает эффект интимности, особой доверительности, достоверности и убедительности: *«Истинное отношение каждого только к самому себе...Лишь там, где субъект и объект одно, исчезает неправда. В этом отношении какой-то далекой, хотя и тусклой звездочкой, является эгоизм – «я» для «я»...мое «я» для «меня».*

Автопсихологическая проза Розанова явилась предтечей формальных поисков русского модернизма и постмодернизма, так как именно В.В. Розановым был создан новаторский тип повествования, важнейшим из организующих центров которого является *феномен языковой игры* на различных языковых и текстовых уровнях. Учитывая все это, *феномен языковой игры* необходимо рассматривать в широком терминологическом понимании, так как именно «в широком смысле ЯИ включает в себя все способы актуализации языкового знака, а также игру ситуациями и текстами» [9].

Феномен ЯИ как образно-смысловой доминанты новаторских произведений В.В. Розанова эксплицирует орнаментальное поле – целостную систему реализаций изобразительных средств текста повышенной образности как отражение конститутивных черт *авторского я*. Орнаментальное поле, эксплицируемое доминантой ЯИ, включает в себя не только развернутую, динамическую систему изобразительно-выразительных средств разных уровней языка (фонетического, словообразовательного, лексического, синтаксического), но и игру ситуациями и текстами.

В данной статье рассмотрим основные способы создания эффекта ЯИ на *лексико-семантическом уровне*, так как именно этот уровень языка эксплицирует наибо-

лее многочисленные и яркие примеры.

Основным способом, реализующим эффект языковой игры на лексико-семантическом уровне в произведениях новаторской прозы В.В. Розанова, является: способ каламбурной игры, построенной на переосмыслении значений многозначного слова, омонимов в рамках узкого контекста. Понятие «каламбура», как показывает анализ исследовательской литературы, отграничивается от других способов создания словесной игры на лексико-семантическом уровне по следующим критериям: 1) выражение комического, юмористического, сатирического эффектов; 2) словесная «экономность», лаконизм и острый, неожиданный поворот мысли; 3) на основе речевых средств, заложенных в самом языке (многозначность, омонимия, игра созвучий). Таким образом, каламбур представляет собой лишь частный случай языковой игры. Из определения каламбура следует, что данная дефиниция может основываться на многозначности, омонимии и звуковом сходстве слов. Другие же языковые способы, широко использующиеся для создания словесной игры (синонимия, антонимия, народная этимология, фразеологические конструкции), объединяются более широким термином – словесная игра.

В новаторских произведениях В.В. Розанова можно обнаружить как разнообразие собственно каламбуров, так и другие способы словесной игры, например, ЯИ, основывающаяся на антонимии и контаминации фразеологизмов.

Приведем примеры контекстов, где каламбур создается на основе полисемии. Каламбуры (в картотеке зафиксировано более 110 примеров) данного рода могут быть представлены двумя разновидностями: построенные на двукратном употреблении слова в контексте в разных значениях; и каламбуры, основанные на возможности переосмысления одного и того же слова: *Способный прожить три жизни и десять состояний; Кто бы ни говорил так, мы отбросили бы его с презрением: «Бери звезды у начальства и не трогай небесных; Человек о многом говорит интересно, но с аппетитом – только о себе; Да: может быть, мы всю жизнь живем, чтобы заслужить могил; Работал как собака в конуре: беги к телефону, лай ответ.*

Каламбуры, построенные на двукратном употреблении одного и того же слова в разных лексических значениях или полисемии однокоренных слов, в силу своего разнообразия эксплицируют более яркий и действенный эффект ЯИ, основанный на прагматике выражения авторского остроумия, иронии, юмора. Подчеркнем, что каламбурное переосмысление полисемантических слов во многих примерах семантически прозрачно и не требует специального лексикографического комментария, хотя в некоторых анализируемых контекстах такой комментарий возможен или необходим.

Приведем примеры: *Какая старость ответа. Какая мудрая старость; Недостаток слез у попа и есть его недостаток; Но и сидеть на месте хорошо только с запасом большого движения в душе. Кант всю жизнь сидел: но у него было в душе столько движения, что от «сидения» его двинулись миры; Куда я поеду?...Я умираю... «Поеду» в землю»; То знание ценно, которое острой иголкой прочертило по душе. Вялые знания – без цены; Папироска после купанья, малина с молоком, малосольный огурец в конце июня, да чтоб с боку прилипла ниточка укропа (не надо снимать) – вот мое «17 октября». В этом смысле я «октябрист»; Не смиренные смиренны, а те которые были смиренны; Затемнить свободу и замутить свободу – лозунг темных личностей; Раз дело доходит до таких слов, вслух произносимых, то совершенно ясно, что или в чьих-то головах очень смутно, или мы вошли уже в печальную политическую смуту.*

Примеры контекстов, где ЯИ построена на основе антонимии, общезыковой и индивидуально-авторской в новаторских произведениях В.В. Розанова, достаточ-

но многочисленны и разнообразны. Использование стилистических ресурсов антонимии писателем регулярно в силу ее смысловой и стилистической прозрачности и выразительности, к тому же не требующей особых затрат мыслительной энергии адресатом для своей интерпретации: *Мотив биографии и истории как науки разгадка загадок; Старость, в постепенности своей, есть развязывание привязанности. И смерть – окончательный холод; «Чем я более всего поражен в жизни? и за всю жизнь? Неблагодарством. И – благодарством; Иногда и на «законном основании» – а трясутся ноги; а другой раз «против всех законов» – а в душе поют птички; В грусти человек – естественный христианин. В счастье человек – естественный язычник; Я был всешатаем и непоколебим; Христос действительно попытался разомкнуть эту замкнутость; Он старый циник, то есть молодой человек отъявленного поведения.*

Примеры контекстов, где **ЯИ** реализуется на основе разрушения общезыковых фразеологизмов, образуют многочисленную группу. В индивидуально-авторской интерпретации контаминированные фразеологизмы приобретают дополнительную непринужденно-ироническую коннотацию, подчеркивая смысловую связь с искомым узуальным фразеологизмом, как правило, разговорно-просторечного характера. Проиллюстрируем это наблюдение наиболее яркими контекстами: *Конечно, не Пестель – Чацкий, а Кутузов – Фамусов держит на плечах своих Россию, «какая она ни есть». Пестель решительно ничего не держит на плечах, кроме эплет и самолюбия; Не мы «мысли меняем как перчатки», но увы, мысли наши изнашиваются как перчатки. Не облегает руку. Не облегает душу; Очевидно, гг. писатели идут «поздравлять» всюду, где поставлена семга на стол... «Дорого, да сердито...». Тут наоборот – «не дорого и не сердито»; Все что-то где-то ловит: в какой-то мутной водице какую-то самолюбивую рыбку. Но больше срывается, и насадка плохая, и крючок туп.*

Разнообразие способов создания эффекта ЯИ не только на лексико-семантическом, но и на фонетическом, словообразовательном, синтаксическом уровнях эксплицирует богатое орнаментальное поле словесной образности новаторской прозы В.В. Розанова. То есть феномен языковой игры стал организующим центром, позволившим адекватно отразить на языковом уровне амбивалентность авторского сознания, а также одной из структурно-смысловых доминант индивидуально-авторской эстетической системы, репрезентировавшей «языковую технику эпатажа» консервативной части русского общества на рубеже 19-20 веков.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Новиков Л.А. Стилистика орнаментальной прозы Андрея Белого. – М., 1990. – С. 23, 116.
2. Карташова Е.П. Стилистика прозы В.В. Розанова. – М., 2001.
3. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. – М., 1998. – С. 94.
4. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка). Избранные труды. – Т. 1, – М., 1995. – С. 51.
5. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996. – С. 239.
6. Николина Н.А., Агеева Е.А. Языковая игра в современной русской прозе // Семантика языковых единиц: Доклады 6 Международной конференции. – Т. 2, – М., 1998. – С. 316.
7. Фатеева Н.А. Исчисление типологических возможностей поэтической и языковой игры // Текст и методика его анализа. – Харьков, 1994. – С. 172.
8. Ильин И.П. Указ. раб.
9. Николина Н.А., Агеева Е.А. Указ. раб. – С. 316.

ГРАДУАЛЬНЫЙ ПРЕДИКАТ – ОСНОВНОЙ КОМПОНЕНТ ГРАДУАЛЬНОСТИ

Градуальный семантический компонент реализуется в высказывании, так как именно в высказывании проявляются свойства категории градуальности. Предложение понимается нами как целостная многогранная “единица языка и речи”, а высказывание представляет собой содержательную и коммуникативную сторону предложения [1]. Рассматривая семантическую структуру высказывания, в качестве ядра высказывания определяем **предикацию**, которая представляет собой “соединение субъекта и предиката и передает отношение предмета и признака, приписывает признак предмету” [2].

Предикатный тип градуального значения является системообразующим компонентом функционально-семантического поля категории градуальности, отражая взаимодействие семантического, прагматического и грамматического аспектов в гранд-функциях, гранд-коннотациях [3] и прагмемах, а также являясь механизмом междостеречного взаимодействия знаков на основе словообразовательной производности и синтаксической функции.

Предикатный тип отражает концептуальное содержание градуального понятия – выражение меры: компонентный состав градуального знака предикативного типа содержит семемы степени, меры, качества, признака, репрезентируемые словарным значением и грамматическими свойствами, а также сем, имплицитно или эксплицитно существующих в ассоциативном потенциале слов и грамматических форм [4]. Градуальный предикат, его лексическое наполнение градуальным признаком позволяют нам говорить о системе средств выражения функциональной семантики категории градуальности, что и подтверждает высказывание В.В. Виноградова о пронизывании грамматики лексикой.

Характер градуальности ((самая) высокая или (самая) низкая степень признака) в зависимости от нейтральной точки (нормы) на шкале градаций может быть представлен имплицитно и эксплицитно и формирует семантику градуального предиката: *добрый – черствый (человек); маленькие – крупные (глаза)* и др.; *...скромнейший, деликатнейший и образованнейший* (Н. Гоголь).

Импликация свойственна всем основным компонентам, а градуальный предикат-компаратив (*больше, чем / меньше, чем; лучше / хуже; моложе / старше* и т.п.) выступает всегда в эксплицитном виде. Семантические ситуации, выражаемые с помощью компаративных (и суперлативных) форм имен прилагательных (и наречий), относятся к области градуальных суждений, базирующихся на возможности применения предиката с градуаторами “более”/”менее” и “самый”. Данный градуальный предикат составляет ядро предикации гранд-высказывания: *Сейчас Шариков проявляет уже только остатки собачьего, и поймите, что коты – это лучшее из всего, что он делает* (М. Булгаков). В конкретных способах функционирования форм компаратива (и суперлатива) отражены динамика связи описательного (дескриптивного) и градуального аспектов содержательной структуры высказывания.

Градуальный синтаксический член выступает как в имплицитном, так и эксплицитном варианте: *... день был не то ясный, не то мрачный, какого-то светло-серого цвета...; Потом был на вечере у вице-губернатора, на большом обеде у откупщика, на небольшом обеде у прокурора, который, впрочем, стоил большого; на*

закуске после обедни, данной городским главою, которая тоже стоила обеда; ... он [Чичиков] сказал какой-то комплимент, весьма приличный для человека средних лет, имеющего чин не слишком большой и не слишком малый (Н. Гоголь). Градуирующий субъект определяется по контексту. Импликация связана с психолингвистическими особенностями речевой деятельности.

Семантика градуального синтаксического члена и способы ее репрезентации в структуре градуирования зависят от свойств и качеств субъекта и объекта. Мерительные отношения и характер градуирования отличаются спектром языковых форм выражения, значения, определяющегося субъектно-объектными отношениями в семантике категории градуальности.

Языковая форма и семантическая интерпретация градуального синтаксического члена зависят от способа представления субъекта в градуальном высказывании. В текстах художественной литературы субъект преимущественно представлен имплицитно или легко определяется по контексту. Степень градуирования направлена на описательные (дескриптивные) признаки объекта и его сущностные свойства в картине мира: *Я нигде так не скучал по деревне, русской деревне..., как прожил с матушкой в Ницце* (Л. Толстой). Субъект [Левин] требует глагола состояния *скучать*. Ср.: *Левин, прожив с матушкой в Ницце, испытывал тоску (тягостное душевное состояние = требующего большого труда) по русской деревне.* // *Левину больше нравится русская деревня со своими обычаями и праздниками, чем Неаполь, Сорренто...* Глагол *скучал* имплицитно выражает высокую степень проявления состояния. Наречие *так* усиливает значение глагола. В сочетании с ним наречие несет значение “до такой степени, настолько”. Или: *Это [улица имени товарища Губернского] была приятнейшей из улиц, какие встречаются в уездных городах* (И. Ильф, Е. Петров). Субъект градуирования – повествователь – восстанавливается из контекста. Эксплицитное выражение градуального синтаксического члена – определения в форме суперлятива – характеризует самую высокую степень признака (*приятнейшая из*).

Связь ядерных и периферийных компонентов значения, денотативного и коннотативного значений экспликации и импликации, взаимодействие различных аспектов в семантике градуальности (эмоционального, оценочного, интенсивного...) приводят к неравномерному сообщению всех компонентов семантики градуальности. Ср. высказывание: *Не солгу Вам, мой друг, мой роман не только не вышел в количестве шестисот тысяч, но он не вышел и вовсе* (М. Булгаков). В качестве градуирующего субъекта выступает повествователь (М. Булгаков), выраженный личной формой предиката (*не солгу*) и притяжательным местоимением (*мой (роман)*), указывающих на источник речи. Градуируемый объект – *тиражное издание романа*, фактически представленное как количественное числительное (*шестисот тысяч*), и наречие (*вовсе*), градуальный предикат реализуется глаголом с отрицанием (*не вышел*). Цель данного сообщения со специальным градационным союзом – выразить не только низкую степень проявления признака (*не только не вышел в количестве шестисот тысяч...*), но и определить самую низкую степень (крайняя точка) – “но и не вышел вовсе”. Характер градуальности (низкой и самой низкой степени) связан с ее основанием – публикация романа, свидетельствующая либо о трудностях, либо о его качественной оценке (*Плохонький роман!*). В градуальном высказывании свойство, представленное вначале для выражения низкой степени (*не вышло в количестве 600 тысяч...*), является основанием для выражения самой низкой степени (*не вышло вовсе*) в градуальном фрагменте картины мира.

Наиболее продуктивны будут высказывания, в семантической структуре которых представлены градуируемый объект, выраженный подлежащим, и градуаль-

ный признак, приписываемый ему градуирующим субъектом: *Он бездарен, еще и неграмотен ...; Июль был тоньше и умней...* (М. Булгаков). Основание и характер имплицитно (в первом случае) и эксплицитно (во втором) содержатся в семантике слов, с помощью которых строится градуальное высказывание. Во всех высказываниях является обязательное выражение градуального предиката с семантикой градационного отношения низкой и самой низкой степени (1 пример), высокой и самой высокой (2 пример).

Если основная цель проанализированных нами высказываний – мерительное отношение субъекта к объекту с точки зрения той или иной степени градуирования, выражающей понятие **меры** в концептуальном мире говорящего субъекта, то градуальная семантика (см. анализ примеров) является категориальной. Оппозиция “высокая – низкая степень” в рамках мерительного отношения к изменяемому признаку реализуется градуальными предикатами определенных лексико-семантических и лексико-грамматических классов слов в определенных синтаксических конструкциях. Данное положение позволяет нам констатировать семантику градуальности. В том случае, если высказывание несет другую цель (например, эмоциональная, оценочная), то градуальная семантика будет носить контекстуальный характер, который создается периферийным значением: *Не смывается ни холодной, ни горячей водой, ни мыльной пеной, ни керосином. Радикальный черный цвет...; Может быть, тебе дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат?.. Молодой человек солгал: у него не было ни денег, ни квартиры, где они могли бы лежать, ни ключа, которым можно было бы квартиру отпереть. У него не было даже пальто...* (И. Ильф, Е. Петров) // *Такой черный цвет (как сажа), что ничем не смывается... // У него совсем ничего не было (= фразеол. “Гол как сокол”) – страшно беден, ничего не имеет) // Больше ничего нет.*

Основные компоненты семантики градуальности передают ее содержание только в комплексе, ибо градуирующий субъект предполагает выражение субъективной модальности, характер градуирования связан с семантикой высокой или низкой степени признака, а основания градуирования взаимосвязаны и взаимозависимы с психологической категорией отношения к норме. См., Н. Гоголь заметил: “Надобно сказать, что у нас на Руси если не угнались еще кой в чем другом за иностранцами, то далеко перегнали их в умении обращаться. Пересчитать нельзя всех оттенков и тонкостей нашего общения. Француз или немец век не смекнет и не поймет всех его особенностей и различий; он почти тем же голосом и тем же языком станет говорить и с миллионщиком и с мелким табачным торгашом, хотя, конечно, в душе поподличает в меру перед первым. У нас не то: у нас есть такие мудрецы, которые с помещиком, имеющим двести душ, будут говорить совсем иначе, нежели с тем, у которого их триста, а с тем, у которого их триста, будут говорить опять не так, как с тем, у которого их пятьсот, а с тем, у которого их пятьсот, опять не так, как с тем, у которого их восемьсот, – словом, хоть восходи до миллиона, все найдутся оттенки. Положим, например, существует канцелярия, не здесь, а в тридевятом государстве, а в канцелярии, положим, существует правитель канцелярии. Прошу посмотреть на него, когда он сидит среди своих подчиненных, да просто от страха и слова не выговоришь! Гордость и благородство, и уж чего не выражает лицо его? Просто бери да и рисуй: Прометей, решительный Прометей! Высматривает орлом, выступает плавно, мерно. Тот же орел, как только вышел из комнаты и приближается к кабинету своего начальника, куропаткой спешит с бумагами под мышкой, что мочи нет. Прометей так и останется Прометем, а чуть немного повыше чина, с Прометеем сделается такое превращение, какового и Овидий не выдумает: муха, меньше даже мухи, уничтожился в песчинку!” (Мер-

твые души). // Существует правитель канцелярии – *решительный Прометей*, высматривает орлом; Тот же орел у кабинета начальника *становится куропаткой*; Такое превращение с Прометеем и Овидий не мог выдумать: *муха, меньше даже мухи, уничтожается в песчинку!* Градуально-оценочная семантика предиката “Прометей” создается за счет семы объекта градуирования *правитель* – ‘занимающий более высокое место на служебной лестнице’. Для создания градуального высказывания с нисходящей градацией, градуирующий субъект (Гоголь) имплицитно формирует мерительное отношение к данному слову членов языкового коллектива: *Прометей -> орел -> куропатка; муха -> меньше мухи -> песчинка*.

“Неязыковые знания” помогают нам определить логико-понятийную природу денотата с позиций деловых функций “чина” в окружающей действительности и характера их поведения (основания градуирования). Это имплицитно отражается в словах *Прометей – орел – куропатка*.

В основе градуально-оценочных эмоций, вызываемых словом *Прометей*, лежит семема “выдающийся человек с исключительным по глубине и широте размахом деятельности”. Гоголь употребил данное слово в этом значении. Под словом *Прометей* в древнегреческой мифологии понимается Титан, восставший против верховного бога Зевса в защиту людей. Высокая степень признака создается словом *орел* с помощью семемы (в разговорной речи) “о гордом, смелом, сильном человеке” (перен.). Сигнификативное значение данного слова дает возможность создать высказывание с указанием на высокую степень признака: *орел* – 1) хищная птица из семейства ястребиных, с изогнутым клювом, живущая в гористых или степных местностях; 2) перен. О гордом, смелом, сильном человеке.

Парадигматический аспект значения данного слова не до конца помогает нам понять и объяснить природу употребления данного слова. Слово имеет ограниченные сочетательные и словообразовательные возможности: *орлиный взор (взгляд)* – гордый, смелый; *орлиный нос* – тонкий нос, изогнутый книзу; *орлан*; *орлить* – клеймить казенным клеймом и др. (см. В. Даль). Фразеологические сочетания со словом *орел* не употребляются. *Орел* воспринимается как птица гордая, сильная и смелая.

Выражение высокой степени признака словом *орел* (семема “гордый, смелый, сильный человек”) связано с ассоциативным фоном: “*орлиный взор (взгляд)*” – гордый, смелый = *высматривает орлом, выступает плавно, мерно*. Выражение “*орлиный нос*” связано с внешней схожестью основных черт носа – “тонкий, изогнутый книзу”.

Низкая степень признака создается словом *куропатка*. Сигнификативное значение не дает возможности создать высказывание с указанием на низкую степень признака: *куропатка* – дикая птица из семейства куриных (см. *курица*) (см. С. Ожегов).

Парадигматический аспект немного помогает нам понять авторские смысловые ассоциации употребления данного слова для выражения мерительного отношения. Сочетательные и словообразовательные возможности данной лексемы ограничены: *куропатчий* (см. В. Даль); (= *курица* – *курочка*, *куриный*, *курий* (устар.)). Лексема “куропатка” самостоятельно не употребляется во фразеологизме, а лексема “курица” довольно часто употребляется во фразеологизмах. См.: *курам на смех* – о чем-нибудь совершенно нелепом (разг.); *денег куры не клюют* – очень много (разг.); *мокрая курица* – о жалком на вид или бесхарактерном человеке (разг. пренебр.); *с курами ложиться* – очень рано, как только стемнеет (см. Фразеологический словарь...1986). Семантика фразеологизма связана с выражением низкой степени признака представленного денотата.

Выражение низкой степени признака словом “куропатка” (“куропаткой”) го-

ворящими создается семей “жалкий”, “бесхарактерный” (разг. пренебр.).

Если *орел* воспринимается как птица гордая, смелая и сильная, то “куропатка” как птица небольшая, похожая на курицу. Это имплицитно языковое значение смысловых ассоциаций, которые индивидуально или общекультурно связаны с лексемами – “гордый, сильный, смелый” и “жалкий, бесхарактерный” (градуальный компонент – *Орел лучше (больше), чем куро́патка // Куро́патка хуже (меньше), чем орел*).

Таким образом, коннотативные семы “гордый”, “сильный”, “смелый” и “жалкий”, “бесхарактерный” актуализируются в высказывании с нисходящей градацией.

В анализируемом высказывании Н. Гоголя (градуирующий субъект) слова *орлом* и *куропаткой* взаимодействуют друг с другом, вступая в градуальную оппозицию. Через их свойства передается степень проявления признака названного градуируемого объекта (*правитель канцелярии – Прометей, решительный Прометей!*). Мерительный признак слов *орлом*, *куропаткой* (=курицей) формируется и синтаксической ролью обстоятельства образа действия и функционально-семантическими характеристиками выражения градационных оппозиций. В высказывании эти лексемы соотносятся с категориально-семантическим значением одушевленности предмета и входят в одну тематическую группу – пернатые. Специфика создания данного градуально-оценочного высказывания Н. Гоголя заключается в измерении и оценивании признака одного предмета через свойства другого. Цель высказывания обусловлена соотношением языкового и неязыкового значений. В процессе актуализации градуированного значения (самой) высокой – (самой) низкой степени конкретизировались и выступили в составе “речь - смысл” и в виде аллосема (1). Семы “гордый”, “смелый” (*орел*), “жалкий”, “бесхарактерный” (перен. разг. пренебр.) (*куропатка* = *курица*) в коммуникативной ситуации градуирования выявляются “это перешло в мелкую частицу” (сема “крупинки”(песчинки) – *муха, меньше даже мухи уничтожился в песчинку!* // В слове *муха* сема “малое насекомое” включает семему “широко распространенное двукрылое насекомое” // *муха меньше куро́патки и еще (гораздо) меньше орла*. Употребление частицы *даже* усиливает значение низкой степени признака. В слове *песчинка* сема “мелкая” передает самую низкую степень признака.

Высказывание Н. Гоголя строится по типу нисходящей градации и представляет собой градационный ряд – часть градационной шкалы: (*Прометей*) *орел* – *куропатка* – (*муха*) – *песчинка*.

Дифференциальным компонентом значения выступает (самая) высокая (*Прометей*) - высокая (*орел*) - низкая (*куропатка*) - (самая) низкая (*муха*) - (*песчинка*) степень признака, несущая в высказывании имплицитный характер семантической структуры категории градуальности.

Эксплицитные и имплицитные элементы семантики градуальности зависят друг от друга. И субъекту, и объекту, и основанию градуирования свойственны и экспликация, и импликация в виде “мотивировки”. Градуальный предикат выступает в эксплицитном виде: *Сам Левин не помнил своей матери... единственная его [Левина] сестра была старше его...* (Л. Толстой) // *Левин был моложе своей сестры* // *Сестре Левина было больше лет, чем ему* // *Левину было меньше лет, чем его сестре*. Градуальность носит количественный характер, т.к. данные сравнительные конструкции “А моложе Б” ничего не говорят о старости А и Б, а лишь указывают на то, что “А больше (меньше) лет, чем Б”.

Импликация характерна для шкалы градаций, нейтральной точки (норме при градуировании), аспекту градуирования. Имплицитно объект градуирования и

предикат градуирования: См. у Л. Толстого: *Можно так определять характеры: 1. Чуткость большая, меньшая и до... тупости. 2. Ум большой, меньший и до... глупости. 3. Страстность большая, меньшая и до... апатии, холодности. 4. Смирение большее, меньшее и до.. самоуверенности.*

Можно присоединить еще правдивость и живость, хотя это свойство не такое основное. И характеры определять проводимыми чертами (Дневник... 1965. – С. 258).

Система компонентов градуального значения и ее репрезентация зависят от контекста, речевой ситуации. “Знания, “избранные” грамматикой в данном языке, и потенциально грамматические значения, доставшиеся на долю лексики, контекста, речевой ситуации, реально взаимодействуют” [5].

Роль контекста не ограничивается уточнением и конкретизацией того, что выражено грамматической формой. Контекст оказывается равноправным, а в ряде случаев и определяющим компонентом семантического комплекса. При различных вариантах репрезентации контекста в нем также обнаруживается нечто постоянное – общая семантическая функция, объединяющая различные варианты. См.: *Кроме старух, за столом сидели Исидор Яковлевич, Афанасий Яковлевич, Кирилл Яковлевич, Олег Яковлевич и Паша Эмильевич. Ни возрастом, ни полом эти молодые люди не гармонировали с задачами социального обеспечения, зато четыре Яковлевича были юными братьями Альхена, а Паша Эмильевич – двоюродным племянником Александры Яковлевны. Молодые люди, самым старшим из которых был тридцатидвухлетний Паша Эмильевич, не считали свою жизнь в доме собеса чем-либо ненормальным. Они жили в доме на старушечьих правах, у них тоже были казенные постели с одеялами, на которых было написано “Ноги”, облачены они были, как и старухи, в мышинный туалетенор, но благодаря молодости и силе они питались лучше воспитанниц (И. Ильф, Е. Петров.)*

В высказывании градуирующий субъект - повествователь (И. Ильф, Е. Петров), объект градуирования – братья Альхена, основания градуирования – возраст и социальная сфера (*молодые; жизнь в собесе*); характер градуирования – градотатив в функции предиката ((*был*) *самым старшим*) и косвенное дополнение – (*чем-либо ненормальным*).

Градуирующему высказыванию предшествует контекст, направленный на коммуникативную цель – сравнительное описание. Поставим вопрос: *Какого возраста братья Альхена?* Ответ: *Знаем лишь одно: самым старшим был Паша Эмильевич. Ему 32.* Вопрос: *Какова жизнь молодых людей в доме собеса?* Ответ: *Они не считают свою жизнь в доме собеса чем-либо ненормальной.* Вопрос: *Какая жизнь в доме собеса считается нормальной?* Ответ: *Жить на старушечьих правах, иметь казенные постели с одеялами, на которых написано “Ноги”; быть одетым в мышинный туалетенор.* Вопрос: *Чем отличалась их жизнь в доме собеса от жизни там старух?* Ответ: *Питались они лучше, чем старухи.* Вопрос: *По какой причине их питание отличалось?* Ответ: *Питались они лучше потому, что были моложе всех и сильнее.* Для достижения коммуникативной цели в речевой ситуации используются сравнительные конструкции, для выражения высказываний с многокомпонентной градуальной семантикой язык представляет сложные и осложненные синтаксические конструкции.

Знаменательные части речи со значением изменяемого или измеряемого признака (в широком смысле слова) чаще всего используются для выражения градуального синтаксического члена (зачастую предиката). Исходя из этого, градуальный предикат становится ядром качественно-оценочных прилагательных, глаголов со значением меры, слов категории состояния, которые ориентированы на функцио-

нальный компонент значения слова и по-разному участвуют в передаче градуальной семантики в системе одного функционально-семантического поля с синтагматической и парадигматической организацией.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лекант П.А. О коннотативных смыслах высказывания // Грамматическое значение предложения и высказывания: Межвуз.сб.научн.тр. – М., 1987. – С. 4.
2. Там же.
3. В статье используется терминсистема, введенная и обоснованная нами в работе Колесниковой С.М. Семантика градуальности и способы ее выражения в современном русском языке. – М., 1998. – 180 с.
4. См.: Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке. – М., 1993. – 125 с.; Маркелова Т.В. Оценочный предикат // Русское предложение: компоненты с модальной, оценочной, экспрессивно-эмоциональной семантикой: Монография /Под ред. П.А. Леканта. – М., 2006. – С.79.
5. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. – Л., 1971. – С. 28.

ПРАГМАТИКА РУССКОГО ЗАГОВОРА

Лингвокультурологический анализ сакрального текста (СТ) как семиотического способа трансляции культурной информации невозможен без учета фактора пользователя СТ. Один из основных постулатов прагматики – отношение знака к интерпретатору – базируется на том, что «семантическое правило имеет своим коррелятом в прагматическом измерении навык интерпретатора использовать знаковое средство при определенных обстоятельствах и, наоборот, ожидать что-то, если используется данный знак. Правила образования и преобразования соответствуют реальным сочетаниям знаков и переходам, которые использует интерпретатор, или ограничениям на использование знаков, которые он устанавливает» [1]. Заговор по сути своей максимально прагматичный СТ. Он воссоздает энциклопедическую полноту картины мира, в котором «здоровье, сила, любовь, удача, безопасность, благополучие, счастье образуют основу человека. Но каждое из этих состояний может быть повреждено и превратиться в нездоровье, слабость, ненависть, неудачу, опасность, неблагополучие, несчастье, и против всего этого бороться можно, а заговор имеет дело лишь с тем, что возможно (нет заговоров от смерти или о бессмертии: такие просьбы и желания – достояние молитв и иных жанров). Когда это случается, на помощь приходит заговор, так как в нем исходно есть установка на высокий положительный смысл мира и человека» [2]. Прагматика заговора основана на том, что кодирование и декодирование информации осуществляется участниками сакральной коммуникации, владеющими неким общепризнанным набором магико-символических знаков, правил их сочетания и навыками их выбора и использования в определенных ритуалах целых. Ориентируясь, с одной стороны, на традицию, стереотип, сакральный канон, исполнитель заговора, с другой стороны, сам выбирает контекст решения прагматических задач средствами сакрального канона, особый «хронотоп – тот пространственно-временной горизонт, в пределах которого человек осуществляет свое действие» [3]. Следует при этом учитывать, что всегда «естественная эгоцентричность человеческой речи находит свое выражение в прагматическом содержании любого высказывания» [4].

Субъект, исполнитель заговора, должен осуществить выбор формы выражения сакрального содержания (заговорных клише и невербальных компонентов) в соответствии с прагматической установкой, ситуацией, адресатом. Особенность заговора по сравнению с другими СТ заключается в том, что субъектом является не только тот, кто исполняет текст, но и тот, кто участвует в ритуале и формально является объектом магических манипуляций заговаривающего: больной человек, которого нужно излечить посредством СТ; жених и невеста в одном из ритуалов свадебного обряда, на которых нужно наслать «благодать» или от которых отвести возможные неприятности, и т.п. Все реальные участники заговорного акта должны обладать культурной компетенцией, соответствующими фоновыми знаниями (совокупностью пресуппозиций), достаточными для адекватной интерпретации сакрального смысла текста. Это связано с сутью сакрального, которое отличается от профанного как «мир энергий (сил) от мира субстанций (вещей), <поэтому> чистое и нечистое оказываются подвижными, взаимозаменяемыми, ... сила может приносить добро или зло в зависимости от конкретных обстоятельств, в которых она проявляется в тот или иной момент. В виртуальном состоянии она двойственна, <и лишь> в действии она становится однозначна» [5]. Субъект заговора апеллирует к различным видам магии с целью достижения желаемого эффекта, и в первую очередь исполь-

зует разнообразные языковые формы взаимодействия с виртуальной реальностью (табу, иносказания, умолчания, задабривания, команды и т.п.). Особую роль в этих магических ритуалах играют случаи, в которых произнесение слова суть совершение действия [6], «ритуал, эстетизируя действие, как бы обращает его в речь, магическая речь сама по себе уже действие» [7].

Объект заговора – это своего рода «симулякры», не реальные персонажи, а те, которые созданы коллективным сознанием как воплощение сил добра и зла, помогающих человеку или наносящих ему вред. Выбор прагматических клише осуществляется в соответствии с верованиями¹ и сакральным канон жанра: «Знаки можно использовать, чтобы информировать кого-либо о свойствах объектов или ситуаций, побудить кого-либо к предпочтительному поведению по отношению к определенным объектам или ситуациям, вызвать определенную линию поведения, организовать предрасположенность к поведению, уже вызванную другими знаками» [1]. От типа объекта, на который заговор направлен, зависит выбор речевого жанра, конкретных языковых формул, неязыковой символики, алгоритма мифоритуальных действий. Речевой жанр рассматривается нами в традиционном плане как относительно устойчивый тип высказывания, относящийся к определенной сфере использования языка [7].

Первый тип прагматических установок связан с полем положительной оценки:

Речевые жанры	Адресат-помощник
Просьба Мольба Молитва Уговор	Высшие силы: <i>Вся святая небесная сила, Матушка Пресвятая Богородица, Мать Божья, Царица Небесная, Иисус Христос, Сын Божий, святитель Христов Никола-батюшка, ангелы-хранители, двенадцать апостолов, человек Божий; царь Морской: И помолюсь Пресвятой Матери Божьей Богородице: Пресвятая Мати Богородица, соходи с престола Господня и бери свои золотые ключи и отпирай у рабы Божьей мясные ворота, и выпускай младеня на свет и на Божью волю. Во веки веков, аминь</i> [8, №1]; олицетворенные силы добра или связанные с человеком логикой participation явления природы, бытовые предметы (зоренька красная, ясная, утренняя; река-рекица, вода-водица; батюшка дверной скрип, сенной скрип, сенная дверь, банюшка-парушка): Камешек, камешек, не бойся ни стуку, ни юкку, ни исполоху, ни переполоху, ни злящего морозу. Раб Божий Иван, не бойся ни стуку, ни юкку, ни исполоху, ни переполоху, ни злящего морозу. На утренней заре, на вечерней заре. Аминь [9, № 249]; животные, птицы, рыбы (куры белы, куры рябы, куры всяки; серый кот, щука и др.); ребенок, дети (царь деньской, зверь лесной, дедушка водяной; дитя, раб Божий и т.п.): Я тебя, дитя, породила, таланом, участью наделила. Не мешай ночью спать, а днем дело делать [9, № 73]. – <i>Кошки, спите?</i> – <i>Спим.</i> – <i>Собаки, спите?</i> – <i>Спим.</i> – <i>Куры рябы, куры черны, куры всяки, спите?</i> – <i>Спим.</i> – <i>И ты, раб Божий Иван, спи. По утрам, по вечерам, по темным ночам</i> [д. Казанкова, Камышл.].

¹ «... верования – привычки действовать определенным образом. Деятельность мысли порождается сомнением и прекращается, когда верование достигнуто» [8].

По своей содержательной сути указанные речевые жанры представляют собой обращение субъекта, имеющего целью исполнение желания, к кому-либо (адресату-помощнику), кто может это желание исполнить. Ср.: Просьба. *‘Обращение к кому-либо, призывающее удовлетворить какие-либо нужды, желания, исполнить, соблюсти что-либо’* [10, т. III: 530]. Мольба. 1. *‘Горячая, страстная просьба’*. 2. *‘Молитва, моление’* [10, т. II: 285]. Уговор. 1. *‘Убеждение, увещание кого-либо в чем-либо’*. 2. разг. *‘Взаимное соглашение по поводу чего-либо’* [10, т. IV: 458].

Ведущими в этой группе заговоров являются **перформативные** высказывания, «в которых повествование равносильно самому осуществлению действия, <причем> наличие слова *я* или других обозначений эксплицитной связи с говорящим является основным условием <их>создания» [4]. Адресат обращения в таких конструкциях может быть как эксплицитным, так и восстанавливаемым из предыдущего контекста. Ср.:

Идет Иисус Христос, я ему возмолилась, я ему воскорила: Иисус Христос, открой трое ворот... выпусти раба Божья младеня – [9, № 19]. На престоле сидит Пресвятая Богородица, Царица Небесная. Я тебе помолюсь, Я тебе поклонюсь, возьми ключи золотые, отпри горы местные, горы отпирай, крови проливай, мне, рабе Божьей (имя), младенца на руки давай – [9, № 16].

В первом случае рефлексивный перформатив используется при прямом обращении, во втором – при обращении, поддержанном контекстом.

Просьба и мольба могут быть выражены сочетанием перформатива с формой условного наклонения:

Я помолюсь, попрошу истинного Христа батюшку, чтобы у меня никогда бы не скомнуло, никогда бы не болело, ни в каких мозгах, ни в каких ростах, ни в алой крови, ни на гладкой коже [9, № 1369].

Специфически представлен в заговоре уговор. Эта форма коммуникации предполагает «взаимное соглашение по поводу чего-либо», однако адресат заговорного обращения «лишен права голоса» (см. упоминаемую выше «риторическую адресатность»). Субъект – отправитель заговора – должен поэтому прибегать к тактикам задабривания и посулов, чтобы «гарантировать» договоренность: *Встану, благословясь, пойду, перекрестясь, помолюсь и поклонюсь двум зорям, двум сестрам. Утренняя зоря Дарья, вечерняя зоря Марья, говорю я вам, уговариваю: а возьмите-ко вы у меня всю кашлету и удушье, а снесите-ко ее за океан-море. За океан-морем вас ждут-пождут, все примут. Там для вас напечено и наварено [Асб.].*

Второй тип прагматических установок связан с полем отрицательной оценки и характеризуется бóльшим разнообразием речевых жанров:

Речевые жанры	Адресат-вредитель
Принуждение Приказ Предписания Угрозы Устрашение	Олицетворенные силы зла – болезни: <i>недуги, золотухи, исполох, переполох, болезнь всякая, мука мученическая, причина глазливая, рожа ветряная, водяная, глазная, головная, застудная, ломовая, красная, огненная, пухлая ..., руда жильная, грыжа белая, желтая, зеленая, грудная, паховая, моховая, подветренная, подъязычная, подъяичная, ушная, становая ..., тоска, сухота, чирей, чирей Василей, собачья пропасть, родимка-злодейка, ревунюшки-плакунюшки: Красна красушина, золота золотушина, скатися с бела тела раба Божья (имя). Тут тебе не бывать, тут тебе не живать, а бывать тебе по болотам, по гнилым колодам, по сухим сукам, по мышинным норам [д. Захаровка, Камышл.];</i>

	демонологические персонажи: <i>шутуха-бутуха полуночица, денная полуденница, щекотка, крикса-моракса, бес ночной, бес проклятый, дьявольский нечистый дух, враги-супостаты, сатанинские дети, черт с чертовкой: Пришла, жаба, добром и отойди, жаба, добром, а не пойдешь, жаба, добром, обую жабу в березовы лапти, в ременные оборы и брошу жабу под Березов куст, чтобы не болело, чтобы не щемило и пить, есть не мешало у раба Божия (имярек) [8, № 121];</i> растения: <i>скрипун-трава, дурман-трава, дуб, тополь: Дуб-суходуб, возьми свою глоть, и собачью, и медвежью: не возьмешь свою глоть, сглотну тебя с ветвями и с корнями [8, № 117];</i> животные, птицы: <i>медведь клыкастый широколапый, волк, гад-змея, гадюки гладуши, черный ворон, сова Заозерская: Огонь жгучий, рыба живучая. Огонь, умри, рыба, оживи [9, № 1693];</i> явления природы: <i>огонь жгучий палючий, пень березовый, серый мрак, тьма крошечная, столб соляной: У рабы твоей (имя) солнце перед глазами, месяц у ней за плечами, звезды все на нее смотрят. Звездочкой раба Божья подвядет, ничего не будет бояться. Серый мрак, раскатись – все враги, разойдись [9, № 2333];</i> антропоморфные пороки: <i>ненавидости, мысль дикая лихая, худая дума, худая мысль, злобищи, раздоры и брани и т.п.: Раздоры и брани, несговоры и трани, вылезайте из мышьих нор, из кротинных ходов, идите к рабу Божию (имя) с работой Божьей (имя), чтобы драться им ругаться и в крови передираться, не сговариваться [Тавда].</i>
--	--

Естественно, что указанные речевые жанры ориентированы на более «жесткую» коммуникацию, предполагающую «давление на партнера» (адресата-вредителя) с той же целью, что и в предыдущем случае – исполнение желания. Ср.: Приказ. 'Указание о выполнении чего-либо, распоряжение' [10, т. III: 413]. Принуждение. 'Действие по значению глагола принуждать, принудить – заставить что-либо сделать' [10, т. III: 428]. Предписание. 1. 'Действие по глаголу предписать – отдать распоряжение о чем-либо, приказать'. 2. 'Предложить кому-либо соблюдать или сделать что-либо' [10, т. III: 368]. Устрашение. 'Действие по глаголу устрашить – вызвать, внушить страх, испугать' [10, т. IV: 526]. Угроза. 'Обещание причинить кому-либо зло, неприятность' [10, т. IV: 462].

В этой группе заговоров в качестве ведущего способа выражения прагматической установки выступает **императив**, имеющий достаточно широкий репертуар форм выражения просьбы, приказа, пожелания и позволяющий четко формулировать коммуникативный замысел исполнителя заговора. Наиболее частотной моделью обозначения действия в заговорах этой группы является обращение + императив со значением приказа, предписания, распоряжения:

Не ходите, золотники, по утробе, не ищите младенца, питайтесь хлебом и солью [9, № 11]; Хозяин, хозяйюшка, полюбите нашу Пестронюшку, попойте, покормите и полюбите [9, № 966].

Приказ может содержать распоряжение о выполнении чего-либо, переданное через посредника: *Брат муравей, скажи брату своему муравью, чтобы он моего тела не уязвлял, яду своего не отпускал [8, № 176].*

Значение императива усиливается угрозами, устрашением, обещанием причинить зло в случае неисполнения приказа:

Змея Екатерина и змей Галич, выньте свой яд из крещеного тела рабы Пелагеи. Если же вы свой яд не вынете, буду жаловаться ангелу-архангелу небесному, грозному. Он вас побьет, он вас пожжет, пепел ваш в океан-море снесет, повыве-

дет весь ваш род и племя, чтоб вас ни одного гада-змея не было на белом свете [9, № 1764].

Иногда отмечается кажущееся сужение схемы, отсутствие в ней глагола: *В правое ухо – кочьвон, уховерт – вон, слухи-глухи – вон!* [9, № 1384]; *С гусеньки – вода, а с Андрюшеньки – худоба* [9, № 48]; *Вода – с лица, краса – на лицо* [9, № 579]. Однако в таких эллиптированных предложениях императив легко восстанавливается, к тому же, на его наличие указывает наречие, называющее направление действия *вон*.

Более «мягкие» формы императива можно видеть в тех случаях, когда:

а) предлагается альтернатива «делай то, а не то»: *Полунощица-щекотунья, вот тебе полук, вот тебе каменка, вот тебе порог. Щекочи да улетай, моего раба Божия (имя) младенца не задевай* [9, № 83];

б) используется инфинитив с модальным словом:

– *Крещеные, спите?*

– *Спим. Все спят. Кошки спят по печурочкам, собаки спят... только у нас один раб Божий не спит.*

– *Надо спать рабу Божию* [9, № 96];

в) используется «смягчающая» частица *-ка*: *Утренняя зоря Ульяна, вечерняя зоря Маремьяна, а возьмите-ка вы у меня всю кашлету и удушье, а снесите-ко ее за океан море* [9, № 1397].

Любопытный пример описываемой модели представляет собой следующий заговор:

Шутуха-бутуха полунощица! Не шути, не греши! Малого младенца Андрея не тронь, не шевели, за волосица не тереби, за бока не щипли, за подошвицы не щекочи, не шути, не греши [9, № 78].

В текст заговора введено императивное кольцо *не шути, не греши*, внутри которого содержится детализация нежелательных действий, что связано с ментальной моделью: назвать (перечислить) все возможные действия (явления, предметы), от которых произносится оберег, так как заговор действует только на поименованные явления.

Другая ядерная модель со значением пожелания эксплуатирует инфинитив «как... так и (бы) инфинитив = оптатив»:

Как Пресвятая Богородица Христа родила без мук, без болей, так бы и рабе Божьей (имя) родить без муки, без боли [9, № 17]; *Как кровать молчит, так и младенец будет молчать* [9, № 34].

К периферии заговорной модели действия можно отнести пожелания в форме **оптатива**, условного наклонения в несобственном значении, изображения желаемых действий как свершившихся, достигших результата, а также пояснения словом действия. В целом же специфика заговорного действия «заключается в сдвиге модальности от индикатива к оптативу» [11].

В зависимости от позиции заговаривающего субъекта можно выделить две прагматические ситуации заговора, отличающиеся тактиками и приемами воздействия на адресата.

Ситуация 1. Адресант произносит заговор и сам исполняет действия. В этом случае основу СТ составляет перформатив (см. выше). Часто при этом СТ редуцирован, так как непосредственные описания действий могут быть пропущены и компенсированы невербальными компонентами ритуала. Информант, сообщающий такой заговор, как правило, детально описывает производимые магические действия, сопровождающие словесный ряд и никак не обозначенные в тексте, и комментирует их:

«Матушка Пресвятая Богородица, спаси, благослови! Я тебе помолюся, я тебе покорюся. Катится бессонница-полуночица, не май моего дитятка, не май, не позорь. Я сама его мою, сама пеленаю, как свет Пресвятая Богородица мыла, пеленала», – говорят это и гладят ребеночка по ручкам, по ножкам по три раза каждую ручку, каждую ножку, чтоб, значит, здоровый был. Потом на каждую сторону надо дунуть, плюнуть, окромя каменки, на ее нельзя плевать. Штеб ребеночек не пугался его три раза водой умывают, которой сперва дверны ручки обмывали. Надо сделать это наговорну воду, штеб не брезгали и кака зараза не пристала, и серебряной ложечкой черпать [д. Чернокорово, Богд.].

Ситуация 2. Адресант произносит заговор, но описываемые в нем действия исполняет не он сам, а какое-то другое лицо или существо. В этом случае описание действий и ритуальной символики включено в саму заговорную формулу, а невербальный ряд сакральной коммуникации либо минимален, либо включает только предметную символику:

Стану, благословясь, выйду, перекрестясь, из избы дверьми, под восточну сторону. Под восточной стороны есть море-окиан (пропуск). В той Божьей церкви есть старичок кудрявой, ходит он, носит тетивую шелку, стреляет и отстреливает от раба Божьего младенечка (имя) все прикосы и уроки, щепоты и ломоты, опухоль и оговор от раба Божия младенца – на утренней зари, на вечерний зари, на кажных безымянных днях, на полном месяцу, на перекроенном на ущербе месяце (пропуск). Не бойся, раб Божий младенечек, ни прикосов, ни уроков, ни щепотов, ни ломотов. Не бойся ни девки-волосатки, ни жинки-простоволоски, ни мужика-дурака, ни пьюшшего, ни матушшего [9, № 357].

К невербальным «усилителям» магического эффекта можно отнести предметно-акциональную символику, сопровождающую вербальную формулу в описании ритуала. Например, символом совершенности действия, достижения результата, преодоления рубежа является перешагивание исполнителя СТ через порог, межу, завязанную нитку; символом уничтожения чего-либо – сжигание, смывание, размельчение, разрезание и т.п. каких-либо символических эквивалентов.

Все проанализированные структурно-семантические формулы заговорного действия соотносятся с ментальными моделями и выступают как интерпретационный фонд прагматических намерений субъекта заговора, ориентированного на социокультурные стереотипы поведения в определенных традицией ситуациях. По замечанию Э. Сепира, язык «настолько глубоко коренится во всем человеческом поведении, что остается очень немного в функциональной стороне нашей сознательной деятельности, где язык не принимал бы участия» [12].

Таким образом, можно говорить об особом варианте реализации социосемантики² обозначений действия в заговорах. Наиболее ярко выраженной социосемантикой обладают обозначения заговорных действий, детально регламентированных ритуалом (обрядом), который выступает в данном случае как некая социальная память (память фольклорного социума) о морально-этических, национально-культурных, культовых и других представлениях русского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Моррис Ч.У. Из книги «Значение и означивание». Знаки и действия // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С.Степанов. Изд-е 2-е. – М., 2001. – С. 73, 141.

2. Топоров В.Н. Об индоевропейской заговорной традиции // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. – М., 1993. – С.11.

3. Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. – СПб., 2004. – С. 43.

² Под социосемантикой понимается отражение в значении слова социокультурных регламентаций поведения, верований, стереотипных представлений об окружающем мире.

4. Химик В. В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. – Л., 1990. – С. 170, 32.
5. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. – М., 2003. – С. 164.
6. Остин Дж. Как производить действия при помощи слов // Остин Дж. Избранное. – М., 1999. – С. 24.
7. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998. – С. 647.
8. Русские заговоры /Сост. Н.И. Савушкина. – М., 1993. В скобках указан номер заговора.
9. Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953-1993 гг. / Под ред. В.П. Аникина. – М., МГУ, 1998. В скобках указан номер заговора.
10. Словарь русского языка в 4-х т. – М., 1984.
11. Топорова Т.В. Язык и стиль древнегерманских заговоров. – М., 1996. С. 23.
12. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М., 1993. – С. 231.

НОРМЫ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И РУССКИЕ ГРАММАТИКИ XVIII В.

Орфография, как и орфоэпия, в XVIII в., по замечанию В.В. Виноградова, оставалась неустойчивой [1], но в печатных изданиях этого периода мы видим решительный шаг вперед, заключающийся в ограничении и устранении вариативности, по крайней мере у одного и того же автора и издателя.

Иная картина наблюдается в деловой письменности, которая продолжала традиции актового письма допетровской эпохи, причем эти традиции оказываются весьма устойчивыми. Ни практика книгопечатания, ни грамматики не оказывали на деловое письмо сколько-нибудь заметного влияния. По-прежнему наблюдается сосуществование фонетических и традиционных написаний, причем в ряде случаев фонетический вариант становится преобладающим. Как и в памятниках XVII в., широко представлены колебания, вызванные в свое время следствиями падения редуцированных, изменением *е* в *о* (*черныи* и *чорныи*). После *ж* и *ш* употребляются буквы *и* и *ы*, в окончаниях род пад.ед. числа мужского и среднего рода пишется как *з*, так и *в*, в течение всего столетия наряду с унифицированными употребляются старые формы дат. – творит. – предл. пад. мн. числа существительных.

С другой стороны, деловое письмо XVIII в. претерпевает постепенные изменения, вызванные главным образом реальными языковыми изменениями относительно недавнего времени. Так, утрата [ѣ] в любом фонетическом положении, в большинстве русских говоров осуществившаяся уже к XVII в., приводит к тому, что буква **ѣ** становится необязательной не только в безударном слоге и под ударением перед буквой мягкого согласного, но и перед буквой твердого согласного, т.е. написание *е* и здесь становится нормальным. В этот период появляются написания *и* после *ц* (в XVI в. было возможно почти исключительно *ы*). В первые десятилетия XVIII в. исчезают формы на *-ые(-ие)* в род. пад. ед. числа женского рода имен прилагательных.

Основные различия между орфографией, складывающейся в XVIII в. в печатных текстах, и нормами, отраженными в грамматиках того времени, с одной стороны, и орфографией делового письма, с другой, в основном сводятся к следующему:

1) Деловая скоропись сохраняет широкую вариативность, в то время как нормы, использующиеся в других функциональных разновидностях письменности и кодифицированные грамматиками, характеризуются тенденцией к установлению единообразных написаний на основе морфологического принципа.

2) Кодификаторы орфографии XVIII в. стремятся закрепить на письме большое количество традиционных написаний, в том числе и искусственных, церковно-славянских; деловая же письменность по-прежнему ориентирована на живую русскую речь.

В некоторых случаях, однако, нормализаторы русской орфографии, стремясь устранить вариативность, часто кодифицируют в качестве единственно возможного написания варианты, соответствующие языковым реалиям эпохи (например, формы *-ам*, *-ами*, *-ах* во мн. числе существительных, в то время как в деловой письменности XVIII в. колебания между унифицированными и старыми формами, как уже указывалось, наблюдаются в течение всего XVIII века).

Наглядное представление о различии этих двух орфографических тенденций дает сопоставление чисто орфографических и морфологических норм, нашедших

отражение в двух наиболее известных грамматиках XVIII столетия («Российской грамматике» М.В. Ломоносова и «Российской грамматике» А.А. Барсова), с материалами деловых рукописей. Такое сопоставление, кроме того, позволяет получить более точное представление о состоянии языка раннего периода русской нации и выявить особенности отражения языковых фактов в письменных текстах (в данном случае текстах делового содержания) как XVIII в., так и предшествующего периода.

«Российская грамматика» М.В. Ломоносова, напечатанная в 1757 г. (хотя на титульном листе стоит 1755 г.), оказалась заметным событием в общественной жизни России. Труд профессора Московского университета А.А. Барсова под тем же названием, хотя и предназначался для печати, опубликован не был, так как оказался совершенно непригодным в качестве учебного пособия. «Российская грамматика» А.А. Барсова – это наиболее полное в XVIII веке *научное* описание русского литературного языка, в котором автор, продолжая ломоносовские традиции, делает дальнейший шаг в развитии отечественной русистики.

Как и Ломоносов, Барсов обосновывает морфологический принцип орфографии: «Буквы коренных слов и простых, тако ж и начал по большей части удерживаются в производных или измененных также и в сложных словах, есть ли не препятствуют тому другие правила... » (с. 83) [2]. В грамматике Барсова отсутствуют рассуждения о необходимости сохранения буквы **ѣ**: в то время этот вопрос, по-видимому, уже потерял свою актуальность, так как буква **ѣ** уже прочно утвердилась в новой орфографии.

Оба автора уделяют особое внимание правописанию приставок. «Слитные предлоги должны в сложении удерживать свои прежние согласные, невзирая на мягкость или твердость следующие согласныя», – указывает М.В. Ломоносов, возражая сторонникам фонетических написаний (с. 57) [3]. Исключение составляют приставки на *з* и *с*, «ибо древнее их употребление к тому принуждает» (с. 58). А.А. Барсов, указывая это же правило, замечает, однако, что во многих словах наблюдается отступление от него, и приводит примеры написания *з* перед *с* типа *разсматриваю, разсуждаю* и т.п. (с. 84).

В деловой письменности XVIII в. сохраняются вариативные написания, связанные с обозначением согласных перед другими согласными и противоречащие морфологическому признаку. Это касается и приставок на *з*.

В обеих грамматиках большое внимание уделяется правилам слитного и раздельного написания слов, причем у Барсова эти правила изложены более пространно и детально, в частности он касается правописания частицы *не* с разными частями речи (с. 85 – 86). Говоря о том, что «в речениях погрешают часто слитием и разделением предлогов», Ломоносов отмечает особенности скорописных текстов: «Слитие в скорописи сплошь видно» (с. 59). Действительно, деловые рукописи XVIII в., в отличие от более ранних памятников, отличаются колебаниями в слитном или раздельном написании предлогов, союзов и частиц, т.е. слов, не имеющих самостоятельного ударения.

В дат. – предл. пад. ед. числа существительных I типа склонения деловые тексты XVIII в. фиксируют окончание *-e(-ѣ)* или *-и(-ы)* в зависимости от территориальной принадлежности текста. Так, в северо-западных деловых документах вариант *-и(-ы)*, отражающий местную морфологическую особенность, является весьма устойчивым на протяжении всего столетия. Обе грамматики указывают на единственно возможное (конечно, для литературного языка) окончание **ѣ**. Однако архаические формы на *-и* существительных мягкой разновидности нередко встречаются в литературном языке XVIII в., в том числе и в произведениях самого Ломоносова,

изредка они отмечаются даже у Пушкина и Гоголя [4].

Творит. пад. этого типа склонения представлен в письменных памятниках вариантными окончаниями *-ою(-ею)* и *-ои(-еи)*, причем односложная флексия получает широкое распространение лишь со второй половины XVII в. Указывая оба варианта, М.В. Ломоносов на первое место ставит старое окончание *-ою(-ею)* (с. 65 – 67). Основным вариантом считает эту флексию и А.А. Барсов: «В творительном *ы*, также и *и* после *г, к, х* переменяется на *-ою...* окончание родительного *и* переменяется в творительном на *ею...* (с. 105 – 106), замечая, однако, что «оба же его, падежа, окончания, то есть *ою* и *ею*, везде по востребованию могут для сокращения переменяться на *ой, ей*» (с. 106).

Оба автора уделяют большое внимание вариантным формам род. и предл. пад. ед. числа существительных мужского рода. В деловой письменности XVIII в. флексия *-у(-ю)* еще достаточно продуктивна, ее принимают даже новые заимствования. Факт высокой продуктивности форм на *-у* подтверждается авторами грамматик XVIII в. М.В. Ломоносов отмечает, что «происшедшие от глаголов употребительнее имеют в родительном *-у*» (с. 81). Действительно, в деловой письменности отглагольные образования с флексией *-у* отличаются исключительной употребительностью. М.В. Ломоносов указал и на стилистическое различие форм на *-у* и *-а*: окончание *-у* эти имена «тем более... принимают, чем далее от славенского отходят, а славенские, в разговорах мало употребительные, лучше удерживают *а*» (с. 81). По свидетельству ученого, «имена собирательные и таких вещей, которые по мере, по числу или по весу разделяются, в родительном падеже больше кончатся на *у*, нежели на *а*» (с. 82). Преимущественное употребление форм на *-у* характерно и для имен со значением времени и места. Напротив, у слов с конкретным значением преобладает флексия *-а* (с. 82).

Весьма сходную характеристику вариантных форм находим и в грамматике А.А. Барсова, причем Барсов четко противопоставляет одушевленные и неодушевленные существительные, подчеркивая, что одушевленные имена употребляются исключительно с флексией *-а*, тогда как неодушевленные могут принимать и *-у*. Более подробно описывается стилистическое различие вариантов. По его мнению, слова, «общие славянскому и российскому языкам, принимают *а* и *у* или *я* и *ю*, смотря по тому, как содержание речи важно, и слог требуется высокий или посредственный и низкий» (с. 118). Вслед за Ломоносовым Барсов отмечает преобладание варианта *-у* у имен с вещественным, собирательным значением, а также со значением времени и места (с. 118 – 119).

Таким образом, данные деловой письменности и свидетельства русских грамматиков убедительно доказывают, что в живом языке XVIII в. формы на *-у* в род. пад. охватывали значительную часть неодушевленных имен существительных, а в некоторых категориях имен преобладали над вариантом *-а*.

Достаточно продуктивной, хотя и менее распространенной, чем в род. пад., флексия *-у* была и в предл. пад. М.В. Ломоносов, а вслед за ним и А.А. Барсов, отмечают употребительность форм на *-у* в кругу существительных, обозначающих место и время, особенно тех, которые имеют это окончание и в род. пад., нехарактерность их для иноязычных слов, почти исключительное их употребление после предлогов *в* и *на*, подчеркивают стилистические (а Барсов и семантические) различия вариантов (Ломоносов, с. 85; Барсов, с. 121 – 122). И в этом случае грамматики не противоречат данным деловой письменности, свидетельствуя об адекватном отражении морфологического явления в письменном тексте.

Как известно, относительно поздно и слабо отражается в письменных памятниках процесс распространения форм с ударным *а* в им. пад. мн. числа мужского

рода типа *города, мастера* и т.п. В деловой письменности XVII в. обычно встречаются лишь формы *колокола, леса* [5]. Единичны подобные написания и в текстах XVIII в. Между тем в грамматиках М.В. Ломоносова и А.А. Барсова отмечается несколько более широкий круг имен с вариантными окончаниями *-а(-я)* и *-ы(-и)* (Ломоносов, с. 67; Барсов, с. 124). Сам факт редкого употребления новых форм в памятниках, безусловно, свидетельствует о позднем развитии данного морфологического явления, однако грамматики констатируют более высокую степень развития процесса распространения новых форм, чем можно было бы предполагать, исходя только из показаний деловой письменности.

Одним из наиболее спорных вопросов русской исторической морфологии остается вопрос о времени завершения процесса унификации форм дат. – творит. – предл. пад. мн. числа существительных. Деловая письменность XVII в. характеризуется колебаниями в употреблении новых и старых форм, причем их соотношение не обнаруживает существенных территориальных различий. Такая же картина наблюдается и на протяжении всего XVIII столетия. «Российская грамматика» М.В. Ломоносова вообще не фиксирует старых форм (с. 69 – 75), хотя сам автор неоднократно употребляет, в том числе и в тексте самой грамматики, старые формы творит. пад. Отмечая только унифицированные формы, А.А. Барсов, в отличие от М.В. Ломоносова, обращает внимание на особенности именно творит. пад.: «Почти все творительные множественные сего склонения по востребованию могут сокращены быть и премногие действительно сокращаются, переменяя: а) окончание *ами* на *ы*, как то отцами *отцы*, концами *концы*, соколами *соколы*...окончание *ями*...на *и*: знаменами *знамени*...кораблями *корабли*, огнями *огни* и проч.» (с. 129 – 130). В деловой письменности, однако, нет никаких принципиальных различий в употреблении форм этих трех падежей.

Таким образом, русские грамматики XVIII в. ясно свидетельствуют об отсутствии старых форм дат. – творит. – предл. пад. в живой речи (кроме форм на *-ми*) и кодифицируют новые окончания, а вариантность отражала письменную традицию делового языка. Что касается форм творит. пад. на *-ы(-и)*, употреблявшихся наряду с формами на *-ами(-ями)* не только в деловых документах, но и в других сферах письменного общения, то они, безусловно, являлись грамматическими архаизмами и представляли собой одну из особенностей литературного языка XVIII в.

Кодификация русской орфографии в XVIII в. коснулась ряда форм прилагательных, где были нормализованы церковно-славянские написания. В им. пад. ед. числа в это время живой была флексия *-ои(-еи)*, что и отражено в текстах деловой письменности; кодифицируется, однако, книжное окончание *-ый(-ий)*. Церковно-славянские формы были закреплены в род. пад. всех трех родов: *-аго(-яго)* в мужском и среднем, *-ья(-ия)* – в женском. Родовая дифференциация была проведена в им. пад. мн. числа: флексия *-ые(-ие)* закреплялась только за формами мужского рода, для женского и среднего было рекомендовано употреблять окончание *-ья(-ия)*. Это правило было установлено Академической типографией в 1733 г. Деловая письменность отражает в основном русские формы: в род. пад. мужского и среднего рода употребляются варианты *-ого(-его)*, *-ово(-ево)*, *-ова(-ева)*, в род. пад. женского рода в XVIII в. закрепляется флексия *-ои(-еи)*, полностью вытеснившая вариант *-ья(-ия)*. Формой на *-ые(-ие)*, общей для всех трех родов, представлен им. пад. мн. числа. Церковно-славянские написания *-аго(-яго)* и *-ья(-ия)* заметного распространения в деловых текстах не получили.

М.В. Ломоносов приводит три варианта им. пад. мужского рода, располагая их в такой последовательности: *ый, ой, ей* (с. 76). Сам он употребляет как русский, так и церковно-славянский варианты. Можно заметить, что флексия *-ый* употребляется

обычно в словах, относящихся к лингвистической терминологии. Однако в парадигмах причастий указываются только формы на *-ый(-ий)* (с. 176 – 177).

В род. пад. ед. числа М.В. Ломоносов приводит русские и церковно-славянские варианты, причем в род. пад. имен прилагательных мужск. и ср. рода Ломоносов пишет исключительно *-аго(-яго)*. С окончанием *-ого(-его)* употребляются только некоторые местоимения (с. 171 – 174). Касаясь нормы употребления форм им. пад. мн. числа, Ломоносов замечает: «Е и Я нередко за едино употребляются, особливо во множественном числе прилагательных пишут, *святые* и *святые*. Сие различие букв Е и Я в родах имен прилагательных никакова разделения чувствительно не производит: следовательно обоих букв Е и Я, во всех родах, употребление позволяется; хотя мне и кажется, что Е приличнее в мужеских, а Я в женских и средних» (с. 52 – 53).

Таким образом, орфографические рекомендации Ломоносова в отношении церковно-славянских написаний не обладают особой категоричностью; более того, сам он часто ориентируется на живое русское формоупотребление.

А.А. Барсов, предписывая те или иные правила употребления форм имен прилагательных, обычно указывает и отступления от них, не давая им, однако, отрицательной оценки, и в этом его отношение к орфографическим нормам принципиально не отличается от ломоносовского. Так, указывая, что «прилагательные мужеского рода в именительном падеже единственного числа правильно кончатся на слоги *ый* и *ий*», Барсов добавляет, что в «обыкновенном слоге... и в именах в просторечии употребляемых...особливо же и непременно в разговорах» это окончание «перемениется» на *-ой(-ей)* (с. 466). В род. пад. ед. числа мужского и среднего рода Барсов рекомендует окончание *-аго(-яго)*, замечая при этом, что «вместо *аго* писали некогда, особливо в указах и приказных делах, *ого*», а в разговорной речи употребляются формы на *-ова* или *-ово* [с. 468]. Что касается род. пад. женского рода, то нормой там является окончание *-ья(-ия)*, но «общее употребление в разговорах, а часто и на письме сим книжным и славенским окончаниям родительного женского не следует, а перемениет оные на *ой* и *ей*» (с. 468). Сам Барсов следует «общему употреблению», используя формы на *-ой(-ей)*. В отношении им. пад. мн. числа Барсов придерживается тех же правил, что и Ломоносов.

Таким образом, местная деловая письменность XVIII в. выступает как относительно автономная система, функционирующая независимо от кодификационных процессов того времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв. Изд. 3-е. – М., 1982. – С. 54.
2. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова / Под ред. и с предисловием Б.А.Успенского: Изд-во Московского ун-та. – М., 1981. Здесь и далее ссылки даются на это издание.
3. Ломоносов М.В. Российская грамматика. – М., 1755. Здесь и далее ссылки даются на это издание.
4. Обнорский С.П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1. Единственное число. – Л., 1927. – С. 250, 293.
5. Черных П.Я. Язык Уложения 1649 года. – М., 1953. – С. 264.

РОЛЬ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ НОВЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В настоящее время изучению особенностей функционирования фразеологических знаков и механизма их включения в высказывание, сообщение, текст отводится значительное место в разработке теории номинации. Своеобразие фразеологической номинации, ее бесспорное отличие от словесной номинации, особенности актуализации фразеологического значения не только в номинативном, но и в коммуникативном потенциале находят отражение во многих современных исследованиях [1].

В последние десятилетия, с одной стороны, в условиях все более широкого разветвления массовой коммуникации газеты и журналы оказывают все более сильное влияние на формирование общественного сознания, а также на формирование речевых навыков их читателей. Газетный и журнальный узус в значительной степени формирует «стилистику читателя» и меняет в какой-то мере массовые общезыковые навыки и эстетико-речевые идеалы [2]. С другой стороны, известный в устной речи оборот пресса подхватывает и многократно (подчас некритически) его употребляет. В таком случае особое значение приобретает «мода» на определенные устойчивые обороты, как бы попавшие в центр общественного внимания. Именно такие устойчивые обороты, подвергшиеся фразеологизации в современном русском языке за последние годы и вошедшие в корпус фразеологических новообразований (далее ФН), послужили предметом исследования данной статьи; объектом исследования в статье является семантическая двуплановость, те способы вторичной номинации, которые порождают фразеологические единицы (далее ФЕ). Степень выраженности семантической двуплановости в ФЕ (а значит, и степень образности) может быть различной, но она всегда есть, хотя вопрос о безобразных ФЕ относится к дискуссионным в теории русской и общей фразеологии [3].

Как известно, фразеологизмы являются знаками ситуативно-образной вторичной номинации. Они выражают оценочно-эмотивное отношение субъекта и адресата речи к обозначаемой действительности. Понятие образности традиционно понимается как семантическая двуплановость, появляющаяся при переносе наименования, т.е. совмещение двух представлений – исходного, называемого образной основой, или образом, и того, которое с исходным представлением сравнивается.

Базовым видом тропа в идиоμοобразовании, как известно, является метафора. «Идиома – это всегда метафора, но в метафору вовлекаются и другие тропы, а также гипербола и литота и т.п.» [4].

Надо помнить, что «яркость» образности ФЕ зависит от лексико-грамматических отношений между компонентами этих единиц. «Чем реальнее и современнее эти отношения, тем живее лежащий в основе этой фразеологической единицы образ. И наоборот, любой некротический элемент (устаревшая грамматическая конструкция или архаическое слово) в составе фразеологизма ослабляет или даже стирает его образ, ибо наличие такого элемента затрудняет соотнесение фразеологического значения словосочетания с его прямым (буквальным) значением» [5]. В качестве примера ФЕ с «затемненной» образностью можно назвать такие единицы, как *ничтоже сумняшися*, *не щадя живота своего* и др.

Сущность процесса фразеологизации свободного сочетания слов можно представить как их интеграцию, которая заключается в угасании прямо-номинативных значений детерминированных лексем, образующих семантику фраземного знака

во взаимодействии с лексическим значением детерминирующего компонента. Элементы лексического значения, образовав в пределах того или иного фраземного знака семантически неделимое единство, утрачивают знаковые свойства единиц лексического уровня и перерождаются в «конститутивно-различительные элементы единиц высшего уровня» – фразеологических единиц. Процессу фразеологизации свободных сочетаний слов предшествуют мысленное абстрагирование от конкретных понятий и возникновение на этой основе абстрагированного представления. Это представление тесно связано с конкретным образом, но в то же время содержит обобщение, являющееся основанием для дальнейшего «отвлечения» вплоть до образования целостного фразеологического значения. При этом, как было отмечено ранее, конституирующим средством формирования фразеологического значения является образность. Образная основа как категориальное средство характеристики называемого фразеологизмом явления действительности является результатом сравнения (внутри целостной семантики оборота) двух реалий – денотата исходного сочетания слов (свободного или устойчивого) и денотата фразеологизма.

Таким образом, большинство фразеологических единиц по происхождению – застывшие метафоры или сравнения. Элемент образного представления, послуживший основой для фразеологической семантики, определивший ее идиоматичность, сохраняясь (в разной мере), определяет экспрессивно-оценочные качества фразеологизма, поддерживает их. Это касается и ФН.

Фразеологические новообразования, бесспорно, представляют собой значительный интерес для наблюдения за процессом возникновения в речи и процессом вхождения в систему языка новых фразеологических единиц. Приведем примеры ФН, которые ярко, образно и точно называют то или иное явление действительности или характеризуют какой-л. предмет или субъект: *белый и пушистый* – ‘производящий приятное впечатление, сугубо положительный’, например: Вполне вероятно, что, узнав о моем существовании, Аня выгнала бы тебя вон и ты пришел бы ко мне, *белый и пушистый*. Но ничего хорошего из подобной ситуации получиться не могло. Поэтому я решила спрятаться в тени (Д. Донцова. Фигура легкого эпатажа); Вообще, этот добрый с виду сказочник [Андерсен] у вас получился фигурой далеко не однозначной – он совсем *не белый и не пушистый* (Из интервью с кинорежиссером Э. Рязановым. – Российская неделя. 2007. 2–8 февр.); *срывать/сносить крышу* – ‘терять самообладание, впадать в панику’, например: И еще пара подобных ситуаций в моей жизни произошла, когда прямо-таки *крышу* у меня *срывало* (Д. Донцова. Фигура легкого эпатажа); *сесть/подсесть на иглу (наркотическую или сырьевую)* – ‘подвергнуться сильному искушению, оказаться в полном бездействии перед внешними обстоятельствами’, например: Несмотря на общую благостную атмосферу, в большинстве выступлений на соборе в храме Христа Спасителя... слышалась тревога. Пока довольно смутная, но пронизанная ощущением надвигающейся социальной катастрофы России, которая безнадежно *подсела на сырьевую иглу* и углубляет пропасть между богатыми и бедными (А. Солдатов. Благословим богатство. – Огонек. 2007. № 1); *страхнуть лапшу с ушей* – ‘прийти в себя, осознать действительность объективно’, например: Вы слышите? Счастье-то какое! Доллар на семь пунктов упал! Выше голову, бабуля! *Страхни лапшу с ушей!* (А. Арканов. Если бы я был раком...); *сделать кого-л. тепленьким* – ‘расслабить кого-л.’, например: Почти полный бокал *сделал* Сергея Ивановича, что называется, *тепленьким* (А. Арканов. Черная кошка не имеет значения); *природа <на детях> отдыхает* – ‘характеристика младшего поколения, неспособного повторить успехи родителей’, например: Ему [Дюкину] захотелось сказать: «Да я пошутил. Какой талисман?» Но тогда Кияшко спросила бы: «А кто же ты?» И получилось бы – ник-

то. Нуль. Пустое место. А кому хочется осознать себя пустым местом, тем более что это действительно очень может быть. *Природа отдыхает* (В. Токарева. Ни сыну, ни жене, ни брату); *пришить ярлык* (трансформация ФЕ *наклеивать ярлык*) – ‘давать кому-л. или чему-л. формальную, поверхностную характеристику, приписывать какие-л. свойства, качества, исходя из принятых стандартов, определенных шаблонов’, например: Но Платон Семенович не только не внял его голосу, но даже пытался *пришить* ему *ярлык*. – Ярлык?.. Да, ярлык! – повторил тот решительно (Ф. Искандер. Созвездие Козлотура); *гнать пургу* – ‘говорить неправду, лгать, рассказывать привирая’, например: Мне скажут: «*Гонишь пургу*». – Нет, пургу гонит погода (ТВ. Передача «Властелин горы». 2007. 10 марта). Образная основа данных фразеологизмов вполне прозрачна, убедительна, достаточно выразительна, хотя и в рамках контекста.

В речевой практике носителей языка наблюдаются случаи, когда «при активном употреблении метафоры двуплановость ее значения может стираться, а образность угасать» [6]. Здесь можно привести такие примеры: *вектор демократии*, *вертикаль власти*, *финансовая пирамида*. Понятия *вектор*, *вертикаль*, *пирамида*, образующие первый смысловой центр метафоры в данных ФЕ, можно отнести к метафорической модели «геометрия» наряду с другими тематически связанными источниками метафорических значений (*грань*, *круг*, *центр* и под.) [7]. Как пишет Т. М. Веселовская: «Фразеологизм *вертикаль власти* часто встречается не только в газетно-публицистических, но и в официальных речах государственных деятелей, и в этом, казалось бы, можно видеть его движение в сторону терминологической номинации. Но за пределами официальных текстов проявляется его экспрессивная энергия» [8]. Ср.: В этом банке не практиковали демократического тыканья. Только сверху вниз. *Вектор демократии*. *Вертикаль власти*. Впрочем, это как раз не ново. Привыкли еще при развитом социализме: «вы» и «ты» – артикли при социальном статусе. Иерархические знаки. Нам тыкает начальник, с которым можно только на «вы» и только очень ласково (Д. Гуцко. Ты? Вы? – Огонек. 2007. № 1). Здесь метафора служит средством «пародирования, вышучивания, ерничества» [9].

Таким образом, фразеологизмы – это единицы языка, по природе своей предназначенные быть средством передачи образного представления. При этом усиление уже имеющейся экспрессии может сопровождаться различного рода трансформациями, семантическим или структурно-семантическим расширением. Цель подобных трансформаций заключается в актуализации затухающей образности традиционной ФЕ, которая может быть трансформирована в результате распространения отдельных компонентов лексемами, конкретизирующими значение ФЕ относительно контекстного смысла и привносящими добавочные смысловые оттенки. Одновременно может происходить актуализация образного плана ФЕ. Например, ФЕ *обливать грязью* – ‘оскорблять несправедливыми обвинениями кого-л.’ – функционирует в различных текстах в следующих окказиональных вариантах: Страна, где нас *обливают потоками грязи*; По каналам заирского радио и телевидения на нас *лили потоки клеветы и грязи*; В бессилии своего бешенства *залили журнальной грязью* [10].

Преобразование фразеологизмов, пословиц, поговорок, афоризмов – явление известное. Однако в последние годы публицистические тексты «нацелены на игру с получателями информации: в результате игровых манипуляций с языком получатель информации вынужден разгадывать словесные загадки. Использование приема аллюзии достигло непривычно больших размеров» [11]. Чрезмерное увлечение реминесценциями различного рода Н. Д. Бурвикова и В. Г. Костомаров называли «карнавализацией» языка: «Карнавализация языка средств массовой информации,

языка Интернета (рунет), да и языка повседневного бытового употребления стала привычной» [12]. Ср. след примеры: заголовок «*Шемякин суд над учителем*» (Российские вести. 2007. 14–20 февр.); заголовок «*ЦИК–ЦИК–ЦИК: кто на новенького?*» (Российская неделя. 2007. 22 февр.–01 марта); заголовок «*Читать, читать и еще раз читать*» (Огонек. – 2007. № 1). Как видим, «строгие» тексты повсеместно заменяются «нестрогими». Бюрократический язык прошлого, новояз, пародируется, личностное начало в речи возрастает...» [13].

Фразеологизации в результате расширения подвергаются и «речевые заготовки, клише» (термин В. Н. Телия). Ср.: обычные присловия в речи: *Рыба ищет где глубже, а человек – где море по колено; Не плюй в колодец – сам туда попадешь; Муж обжелся груш, жена обжелась пшена; Свободен, как негр в Африке* и др.

Таким образом, преобразование фразеологического оборота, как правило, ведет к приращению смысла и становится основой для создания образности. При этом, как видим, появлению фразеологического значения у свободных сочетаний или устойчивых словесных комплексов предшествует явление семантической двуплановости, вторичной номинации, ассоциативного представления, то есть образности. Образность, в свою очередь, мотивирует появление коннотативного элемента над денотативным в семантике ФЕ.

Изучение преобразовательных возможностей ФЕ, выявление активных моделей окказиональной фразеологической деривации позволяют получить наиболее полное представление об объективных закономерностях функционирования фразеологической системы современного русского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Проблемы фразеологического значения и смысла: (в аспекте межуровневого взаимодействия языковых единиц): Монография. – Астрахань, 2004; Елисеева О. В. Механизмы фразеологизации сочетаний в современном русском языке // КД. – Волгоград, 2000; Добрыднева Е. А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии. – Волгоград, 2000; Куклина И. Н. Явления фразеологизации и дефразеологизации в языке современной прессы // КД. – М., 2006.

2. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. – М., 1971. – С. 203.

3. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М., 1989. – С. 157–200.

4. Телия В.Н. Русская фразеология / Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. – С. 198.

5. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. – М., 1976. – С. 163.

6. Веселовская Т.М. Что это значит – *вертикаль власти*? // Русская речь. – 2006. – № 6. – С. 35.

7. См. об этом: Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1999. – С. 1.

8. Веселовская Т.М. Указ. соч. – С. 35.

9. Там же.

10. Примеры из: Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы русской речи: Словарь. – М., 1997.

11. Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Воспроизводимые сочетания слов как лингвокогнитивная и терминологическая проблема // Филологические науки. – 2006. – № 2. – С. 45.

12. Там же.

13. Там же.

ЗАМЕТКИ О ЯЗЫКОВОМ ОБЛИКЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Революции 1905 и 1917 годов, падение Российской империи, смена характера власти и типа государства, гражданская война – главные события первой четверти XX века. Это время имело свои знаки, запечатленные языковыми средствами: *буревестник, большевик, матрос, красный флаг, тачанка, белый и красный* в их противоположности, в том числе имена собственные как символы эпохи: *Николай I, Распутин, Лев Толстой, Максим Горький, “Аврора”, Зимний, Маркс, Энгельс, Ленин, Керенский*, а затем – *Чапаев, Буденный, Махно, Троцкий* и другие. Горько подмечал И.А. Бунин в «Окаянных днях» изменение жизни, культуры, сознания и духовности по чертам языкового портрета времени: «*Грузовик* – каким страшным символом остался он для нас, сколько этого *грузовика* в наших самых тяжких и ужасных воспоминаниях! С самого первого дня своего связалась революция с этим ревушим и смердящим *животным*, переполненным сперва истеричками и похабной солдатней из дезертиров, а потом отборными каторжанами. Вся *грубость* современной культуры и ее «социального пафоса» воплощена в *грузовике*» [1]. В том, что символом времени, отражением ее *пафоса* назван грузовик, приравненный к животному, с которым связана грубость, проявляется открытая негативная оценка автором происходившего. См. контаминацию сем в бунинской метафоре *грузовик* – *животное*: ‘1. Живое существо, способное чувствовать и передвигаться’ и ‘2. Неумный и грубый человек (разг. бран.)’ [2].

Для В. Маяковского страшнее казались символы ушедшего прошлого: «...из Леты выплывут остатки слов таких, как “проституция”, “туберкулез”, “блокада”» (“Во весь голос”. Первое вступление в поэму). «Как поправить грех грехом – тема революции», – заключал В.В. Розанов. Тема России и мирового значения трагедии, которую переживает страна, оказавшаяся в водовороте войн и революций, становится центральной для литературы и искусства этого периода и не уходит из сознания мыслящей общественности. Оценки нового и новые оценки изменившегося общественного сознания отражаются в значениях слов, в том числе коннотативных.

Жизнь социума и его культуру нельзя рассматривать в изоляции от положения дел в экономике. К XX веку Россия подходила как аграрная страна с крепким и начинавшим обновляться на основе интенсификации, внедрения первых сельскохозяйственных машин сельским хозяйством, которая производила хлеб и для продажи за границу; по росту производства опережала США – отличалась своими темпами развития промышленности. Шло строительство заводов, железных дорог, в жизнь городов входило электричество. С развитием капитализма в крестьянской стране укреплялся и набирал силу пролетариат. Перед Первой мировой войной Российская империя была одной из великих мировых держав, приобрела заслуженный авторитет государства с развитой наукой и высокой культурой [3].

Рубеж двух веков и первые десятилетия XX в. – период интенсивного развития русского модернизма, заявившего о себе в 1890-е годы, целью которого видели создание культуры, помогающей духовному совершенствованию. “Грани между поэзией и прозой, словесными видами творчества и живописью, музыкой, киноискусством, театром, эстрадой оказывались необычайно подвижными, и на стыках взаимодействий родилось немало ярких творческих открытий” [4].

В поисках духовного обновления, совершенствования русской ментальности к религиозно-нравственным исканиям обратилась широкая философская мысль – выдающиеся умы России (Л. Толстой, А. Белый, В. Иванов, В. Розанов, П. Флорен-

ский, Н. Бердяев, С. Булгаков, позже – И. Шмелев). “Эти русла постижения жизни стали ведущими и для талантливых художников эпохи. Не столько прямые связи между религиозной философией и литературой, сколько их совместная устремленность к одним и тем же глобальным проблемам обусловила и прояснила целостность культуры начала XX века” [5]. Пищу для формирования иных убеждений (социалистических, коммунистических) давали идеи В.И. Ленина, его соратников, а также соперников и противников по политической борьбе. Волновали и будили мысль, служа импульсом к творчеству, передовые научные взгляды В. Вернадского, А. Чижевского, К. Циолковского.

Все культурные, научно-философские, литературные и другие новации в своем языковом представлении проявлялись как влияние интеллектуальных стилей и индивидуальных стилей на литературный язык.

Не затихал голос дворянской литературы, оставившей блестящие образцы утонченного стиля в прозе и поэзии (И. Бунин, А. Блок, К. Бальмонт и др.), давшей сильный импульс дальнейшему развитию литературного языка и такого его стиля, как художественный; реализм (Л. Толстой, А. Чехов, Н. Гарин-Михайловский, И. Бунин) не утратил своего места в литературном процессе, причем “рамки классической прозы XIX века оказались тесны для последующей литературы. В ней слились разные тенденции: реализма, импрессионизма, символизации рядовых явлений, мифологизации образов, романтизации героев и ситуаций. Тип художественного мышления был синтетическим” [6]. Он отражен в текстах произведений системой метафор с абстрактным смыслом и неопределенно-символическим значением, навеваемым ассоциациями, метафор, обогащавших лексико-семантическую систему русского литературного языка. См. импрессионистский пейзаж в реалистической прозе: *Полчаса тянулся градобой и подмигивало небо, и только когда влоск легли хлеба, полил мягкий и ласковый, обидно ненужный дождь* (С. Сергеев-Ценский. Печаль полей); ср. картины реальности в прозе основателя акмеизма: *Закат в этот вечер над зелеными мелями Джедды был широкий и ярко желтый с алым пятном солнца посередине. Потом он стал нежно-пепельным, потом зеленоватым, точно море отразилось в небе* (Н. Гумилев. Африканская охота).

Влияние иных в сравнении со второй половиной XIX в. активных, сопряженных, в целом, с искусством модерна, стилей отразилось не только на развитии всей системы стилей русского литературного языка, но прежде всего – художественного. В. Брюсов, К. Бальмонт, З. Гиппиус, Ф. Сологуб, Вяч. Иванов, М. Кузмин, Д. Мережковский, М. Горький играли яркую роль в русской культуре. “Началось активное сближение русской культуры с западной. Пионерами здесь были символисты. Д. Мережковский в 1907 году, осмысливая эволюцию и роль “декадентства” в России, назвал декадентов “первыми европейцами”, свободными от “рабства” западников и славянофилов, которым принадлежала заслуга создания в России культурной среды” [7].

В поэзии и прозе усиливается субъективное начало, авторов больше интересует жизнь, “рокошующая внутри нас” (М. Волошин), реальность, сотканная в духовном раскрепощении из воспоминаний, предчувствий, мечтаний, созвучная то с общественными настроениями, то с глубоко интимными переживаниями: *А там мой мраморный двойник, / Поверженный под старым кленом, / Озерным водам отдал лик, / Внимает шорохам зеленым. / И моют светлые дожди / Его запекшуюся рану... / Холодный, белый, подожди, / Я тоже мраморною стану* (А. Ахматова. Из сб. “Вечер”) [ср. 8].

Создаются своеобразные пространственно-временные континуумы, краской для изображения мира в которых становится наполненное коннотативными смыс-

лами, «остранненное» (термин В. Шкловского) слово: *Лунные слезы легких льну-щих ко льну сомнамбул. Ласковая лилейность, влюбленных в плен Липких зеленых листьев. В волнах полеты камбал, Плоских, уклонно-телых. И вдалеке – Мадлен.* (И. Северянин. Лунные блики).

Это могло критически оцениваться признанными литераторами. “Я говорю о поразительной, какой-то роковой оторванности всей современной молодой поэзии от жизни. Наши молодые поэты живут в фантастическом мире, ими для себя созданном, и как будто ничего не знают о том, что совершается вокруг нас, что ежедневно встречают наши глаза, о чем ежедневно приходится нам говорить и думать”, – писал В.Я. Брюсов в статье “Стихи 1911 года” [9]. Ср.: *Сегодняшняя поэзия – поэзия борьбы. Каждое слово должно быть, как в войске солдат, из мяса здорового, красного мяса!* (В. Маяковский. И нам мяса); *Да. Так диктует вдохновенье:/ Моя свободная мечта/ Все льнет туда, где унижение,/ Где грязь, и мрак, и нищета* (А. Блок. “Да. Так диктует вдохновенье...”).

Писатели осознавали стремление к лингво-стилистическим трансформациям как художественную закономерность – даже знамение – времени. Изопренность отражалась в языковой и содержательной структуре текстов, в которых “закладывались” эстетические параллели, устанавливались интертекстуальные связи, рассчитанные на утонченного, философствующего читателя, выстраивались линии идейно-художественного взаимодействия с тематикой, проблематикой, образностью литературы предшествующих эпох, демонстрировалось тяготение к классике в высоком смысле этого слова, в том числе на уровне единиц плана выражения:

*Но Господь-Вседержитель рукою жены
Низложил всех врагов Иудейской страны.
Не от юношей пал Олоферн-великан,
Не рукою своей с ним сражался титан,
Но Юдифь красотою лица своего*

Погубила его (К. Бальмонт. Песнь Юдифи) – воспроизводится библейский сюжет мифа о Юдифи и Олоферне, для чего используются соответствующие онимы, подчеркивается связь с греческой и римской мифологией словом *титан*.

Развитие науки и философии способствовало дальнейшей, на новом историческом витке, интеллектуализации литературного языка. А бурное развитие поэзии в руслах многочисленных школ и направлений, декларировавших свои правила отбора и использования языковых средств или их создания, в свою очередь, раскрывало ресурсы и демонстрировало потенциал русской языковой системы, укрепляло возможности использования языка в его поэтической (эстетической), магической функции. При этом в дальнейшем “многие черты символистского мировосприятия, установки на преобразование жизни с помощью искусства были освоены крестьянской и пролетарской поэзией, социалистической литературой 1920-х годов в целом” [10]. Речетворческая деятельность поэтов и прозаиков «серебряного века» оказала влияние на развитие русского литературного языка послереволюционного времени и даже, как представляется, открытостью поисков – порубежья XX - XXI столетий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бунин И.А. Окаянные дни//Русские писатели – лауреаты Нобелевской премии. Иван Бунин/ Сост. А. Архангельский. – М., 1991. – С. 104-105.

2. Толковый словарь русского языка//Под ред. Ушакова Д.Н. – Тт. 1–4. – М., 1935-1940. Эл. вар-т. Значения приводятся по данному источнику.

3. См., например: 1902 г. Сергей Рахманинов. Концерт № 2 для фортепиано; 1908 г. Александр Скрябин. Поэма экстаза; 1909 г. – Русский импресарио Сергей

Дягилев представляет сезон русского балета и оперы в Париже. Считается началом развития русского балета; 1909 г. Василий Кандинский. Гора; 1910 г. Василий Кандинский. Первая абстрактная композиция (гуашь); Казимир Малевич. Дровосек и т.д. – Полная хронология XX века. /Авт.-сост. Нэвил Уильямс. – М., 1999.

4. История русской литературы XX в.: В 4-х кн. Кн. 1: 1910-1930 годы / Под ред. Л.Ф. Алексеевой. – М., 2005. – С. 24.

5. Смирнова Л.А. Русская литература конца XIX – начала XX века. – М., 2001. – С. 10-11.

6. Там же. – С. 11.

7. Колобаева Л.А. Русский символизм. – М., 2000. – С. 288; см. цит.: Мережковский Д. Революция и религия // Мережковский Д.С. Павел I - Александр I. Больная Россия. – С. 687—688.

8. М. Горький писал в 1900 г. в статье “По поводу нового рассказа А.П. Чехова «В овраге»”: “Как стилист, Чехов недосыгаем, и будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов”. В. Маяковским бесспорно принимается художественная и языковая объективность писателя в статье “Два Чехова”: “Чехов – автор разночинцев. //Первый потребовавший для каждого шага жизни свое словесное выражение.// Безвозвратно осмелял «аккорды», «серебристые дали» поэтов, высасывающих искусство из пальца”. – См.: Русские писатели о литературном труде (XVIII – XX вв.): В 4 тт. – Л., 1956. Т. 4. – С. 191; 383.

9. Брюсов В. Далекие и близкие// Русские писатели о литературном труде (XVIII – XX вв.): В 4 тт. – Л., 1956. Т. 4. – С. 299.

10. История русской литературы XX в.: В 4-х кн. Кн. 1: 1910-1930 годы / Под ред. Л.Ф. Алексеевой. – М., 2005. – С. 27.

ГИБРИДНЫЕ СЛОВА И ГИБРИДНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

В грамматической системе русского языка удивительно и сосуществуют, и борются стабильность (консервативность) и подвижность. Синтаксическое речевое употребление словоформ и моделей предложения следует стабильным нормам, но подчас отступает от них, допускает «вольности», которые, многократно повторяясь, закрепляются. «Живая речь» (как выражались грамматисты-классики) является кузницей не только грамматических вольностей, экспериментов, но и грамматических изменений. «Морфологические формы – это отстоявшиеся синтаксические формы» [1].

Живая речь с восхитительной легкостью меняет формы слова, его связи, синтаксические позиции, «оттеняет» значение – русское слово «кипит и животрепещет». Ярчайшие примеры такого «языкотворчества» закреплены в пословицах, представленных В.Далем: *Авось небось – родной брат; Из нета не сделаешь естя* – вот вам и существительные с падежными окончаниями; *Всякого нета припасено с лета* – вот вам и согласованное определение при существительном; *И ехало не едет и тпру не везет* – вот вам и субстантивные подлежащие.

Неутомимая творческая работа русского языка особенно заметна в области незначительных и полужнаменательных слов, доставлявших и доставляющих много хлопот грамматистам: надо осмыслить новые, надо найти место словам – старым, обновленным, новым – в грамматической табели о рангах – частях речи.

В системе частей речи – при любых подходах к их выделению, разграничению – всегда были «остатки» или классы (группы) слов с неопределенным, неясным или двояким частеречным статусом.

Вполне естественно, что некоторые широкоупотребительные слова могут оказаться «никакой» части речи. А.М. Пешковский считал таковыми, в первую очередь, *есть, нет* со значением «существования – несуществования», которые «в категорию глагольности не входят» [2], поскольку не имеют глагольной формы, а также *на*, имеющее повелительный смысл: «не обозначает признака, создаваемого деятельностью предмета» [3]. К «никакой части речи» Пешковский также относил «бесформенные» *нужно, должно, стыдно, жалко, больно*, которые употребляются «только в качестве присвязочных членов при безличном составном сказуемом» [4]. Как известно, эта группа слов была отнесена В.В. Виноградовым к части речи «категория состояния».

Серьезным новым вкладом в грамматическое учение о частях речи было предложенное В.В. Виноградовым определение статуса «гибридных слов». Он многократно использовал это понятие, каждый раз отмечая те или иные детали в семантике, в функциях этого «типа слов», притом всегда речь шла не об отдельных словах, а об определенных разрядах или группах.

Понятие «гибридности» было определено Виноградовым при характеристике связки. Как известно, первым предложил считать связку *быть* особой незначительной частью речи Л.В. Щерба: «Все остальные связки являются более или менее знаменательными, т.е. представляют из себя контаминацию глагола и связки» [5]; по-видимому, речь шла о семантике собственно «остальных связок».

Виноградов четко определил статус связки *быть* и других связок. «Связка *быть* – не глагол, хотя и имеет глагольные формы. Ей чуждо значение действия (*быть* в значении глагола существования – лишь омоним связки). Она мыслится вне категорий вида и залога. Все остальные связки в русском языке (*стать, стано-*

виться, делаться и т.п.) представляют собою гибридный тип слов, совмещающих функции глагола и связки» [6]. Надо сказать, что указанные здесь связки также утратили значение **протекающего** действия и их глагольность имеет категориальный, формальный характер, т.е. представляемый формами глагола, в том числе, видовыми. С соотносительными полнозначными глаголами эти связки разошлись настолько, что есть основание также говорить об омонимии; ср.: *Лошади шли шагом и скоро стали* (А. Пушкин) – *Были листья, стали почки, Почки стали вновь листвою* (А. Твардовский). Лексическое значение такого рода специализированных связок [7] грамматизовалось: «ушло все вещественное и осталось все формальное» [8]. В этом типе связок формальным является не только общее грамматическое значение (наклонение, время, лицо), но и функциональное: логическое, модальное, фазисное [9].

Гибридность связок – это продуктивное и сложное явление. Грамматизация – живой процесс, проходящий разные стадии «побледнения» вещественной семантики глагола-связки; ср.: *Стихи вышли холодны* (В. Ходасевич); *Тяп да ляп – и вышел корабль (корабль)* (Посл.). Многообразны и подвижны типы функциональной семантики связок: мнимости, подобия, тождества и др. и их разновидностей. Связка – один из важнейших элементов грамматической системы русского языка.

В.В. Виноградов отметил и охарактеризовал ряд других гибридных типов слов: а) «наречия-частицы» *приблизительно, ровно, точно, чуть не*: «количественные частицы еще не обособились резко от наречий» [10]: *Ровно в половине двенадцатого Герман ступил на графинино крыльцо* (А. Пушкин); б) «переходный тип между модальными словами, наречиями и усилительно-ограничительными частицами» (*просто, точно* и др.) [11]. Гибридность характерна и для отдельных видов «вводных синтагм». Виноградов определил гибридность как совмещение разных функций, и это очень серьезный критерий для того, чтобы отделить ее от лексической многозначности и от омонимии [12].

Подвижность, переходность, гибридность характерна для частиц и союзов; многие «словечки» употребляются то как частицы, то как союзы (*и, ведь, ли, даже, также, же, тоже* и др.). Их значение, по словам Виноградова, «находится во власти синтаксического употребления». Ср.: *Вот пришла и сестра* (А. Чехов). – *И вот пришла сестра.* – *Вот и пришла сестра* – что здесь *вот* и что *и*? Союз *и* сохраняет функцию «соединительного слова» (Ф.Ф. Фортунатов) и в то же время усилительной частицы; *вот и* – частица с семантикой «достижения ожидаемого». Частицы, блоки частиц, устойчивые сочетания частиц с местоимениями в составе высказывания не только оттеняют значение словоформ, но и сами берут на себя функцию характеристики; см., напр.: *Нет, теперь не те люди; вот хоть и моя жизнь, что за жизнь? Так как-то себе...* (Н. Гоголь). Местоименные слова активно втягиваются в сферу гибридных образований полужнаменательного типа с экспрессивной оценочной семантикой, в том числе *не те, не тот* (*Нынче немец уже не тот.* А. Твардовский), *так себе, тоже мне, чем не* (*А чем не муж? Ума в нем только мало...* А. Грибоедов) и др.

Гибридность окутывает разнообразные группы наречий. «В современном русском языке происходит непрестанное передвижение именных форм в систему наречий» [13]. На этом пути отмечаются трудноразличимые случаи употребления словоформ, особенно, существительных, в функции обстоятельств: *зимой* и *зимами, вечером* и *вечерами; часами, сутками, годами, веками* и др. Если *ранним утром* имеет тв. падеж существительного, то почему *утром* якобы уже утратило эту форму? А не гибридная ли это форма? В числе наречий много слов, в которых эта падежная форма определенно «застыла», т.е. полностью онаречилась (*нагишом, ползком, ничком*

и др.). «Самый деликатный вопрос – отличие наречий от существительных» [14]. Немало наречий употребляется в роли предлогов (*навстречу, вблизи, впереди, позади* и др.) – и это тоже деликатный вопрос.

Гибридность характеризует не только отдельные слова, группы слов, но и целые разряды. Порядковые числительные, образуемые систематически от количественных, имеют формы прилагательных и разрядное значение отношения к числу. Эти слова или словесные комплексы (составные слова) имеют общее с именем прилагательным синтаксическое употребление – атрибутивное. В составе части речи «имя числительное» их удерживает не только словообразовательная связь, но и последовательное соотношение с системой чисел. При любой «прописке» в системе частей речи, порядковые числительные представляют собой монолитный гибридный класс.

Уникальный грамматический статус имеет русское причастие, которое А.М. Пешковский назвал «смешанной частью речи»: «в причастии смешаны глагол и прилагательное» [15]. Причастие – «чистый» гибрид: оно унаследовало от своих «родителей» те признаки, которые их противопоставляют, и все-таки в нем преобладает именная природа, именное словоизменение и синтаксическое употребление. Три варианта решения частеречного статуса причастия, на наш взгляд, имеют «равные шансы»: а) неспрягаемая форма глагола, б) разряд имени прилагательного, в) «смешанная» часть речи. При любом решении не затрагивается категориальное значение «признак, создаваемый действием».

Классики-грамматисты не упоминали в числе «смешанных» частей речи *предикатив*, совмещающий категориальные признаки глагола и имени прилагательного. Предикатив сформировался на основе качественного разряда имени прилагательного в виде его «краткой формы» («полуразрушенной», по выражению В.В. Виноградова), которая в современном языке утратила склонение, а вместе с ним атрибутивную функцию. Формы предикатива закрепились в одной функции – сказуемого – с облигаторным формантом – связкой. Они «обозначают качественное состояние, протекающее или возникающее во времени» [16]. Это категориальное значение резко разошлось с категориальным значением имени прилагательного. Происходит и лексико-семантическое размежевание их.

Благодаря связке предикатив имеет не только полную модально-временную парадигму, но и формы лица [17]. В соответствии со структурой категории лица русского глагола предикатив имеет безличную форму связки, употребляется в функции безличного сказуемого; ср.: *Я буду весел; Ты будешь весел; Он будет весел; – Нам будет весело*; безличную форму на –о имеет и сам именной компонент [18].

Качественная семантика предикатива предопределяет и употребление форм степеней сравнения.

Таким образом, совмещение противоположных категориальных признаков характеризует предикатив как гибридную часть речи [19].

Признание категориального статуса предикатива в полном представлении, включая безличную форму, заставляет вернуться к рассмотрению «старого» вопроса: существует ли в русском языке часть речи «категория состояния»? [20]. Это должно быть предметом специального исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М. – Л., 1947. – С. 29.
2. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 2001. – С. 159.
3. Пешковский А.М. Там же.

4. Там же.
5. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке / Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. – С. 79.
6. Виноградов В.В. Указ. соч. – С. 675.
7. См.: Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. Изд. 3-е. – М., 2004. – С. 86-87, 93-94.
8. Пешковский А.М. Указ. соч. – С. 214.
9. См. подробнее: Лекант П.А. Функции связок в русском языке / Очерки по грамматике русского языка. – М., 2002. – С. 273-275.
10. Виноградов В.В. Указ. соч. – С. 669.
11. Там же. – С. 731-732.
12. Ср.: «в пределах одного слова – разные части речи» (Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. – М., 1999. – С. 123-124).
13. Виноградов В.В. Указ. соч. – С. 42.
14. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. – С. 72.
15. Пешковский А.М. Указ. соч. – С. 41.
16. Виноградов В.В. Указ. соч. – С. 263.
17. См. подробнее: Лекант П.А. Часть речи предикатив / Очерки по грамматике русского языка. – М., 2002. – С. 29-30.
18. См.: Мигирин В.Н. Категория состояния или бессубъектные прилагательные? // Исследования по современному русскому языку. – М., 1970. – С. 150 и сл.
19. Подробное описание предикатива см.: Дегтярева М.В. Частеречный статус предикатива. – М., 2006.
20. См.: Лекант П.А. Части речи как грамматические категории. – Вестник МГОУ. Серия «Русская филология», №2. – М., 2006. – С. 92.

НАЗВАНИЯ РАСТЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ФРАГМЕНТА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА СЛАВЯН

Растительный мир велик и многообразен, в языке он находит отражение в виде отдельных тематических групп: названия трав, цветов, кустарников, деревьев, ягод, лекарственных растений и т. д. Мы ограничили наш материал лексемами, известными в славянских языках с праславянского периода или образованными от общеславянских корней, номинирующими наиболее типичные растения, окружающие человека. Через названия растений, так же как и животных, явлений окружающей среды, названий ландшафта, можно восстановить концепты, существующие в сознании человека, и его взаимоотношения с окружающим миром, определить основные черты «языкового видения» человеком окружающего его растительного мира. Информация о важности, полезности, необычных признаках, и свойствах, значении их в жизни человека кодируется в этих названиях. Называя растение каким-либо именем, человек, как известно, переносит в него часть своего когнитивного опыта.

В числе основных мотивов слов данной тематической группы можно назвать внешний вид растений (форма, размер, цвет, особенности строения, форма листьев и т.д.); характер стебля или ствола; запах; цвет; место произрастания; время цветения; оценочные признаки (положительная или отрицательная оценка, полезность/вредность для человека); по названиям животных, обитающих среди данных растений или питающихся ими и др. В основу некоторых наименований положены эмоционально-экспрессивные признаки, служащие для выражения субъективного отношения говорящих к предметам номинации. Важными способами номинации растений являются также метафора и метонимия. Обращение к другим языкам (как родственным, так и неродственным) показывает, что в целом ряде случаев названия соответствующих растений имеют в них ту же образную сторону, что объясняется различными причинами и «может быть как независимым, так и отражающим иноязычное влияние» [1:17]. Однотипные по своей образной основе наименования растений, с одной стороны, возникают благодаря общим ассоциациям, возникающим благодаря каким-то наиболее характерным признакам растений, с другой – различным процессам словообразовательного калькирования морфемного состава слова. На этот путь образования в русском языке «подобопризнаковых» существительных указывал еще Н. Анненков: «Многие названия растений представляют буквальный перевод латинского или греческого систематического названия растения» [1:17].

Само название *растение* мотивировано глаголом *расти*, т. е. увеличиваться в размерах. Со словами, выражающими значение ‘расти’, ‘увеличиваться’, связано и название *овощ* (нем. *vachzen* ‘расти’) (КЭСРЯ), ставшее в большинстве славянских языков (кроме русского и украинского) обозначением фруктов, плодов.

Одним из наиболее актуальных признаков в наименованиях растений является специфика внешней формы, общий вид растения, особенности стебля, ветвей, листьев, цветов. Эти признаки прежде всего обращают на себя внимание в растениях, поэтому чаще всего актуализируются в их наименованиях.

Необычная форма листьев послужила основанием для номинации таких растений, как *лопух*, *папоротник*. *Лопух* (чеш. *lorich*, пол. *lorich*, болг. *лопуш*, с.-х. *löpŭx*) был назван в общеславянском мире по широким, похожим на широкую лапу листьям, поэтому наименование деривационно связано с *лапа*, *лопата*, *лопасть*

(КЭСРЯ), ср. его диалектные названия: *лапушник*, *лопушник*, *лепеха* (ЛЯРНГ: 191). Является производным от *лоп* ‘лист’ (ср. сложение *лопухий* из *лоп* ‘лист’ и *ухо*, т. е. буквально ‘с ушами, похожими на листья’). В русском языке, судя по словарям, сначала появилось слово *лапушник* (ИЭСРЯ), и лишь с 1847 г. словари фиксируют *лопух*.

Наличие шипов у растения – важный признак, который нередко актуализируется в наименованиях. По этому признаку были образованы такие исконно русские названия, как *шиповник*, *терновник*, народные названия колючих растений: *иглица* (от *игла*), *щетинник* (от *щетина*) (Даль), названия репейника *колюха*, *колютина* (от *колоть*), *волкорезина* (от *резать*) (ЛЯРНГ). Слово *шиповник* фиксируется словарями русского языка с XVIII в. (ИЭСРЯ), однако в древнерусском и старославянском было употребительно слово *шипъкъ* ‘цвѣток розы’, ему соответствуют следующие славянские параллели: чеш. *šípek*, болг. *шипка*, с.-х. *шѣпак* и др. Образовано от общеславянского *шип*, первоначальное значение которого – ‘острие, то, чем можно уколоть(ся)’ (ср. болг. *шип* – ‘колючка, стрела’, н.-луж. *šyp* – ‘стрела’, с.-х. *шип* ‘гвоздь’) (КЭСРЯ).

Аналогичный признак обнаруживается и в основе общеславянского наименования *терн* и его русского производного *терновник* (ср. чеш. *trnka* ‘терн, терновник’ от *trn* ‘колючка’, пол. *tarń* ‘терн, терновник’ и ‘колючка, шип’, болг. *трѣнка*, словен. *trn* ‘шип, колючка’, *trnje* ‘терновник’ и др.). В древнерусском языке слово *тьрнъ* было известно в значениях ‘шип, колючка’ и ‘терновник’ (Срезн.), ст.-сл. *трѣнъ* ‘шип, колючка’, *трѣние* ‘растение с колючками, шипами’ (СС), откуда рус. книж. устар. *терние* ‘колючее растение’, *тернистый* – первоначально ‘обильный терниями’, затем переносно в выражении *тернистый путь* ‘трудный, тяжкий’ (СРЯ).

Колючки, шипы на стеблях, напоминающие покрытие ежа, стали основой и названия ягодного кустарника *ежевика*, исконно русского образования, на основе универбации сочетания *ежевая ягода*. Большинство ученых возводят общеславянское название животного *еж* (чеш. *ježek*, пол. *jeż*, словен. *jež* и др.) к и.-е. *egʰh-* ‘колоть’, в соответствии с которым *еж* буквально ‘колючий, с иголками’. Недаром в русских диалектах известно и название *ежиха* (СРНГ). В основе названия *ежевика* – метафорический перенос по сходству характерного признака данного растения с аналогичным признаком животного. В других славянских языках подобное название неизвестно, однако в основе его чешского эквивалента лежит тот же номинационный признак. Ежевика в чешском языке обозначается лексемой *ostružina*, известного также в польском как *ostręga*, словен. *ostrôžnica*, с.-х. *ѡструга*, восходящих к общеслав. **ostrōga* от **ostrъ* ‘острый, с иглами’ (ČES), откуда и чеш. *osrtuha* (ср. рус. *острога* ‘палка с заостренным концом’, *острог* – ‘частокол из заостренных свай’) (Даль). Наоборот, отсутствие колючек, гладкий характер поверхности растения стало основой наименования морошки в русских говорах *глажевика* (ЛЯРНГ).

Близкими к вышеназванным являются фитонимические названия *желдь* ‘подмаренник’ (от **gьldь*, производного от **gelti* ‘колоть’ того же корня, что и *жало*, ср. лит. *gėlti* ‘колоть’) (ЭССЯ), *дереза* (от *драть*), *царапница* (от *царапать*), *чапыжник* (от *чапать* ‘цапать’), так как здесь растения названы не по наличию колючек, а по их действию: способности уколоть, оцарапать. Народные названия крапивы отражают ее «колющие», «жгучие» свойства: *жгучка*, *жигун*, *ожальник*, *стрекива*, *стрекиша* (ЛЯРНГ).

Общеславянское слово *колос* (чеш. *klas*, пол. *kłos*, болг. *клас*, словен. *klas* и т. п.) также манифестирует признак «колющий, острый». Будучи производным от глагола **kolti* ‘колоть’, он обозначает, таким образом, ‘нечто колющее, жало, шип’

(ЭССЯ).

Некоторые названия ягодных растений отражают такой признак, как форма ягод. Например, собственно русское наименование *клубника* явилось результатом актуализации внешнего признака ягод – их формы в виде клубня. Наименование восходит к слову *клубень*, *клубок*, суффиксального производного от *клуб* ‘комок’, известного и в других славянских языках (чеш. *kloub* ‘шарнир, сустав’, болг. *кълбо*, *кльбо* и т. д.) (ЭССЯ). В большинстве славянских языков клубнику, как и землянику, называют *ягодой* (как наиболее распространенный вид ягод), словом, имеющим в русском языке, как и в других восточнославянских языках, а также в польском и лужицких, родовое значение любой ягоды. Название *кувшинка*, являющееся собственно русским, отражает форму семенной коробочки этого водного растения, по форме напоминающей кувшин (КЭСРЯ).

В названиях растений нередко подчеркивается и их цвет – один из самых важных признаков растений. Прозрачной является внутренняя форма таких наименований растений, как *белена* (от *белый*, растение названо так по цвету листьев, имеющих беловатый налет), *голубика* (от *голубая ягода*), *черника* (из сочетания *черная ягода*). Ежевику в русских говорах иногда называют *бирюзой* по синему цвету плодов, клевер известен и как *белоголовик*, одуванчик из-за желтого цветка называют *желтушкой*, ромашку, выделяющуюся своим белым цветом, именуют *белица*, *бельник*, *белоглаз*, *белоголовец*, *белоцвет*, а из-за ее ярко-желтой сердцевины – *желтняк*, *желтоголовка* (ЛЯРНГ). В диалектах известно название клюквы *красница* (СРНГ). По сходству белого сока растения, обильно им выделяемого, с цветом молока получил свое название *молочай*, который в говорах называется еще *молока*, *молокан*, *молочник* (ЛЯРНГ). Во многих славянских языках василек, имеющий голубые цветы, назван по этому признаку: болг. *синчец* (от *синий*) (наряду с *метличина*), с.-х. *мóдрац* (от *мóдар* ‘синий’), чеш. *modračka* (от *modrý* ‘синий, голубой’), пол. *blawatek* (от устар. *blawy* ‘светло-голубой’, корень тот же, что и в англ. *blue* ‘синий’, ср. франц. *bleuet* ‘василек’) (ИЭСРЯ), рус. диал. *голубец*, *голубоцветик* (ЛЯРНГ). С другой стороны, название цветка послужило мотиватором для названия цвета *васильковый*. Белый цвет стал основой номинанта *лебеда* (чеш. *lebeda* / *loboda*, пол. *lebioda*, болг. *лобода*), т. к. растение, называемое им, имеет листья, покрытые мучнистым, светлым налетом. Оно восходит к лат. *albus* ‘белый’ и связано со словом *лебедь*, название которого мотивировано тем же признаком.

Возможно, к словам с данной мотивемой относится и название *брусника* (чеш. *brusinka*, пол. *brusznica*, словац. *brusnica*, болг. *брусница*, словен. *brusnica* и др.), получившая свое название от утраченного *бруснъ* ‘красный’ (КЭСРЯ) (ср. в болг. и бел. *брусница* ‘корь’, признаком этой болезни является яркое покраснение кожи), родственного др.-рус. и диал. *брускъ* ‘краснота, пурпур’, а также диал. *бруска* ‘брусника’. Название одного из сортов красной смородины в русских говорах – *брусковая смородина*, а в вологодских говорах встречается название красной смородины *брусалка* (СРНГ). В архангельских говорах *брусвяный* – это ‘красный, багряный’, *брусвянить* ‘красить в красный цвет’, *брусвянеть* ‘краснеть, алеть’, ‘багроветь’ (Даль).

Наряду с приведенной этимологией слова *брусника* существует и другая (имеющая не менее широкое распространение и убедительную аргументацию) точка зрения на мотивацию названия этого растения: в основу наименования положен способ срывания ягод горстями, поэтому оно восходит к глаголу *бръснути* (диал. *броснуть*, напр., коноплю, лен, т. е. «обивать или ошмыгивать руками») (Даль), родственному *бросать* (ЭСРЯ). Аналогичная модель встречается в литовском языке, где *brùknės* ‘брусника’ является производным от глагола *braũkti* ‘обдирать, обрывать (например,

головки льна)'. В славянских языках отмечается болг. *брѹся* 'сбиваю, сбиваю плоды с дерева' с причастием *брусеный* 'сбитый, сорванный'. В русских диалектах *бросать лен* значит 'очищать лен от головок, обивая их'. Самый процесс обработки льна и конопли производился или вручную, или с помощью *бросновки* – лопатки с широкими зубьями, через которые продергивались головки льна (*брос*) (Даль). Глаголы *броснить*, *бруснить*, *броснуть*, *бруснуть*, известные в диалектах, имеют отношение не только к обработке льна, но и к сбору ягод: 'срывать ягоды, семена, зерна, захватывая сразу горстью'; 'выбивать семя из конопли', 'очищать лен, коноплю от головок' (Даль). Этимология слова *брусница*, *брусника* в таком случае определяется способом собирания этой ягоды, которую «берут не по одиночке, а кучей, пропуская кустики брусницы между растопыренных пальцев руки, как бы черпая ее», или используют специальный совочек с длинными зубцами наподобие гребня (СРНГ). Типологическим аналогом названия брусники может служить нем. *die Streichbeere* 'брусника' от нем. *streichen* 'чесать' [2:102]. В таком случае значение 'красный' у дериватов с корнем *брусьн-/бруск-* является вторичным, что типично, т. к. название цвета плода или растения часто становится наименованием соответствующего цвета вообще (ср. *малиновый, вишневый, васильковый, сиреневый*, сюда же и *брусничный*).

Болгарское название брусники (и черники) – *боровинка* (с.-х. *брѹсница* 'брусника' и 'черника', в польском также отмечается *borowka* для обозначения и той, и другой ягоды, ср. и рус. диал. *боровика* 'брусника') (ЛЯРНГ) – отражает другой, не менее актуальный при номинации растений признак: место произрастания (в данном случае – от *бор* 'сосна', 'сосновый лес'). В чешском языке *borůvka* – буквально 'ягоды, растущие в сосновом лесу' – так именуется черника. В русском языке наименование *боровик* указывает на место, где растет данный гриб.

Место, занимаемое данным растением в мире природы, является ведущей характеристикой в названиях болотных растений. Так, *багульник* указывает на место, где он растет, – *багно* «болото» (др.-рус. *багно* 'болото; багульник') (КЭСРЯ). В зависимости от названия болота (*болото, багно, мочаг*) в русских говорах отмечаются такие названия болотных растений, как *болотница, болтавка, болотина, баговник, багна, мочажница* (ЛЯРНГ). Как «болотное» растение объясняется и внутренняя форма наименования *клюква*, распространенного, в основном, в русском языке. В других языках: чеш. *klikva*, словац. *klu'kva*, – скорее всего, из русского (ИЭСРЯ). Является производным от той же основы, что и *ключ* 'водный источник', *клюкать* 'хлюпать', данный корень встречается в наименовании болота в русских диалектах: *ключевина* 'ключ, родник, ключевое болото' (Даль). В сербско-хорватском слово *кљѹк* отмечается в значении 'сусло (отжатый виноградный сок)', что также имеет отношение к воде. Клюква обозначается здесь словом *маховица* (калька с нем. *Moosbeere*, буквально «моховая ягода») (ИЭСРЯ), производным от *māx* 'мох' и связанным ассоциативно и деривационно с растением, чаще всего растущим на болоте, не даром существуют специальные названия в русских диалектах *мишина, моховина, мшара, моховище* и др. для обозначения мшистого болота (Даль). Известно в диалектах и название *мохлаки* 'растение и ягода морошка' (Даль), *махлак*, откуда, в результате фонетического сближения, диал. *вахлаки* 'морошка' (ЛЯРНГ). Народное название травы *жабник* также указывает на место ее обитания (ср. укр. *жабня* 'болото с лягушками') [3: 72].

Исконно русское образование *морошка* также отражает место, где растет данный ягодный кустарник: восходит к **morocha* 'болото' (сохранилось в укр. *мороква* 'болото'), родственного *морох* 'морось', *моросить* (КЭСРЯ). Название *мох* имеет общеславянское распространение (чеш. *tesh*, словац. *tach*, пол. *tesh*, болг. *мъх*, словен. *tah*, с.-х. *māx* 'плесень') и также указывает на место произрастания этого

растения – на мокрых местах, на болотах. Наименование восходит к и.-е. **meu-* ‘сырой, влажный’ (ср. нем. *der Moos* ‘мох’ из др.-в.-нем. *mos* ‘мох; болото, топь’), того же корня, что и **myti* ‘мыть’. Первичное значение было, вероятно, ‘плесень’ (ИЭСРЯ), затем ‘растение на влажных местах’.

Название *вереск*, имеющее параллели в других славянских языках: чеш. *vřes*, словац. *vres*, пол. *wrzos*, словен. *vrês*, – буквально означает «степное растение» (КЭСРЯ), «заполняющее поляны». Наименование земляники в некоторых славянских языках подчеркивает, что это «лесная» ягода: с.-х. *шумска јагода* (от с.-х. *шума* ‘лес’), болг. *горска ягода* (от болг. *гора* ‘лес’). Внутренняя форма русского названия *подорожник* указывает на его распространение у *дорог*, ср. и его диалектные формы: *дорожник*, *придорожник*, *попутник*, *сухопутник*, *тележник*, *тропинник* (ЛЯРНГ).

В наименованиях растений могут актуализироваться и какие-то особенности их существования, например, у русского названия земляники – это близость, склоненность к земле. Собственно русское название *земляника* (из сочетания *земляная ягода*) отражает положение ягод этого растения по отношению к земле (спелые ягоды земляники почти лежат на земле, стелются по земле). Ту же внутреннюю форму имеют названия земляники в некоторых славянских языках: пол. *roziotka* (изоморфное рус. *поземка*), с.-х. диал. *јагода поземљуша* (ИЭСРЯ), в русских говорах бытует аналогичное название *паземка* (СРНГ). Украинское и белорусское название этого растения также имеет близкую внутреннюю форму и означает буквально «поникиющая»: укр. *суниця*, бел. *суніца* (дериваты от глагола *никнуть*), что выделяет такой его признак, как опущенные вниз, будто поникшие, ягоды. Название растения *повилика* создано путем универбации сочетания *повилая трава* (типичной словообразовательной модели для названий растений в русском языке) и отражает «вьющийся» характер стебля (КЭСРЯ). Появление на месте цветка одуванчика пуха и возможность *сдуть* его нашли свое выражение не только в литературном (*одуванчик*), но и в народных названиях этого растения: *ветродуй*, *дуванчик*, *одуван*, *подуванчик*, *пустодуй*, *пух*, *пухлянка*, *пыхкалка* (ЛЯРНГ).

Запах растения также часто представлен в его внутренней форме. Данный признак подчеркивается таким русским фитонимическим названием, как *душица* (в диалектах также *духмянка*) (ЛЯРНГ). Даль отмечает в словаре несколько наименований, мотивированных глаголом *вонять* «пахнуть»: *вонючка* (ср. аналогичное название хорька), *вонюга* (Даль), известен и дериват от глагола *пахнуть* – *пахучка* (ЛЯРНГ). Собственно русское название *смородина* (из *сморода*, сохранившегося в говорах) (Даль) восходит к глаголу *смердеть* «издавать запах» и является родственным слову *смрад* (КЭСРЯ). В украинском языке слово *смородина* известно как обозначение только черной смородины, в западнославянских языках встречается народное название черной смородины с тем же корнем: чеш. *smradinka*, пол. *smrodynia* (ИЭСРЯ), что подтверждает мнение В. И. Даля о том, что название *смородина* вначале получила черная смородина (Даль). В данном случае при номинации имел значение сильный аромат растения, из-за густоты и «тяжести» названный *смрадом*.

Эту же мотивему (сильный запах) некоторые ученые (в их числе Шанский) усматривают в исконно русском названии *ландыш*, производном от *ладънъ* ‘ладан’ (КЭСРЯ), известном с XVII в. Его «дух», т. е. сильный запах, подчеркивают народные названия *ландух*, *ландушник* (ЛЯРНГ). Вместе с тем ряд языковедов (напр., Брюкнер) возводит его к ст.-пол. *łanie uszko* «ланье ушко» (кальке с лат. *auricula cervi*), откуда затем устаревшие польские названия ландыша *lanka*, *lanuszka*, а также чеш. *lanýž* / *lanýš* ‘трюфель’ (ст.-чеш. ‘олений гриб’) (ИЭСРЯ), (ср. и рус. диал. *ланыш*) (ЛЯРНГ), в основе которых – сходство формы листьев ландыша с ушами ланы, олени. Существует и точка зрения (напр. Горяева, Преображенского), в соответствии с

которой мотивом для наименования послужило место, что подтверждается наличием в южнорусских говорах слов *лан* ‘поле, нива, пашня’ (Даль), укр. *лан* ‘поле, нива’, заимствованных из пол. *lan* или чеш. *lán* (куда попали из нем. *Lehn* ‘лен’, ‘владение’) (ИЭСРЯ). В таком случае *ландыш* может быть объяснен как «цветок лана», «полевой цветок», «лилия долин». Аналогичную внутреннюю форму имеют и названия ландыша в некоторых других славянских языках: укр. *конвалія*, пол. *konwalia*, чеш. и словац. *konvalinka*, восходящих к лат. *lilium convalium* ‘лилия долин’ (ИЭСРЯ).

Название огородного растения *укроп* также, вероятно, мотивировано характерным для него признаком – сильным запахом. В древнерусском языке слово *укропъ* было известно в значении «теплая вода», как замечает Срезневский, «может быть, с какими-то пряностями» (Срезн.) (напр. анисом, укропом, которые добавлялись в воду для умывания, ср. выражения *укропная вода*, *анисовая вода*). Славянские параллели этого русского названия (болг. *копър*, с.-х. *кòпар*, чеш. *kopř*, словац. *koror* и др.) подтверждают его связь с праслав. **kprъ* ‘анис, укроп’ того же корня, что и др.-инд. *kari* ‘благовоние’ (КЭСРЯ), но праформа, сохранившаяся в инославянских языках, скорее всего, была **kropъ* (ср. лит. *krapai* ‘укроп’), которая послужила основой и наименования другого растения – *кропива/крапива*, которому также присущ сильный запах. Метатеза, возможно, произошла на базе славянских языков (ИЭСРЯ), что подтверждают и славянские названия крапивы: болг. *коприва*, с.-х. *кòприва*, чеш. *kopřiva*, пол. *pokrzywa*. Вместе с тем общеслав. **kropiva* может быть связано с глаголом **kropiti* (рус. *кропить*) ‘ожигать’ (под влиянием которого произошла метатеза в русском языке) (КЭСРЯ) (ср. с.-х. *кроп* ‘кипяток’), что мотивировано способностью этого растения наносить ожоги, обжигать.

Основой наименования фитонима может послужить и его вкус. Издавна употреблялся в пищу *щавель* (рус. диал. *щавей*) (ЛЯРНГ), из которого, в силу его кислого вкуса, варили *щи* (слово того же корня, название восходит к др.-рус. *сѣти*, родственному *сок*) (КЭСРЯ). Связь названий сока и щавеля прослеживается во многих славянских языках, где они являются производными одного корня: ср. чеш. *šťovík* (наряду с *šťavel* – из русского) ‘щавель’ и *šťava* ‘сок’, словац. *šťavel* ‘щавель’ и *šťava* ‘сок’, с.-х. *штáвље* (возможно, из рус.) и *штáва* ‘дубильная кислота’ (**ščavъ* – из **sčtjavъ*). В древнерусском было известно и прилагательное *щавьнъ* ‘кислый’, а в русских говорах и некоторых славянских языках обнаруживается другое название щавеля с тем же признаком в основе: рус. диал. *кислица*, *кисличка*, *кислушка* (Даль), *киселка*, *кисляк* (ЛЯРНГ), болг. *киселец*, с.-х. *кисѣлъак*. Дикая лесная яблоня называется в русских говорах *кислица* из-за ее кислых плодов (ЛЯРНГ). Известное в некоторых славянских языках название крыжовника чеш. *angrešt* (ст.-чеш. *angrest*), пол. *agrest*, словен. *egreš*, серб. *ogrozd*, заимствованное из итал. *agresto*, восходит к **acrestis* ‘кислый’, родственному лат. *acer* ‘острый’ (ср. чеш. *ocet* ‘уксус’ того же корня) (ČES). В основе названий белой и красной смородины в некоторых славянских языках: чеш. *rybíz*, с.-х. *рѹбиз* (заимствование из нем. *Ribis* ‘смородина’ индоевропейского характера) также признак кислого вкуса, в соответствии с которым название было перенесено с ревеня на другое растение – смородину.

Прозрачную внутреннюю форму имеет название растения и приправы *горчица*, образованное от **gorьkъ* ‘горький’ (чеш. *hořčice*, словац. *horčica*, словен. *gorčica*, но с.-х. *слáчица* – признак вкуса, но другого, сладкого). Признак «горький» связан с «гореть», что находит выражение и в деривационной связи номинативных единиц, обозначающих эти понятия. Эта связь обнаруживается и в общеславянском наименовании *полынь* (чеш. *pelyněk*, словац. *palina*, пол. *piołun*, болг. *пелин*, с.-х. *пѣлен* и т. д.), производном от **polěti* ‘гореть’ (ср. рус. *палить* ‘жечь’). Растение было названо так за его горький сок, этот же признак стал и основой его народного названия

горчик, так же как подорожник в говорах иногда называют *горчица* (ЛЯРНГ).

Древнее название фигового дерева и его плодов – винной ягоды – имеет в своей основе противоположный вкусовой признак: *смоква* (ст.-сл. *смѡкъва*), *смоковница* (ст.-сл. *смѡкъвъница*) буквально значит «вкусный плод» (ЭСРЯ). Это древнее славянское наименование известно и в современных языках не только в старой форме: болг. *смоква*, с.-х. *смѡква*, пол. *smokwa*, но и в виде неологизмов, напр., чеш. *smokvoj*.

Фитонимические названия отражают и время цветения растений. Известно, что *купальница* (из сочетания *купальный цветок*) названа так по времени ее цветения, которое приходится на праздник *Ивана Купалы*, символизирующий собой начало купального сезона в средней полосе России (КЭСРЯ). На это время приходится цветение колокольчика, ромашки, поэтому в говорах их также называют *иванова трава* ‘колокольчик’, *иванов цвет* ‘ромашка’ (ЛЯРНГ: 191). Название самого первого цветка, распускающегося, когда еще лежит снег, указывает на время его появления – *подснежник*, диал. *подснежница*, а наименование *вечерница* [1:17] указывает на время суток, когда раскрывается цветок, – вечер.

В названиях растений актуализируются также их полезные или, наоборот, вредные качества. Название травы *девясил* указывает на его важность для человека, его лечебные свойства, это подчеркивается в его народных названиях *девятибрат*, *богатка*, *золотник*, *кровоавник*, *кровобой*, *здоровая трава* (ЛЯРНГ). Возможность исцелять болезнь, лечить *лишай* – название кожной болезни (производное, в свою очередь, от др.-рус. *лихъ* ‘дурной, злой’) (КЭСРЯ) – выявляет исконно русское наименование *лишайник*. Лекарственные свойства отражаются в таких народных названиях растений, как *грыжница*, *грудница*, *желуница*, *жабница* (по способности лечить *грудную жабу*) и т. п. (Даль). За способность останавливать кровь подорожник в народе называют *кровоавик*, *кровепуск* (ЛЯРНГ). Признак «исцеляющая» имеет и заимствованное в XIX в. из французского слово *резеда* (лат. *rezeda* ‘исцелять’), а также *шалфей*, название, пришедшее в русский язык в XVII в. из польского и восходящего к лат. *salvus* ‘здоровый’ (КЭСРЯ).

Не только лекарственные, но и другие полезные свойства растений манифестируют их названия. Общеславянское название *трава* восходит к глаголу *травить*, первоначально означавшему ‘потреблять пищу’ (по отношению к скоту, таким образом, в этом названии подчеркивается «съедобный» характер номинируемого объекта). Медоносные качества растения послужили основой названия *медуница*, клевер за подобные свойства в народе иногда называют *медовик*, *медуничник* (ЛЯРНГ). Имя *чертополох* растение получило у славян из-за возможности использовать его в борьбе с нечистой силой. Оно представляет собой сложение *черт* и *полох* (от глагола *полошить/вполошить*), благодаря тому, что его использовали для окуливания хлебов с целью охраны скота от нечистой силы (КЭСРЯ).

Вместе с тем отдельные растения, их сок, ягоды могли принести вред здоровью, послужить причиной отравления. Негативный опыт, связанный с употреблением подобных растений и их ягод, нашел отражение в таких народных наименованиях, как *волчьи ягоды*, *волковник*, *волчан* (Даль). Общеславянское наименование *плющ* (известно, кроме восточнославянских, пол. *bluszcz*, с.-х. *пльушт*, в.- и н.-луж. *blušč*) выступает как вариант более древнего *блущь*, производного от утраченного глагола *блүти* (известного сейчас в форме *блевать*), в сербско-хорватском языке употребителен и глагол *блүштити* ‘испытывать отвращение к чему-л.’ (ЭССЯ). Растение получило название по ядовитым ягодам, вызывающим рвоту (КЭСРЯ). Подобно этому и белена зовется в говорах *блекота* (Даль). Способность выделять ядовитый, *лютый*, сок, который может стать причиной гибели скота (КЭСРЯ), выражает внутренняя форма названия растения *лютик*, известного в русском языке с

начала XVIII в., кроме русского, отмечается в болгарском (*лютиче*) и сербско-хорватском (*љутѣк*). Беладонна, известная своими ядовитыми свойствами, в чешском языке имеет название *rulík zlotocný*, в котором подчеркивается его «злая сила» (чеш. *zlá moc*) (SSJČ). В народном названии *пьяница*, *пьяника* (Даль) подчеркивается возможность растения оказывать *пьянящее* действие на человека, его эквивалентом в чешском языке является слово *šalenka* (ср. с рус. *шалый*, *шальной*) со сходной внутренней формой. Возможность оказывать на человека «дурманиющее» действие выражают такие диалектные наименования, как *дураха*, *дурника*, *дурман*, белену называют также *дурнопьяном* (Даль).

Растение может получить свое имя по названию животного, питающегося им или обитающего на нем, в основе подобного переноса – метонимическая связь между обозначаемым и обозначающим. Наименование клюквы, которая служит пищей для журавля как болотной птицы, в некоторых славянских землях связывают с названием этой птицы: укр. *журавлина*, бел. *журавіна*, пол. *żurawina* (ИЭСРЯ), а также рус. диал. *жарав*, *жаравица*, *жура*, *журавика* (ЛЯРНГ). Растение, которым питаются зайцы, называют в народе *заячья капуста*, в говорах зверобой известен под именами с тем же мотиватором: *зайчик*, *заячья кровца* (ЛЯРНГ). Клевер, растущий на полях и служащий пищей для пасущихся лошадей (общеслав. *конь*), в украинском и белорусском языках называют поэтому *конюшина* / *канюшыня*, пол. *koniszuca* (ИЭСРЯ), известно и аналогичное рус. диал. *коневник*, *коничник*, наряду с *заячник* (ЛЯРНГ). Название *бабочек*, любящих клевер за его медоносные качества, стали основой для его народного наименования *бабочник*, *бабочкин хлеб* (ЛЯРНГ), а на то, что им питаются и дятлы, обратили внимание не только носители некоторых южнославянских языков (болг. *детелин*, с.-х. *дѣтелина* ‘дятел’), но и русских диалектов: рус. диал. *дятелина*, *дятлина*, *дятла* ‘клевер’ (ЛЯРНГ).

Метафора (сходство по каким-то внешним признакам с другим предметом) лежит в основе такого фитонима, как *колокольчик* (по сходству его цветка с *колоколом*, общеслав. *звон*, поэтому в русских говорах, как и в других славянских языках, его называют еще и *звонец* (ЛЯРНГ), укр. *дзвінок*, бел. *званок*, чеш. *zvoneček*, пол. *dzwonek*, с.-х. *звóнце*). Ассоциации с «колоколом» лежат и в основе немецкого названия этого растения *die Glockenblume* (от *die Glocke* ‘колокол’), откуда немецкое название подснежника *das Schneeglöckchen*, буквально ‘снежный колокольчик’. В английском названии цветка подснежника сравниваются с каплями: англ. *snow-drop* буквально ‘снежная капля’. В русских диалектах известно название клевера *лапка* (т. к. напоминает лапу животного), одуванчика – *огонек*, *фонарик* (ЛЯРНГ), также метафорические по происхождению. Связь с животным может выразиться в наименовании растения и по его сходству с какими-либо признаками животного. Например, в русских диалектах существует общее название колючих сорных трав *волчец* (Даль), имеющих внешнее сходство с «колючей» шерстью этого враждебного человеку животного. Шиповник в говорах известен под именем *барашки* (ЛЯРНГ), в силу сходства его закрученных цветков и листьев с шерстью барана. В силу легкости и узорчатости цветков, напоминающих крылья бабочки, василек в говорах иногда именуют *бабочки* (ЛЯРНГ). Русским народным названием плюща, ядовитого растения, является *змеевник* (Даль) по ассоциации с ядовитостью *змеи*.

Итак, фитонимические названия отражают фрагмент языковой картины мира человека. Растительный мир, окружающий человека, представлен в его сознании в виде определенных понятий об этом мире, находящих реализацию в языке в ряде номинантов (обозначений), актуализирующих наиболее характерные, с точки зрения данного языкового коллектива, признаки номинатов (обозначаемых). Сознание человека выделяет в явлениях растительного мира и закрепляет в языке такие

их общие свойства, как форма листьев и их особенности, стебля, ягод, семян; свои тактильные ощущения (колючий, «жгучий» или, наоборот, гладкий, мягкий характер поверхности); цвет растения, характерный окрас его цветов, плодов, сока, коры деревьев; типичное место произрастания (болото, степь, поле, дорога, лес, бор); какие-либо особенности существования растения (вьющийся стебель, способность растения заполнять все вокруг, близость к земле, наклоненность); запах; вкус (горький, кислый, вкусный); время цветения растения; его полезные (лечебные, медоносные, апотропеические) и вредные, даже губительные для человека или скота свойства (возможность запьянеть, «одуреть», отравиться и т. п.); связь с животным, которое питается данным растением или обитает на нем. Как и в других тематических группах, для названий растений характерен метафорический перенос на основании сходства их с животными, с отдельными предметами, уже имеющими название. Фитонимы имеют и коннотативный аспект значения, выражают оценку человеком обозначаемого «кусочка действительности», в данном случае явлений растительного мира: осуждение, симпатию, веру в «защитные» свойства, страх. Некоторые номинанты растений имеют антропоцентрический характер, связаны с названиями человека. Для рассматриваемой тематической группы характерны следующие метонимические модели: «место произрастания» → «растение», «время цветения растения» → «растение», «болезнь человека» → «растение», «животное» → «растение». Характерные действия, связанные со сбором, обработкой, использованием растений, характером их воздействия на человека, реализуются в следующих глагольных моделях: «что может расти, увеличиваться в объемах», «что можно срывать», «что можно ободрать или вырвать», «что можно косить, рубить», «что можно потреблять в пищу», «что может лечить», «чем можно отравиться», «от чего можно опьянеть, одуреть», «что может оберегать, защищать».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Боброва Т. А. Структурно-семантическая типология названий растений на *-ик(а)*, *-иц(а)* в русском языке // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VII. – М., 1972. – С. 12-19.
2. Откупщиков Ю. В. Очерки по этимологии. – СПб., 2001.
3. Меркулова В. А. Славянское *-*žab-* // Этимология. – М., 1963. – С. 72-80.

СЛОВАРИ

- Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. – М., 1978-1980.
- ИЭСРЯ – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. – М., 1993.
- КЭСРЯ – Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. – М., 1995.
- ЛАРНГ – Лексический атлас русских народных говоров. – СПб., 2004.
- Срезн. – Срезневский И. В. Материалы для словаря древнерусского языка. – М., 1958.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров (Под ред. Ф. П. Филина) – Л. - СПб., вых. с 1965.
- СРЯ – Словарь русского языка в 4-х т. – М., 1957-1961.
- СС – Старославянский словарь (по рукописям X-XI вв.), 2-е изд. – М., 1999.
- ЭСРЯ – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т., 2-е изд. – М., 1986.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд (Под ред. О. Н. Трубачева). – М., вых. с 1974.

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНВАРИАНТА БЫТИЙНОГО ЗНАЧЕНИЯ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Признание логико-понятийной, грамматической и коммуникативной функций предложения основными влечет за собой необходимость выделения в качестве его основных аспектов – логического, номинативного, структурного и коммуникативного. Во всех аспектах предложение предстает как некоторое парадигматическое образование, объединенное тождеством инварианта. Важным является то, что дифференциальные признаки, приводящие к образованию различных конструкций в одном аспекте, являются нерелевантными для другого, поскольку понятие структуры наполнено различным содержанием в различных аспектах предложения. С позиции восприятия парадигматики в качестве приема формального описания предложения, способствующего выявлению особенностей этой синтаксической единицы, инвариантом парадигматического ряда может служить практически любое грамматическое значение предложения. Способность предложения вступать в определенные парадигматические ряды – важнейший грамматический показатель, определяющий место данного предложения в синтаксической системе; грамматическая характеристика предложения является неполной, если не включает в себя его парадигматический потенциал, поскольку именно парадигматическая закреплённость предложения, его соотносённость с другими предложениями, определяют его синтаксическое значение [1].

Поскольку каждый из этих аспектов представлен особой структурой, для каждого из них соответственно можно говорить о своей парадигматике. Воплощение внеязыкового смысла в системе конкретного языка осуществляется в номинативной синтаксической парадигме – репрезентаторе категориальных типовых ситуаций. В рамках структурной парадигматики формируется грамматическое, денотативно-отражательное содержание предложения, интерпретирующее ситуацию. Логическая парадигма предложения выявляет количество и содержание понятийных категорий, выраженных средствами языка.

Основанием тождества парадигматического ряда в логическом аспекте является идентичность мыслительного содержания, выраженного различными синтаксическими конструкциями. Так, простое категориальное атрибутивное суждение может быть выражено соотносительными структурами двусоставных и односоставных предложений: *Пою – Я пою* и т.п. Логические операции преобразования формы суждений (превращение, обращение, противопоставление предикату) по своей сути есть не что иное, как частный случай логической парадигмы предложения. Таким образом, парадигматика в логическом аспекте отражает возможные вербальные способы различных форм мыслительного содержания высказывания. Семантика речевой реализации базируется на семантике парадигматического языкового инварианта.

Термин *высказывание* в современной логике является одним из центральных, под ним понимается некоторое формализованное выражение мысли. К высказываниям относится широкий класс способов выражения мысли, которые не обязательно рассматриваются с точки зрения их логического значения истинности, ложности или неопределённости. Основной формой логического мышления считается суждение, представляющее собой соотношение двух понятий. В суждении утверждается или отрицается связь между предметом и его признаками, например, *Все киты*

(предмет) *живут в воде* (признак). Всякое суждение выражается в предложении. Но из этого вовсе не следует, что всякое предложение выражает суждение. Суждение выражается повествовательным предложением, в котором содержится сообщение о чем-либо. Вопросительные предложения не содержат в своем составе суждения, так как в них ничего не утверждается и не отрицается (например, *Как вы планируете свой рабочий день?*). Побудительные предложения также не содержат суждения. Хотя в них что-то утверждается или отрицается, сообщением это не является (*Остановитесь! Разговаривай спокойнее!*). Суждение выделяется из всего множества высказываний специфическим выражением логического значения мысли, а именно: значением истинности или ложности высказывания, которое устанавливается на основе познания реальности [2].

По типу предиката суждения обычно подразделяют на три вида. К первому типу относятся суждения, в которых отношения между субъектом и предикатом мыслятся как принадлежность свойства предмету. Суждения о признаках предмета называются атрибутивными. В атрибутивных суждениях предмет является субъектом мысли, а предикат - признаком, определяющим субъект. Например, атрибутивным является суждение *Растения при дыхании выделяют кислород*. В качестве субъекта выступает понятие “растение”, а в качестве предиката – “выделяет при дыхании кислород”. Ко второму типу относятся суждения, в которых утверждается или отрицается отношение между двумя, тремя или более предметами (классами предметов) по величине, по положению в пространстве, по последовательности во времени и действии, интенсивности качеств, по родству и т.п.: *А равно В, Иван – брат Петра, Киевская Русь древнее Московской Руси*. Эти суждения носят название реляционных. Предикатом в них является признак-отношение, субъектом – соответственно несколько понятий, в зависимости от того, сколько “участников” предполагает это отношение. Например, *Иван Иванович и Иван Никифорович были друзьями* – суждение с отношением. *Были друзьями* является предикатом, а понятия *Иван Иванович, Иван Никифорович* – субъектами. Третий тип образуют суждения, отражающие сам факт существования или несуществования предмета суждения: *Свидетели происшествия отсутствуют; В этом лесу встречаются и хвойные деревья* [3]. Это суждения существования, или экзистенциальные суждения. Бытийные глаголы “*бывают*”, “*встречаются*” и пр. называются кванторами существования.

Рассмотрим реализацию инварианта экзистенциального суждения.

Прототипическими экзистенциальными суждениями (речь идет о конструкциях, которые и по форме и по содержанию представляют собой “лучшие образцы” данного типа [4]) являются суждения, содержащие в своем составе кванторы существования.

Положительные суждения выражены двусоставными предложениями с бытийными глаголами *существовать, бывать, отрицательные* – односоставными предложениями (безличными с бытийными глаголами типа *быть, стать, появляться* или именными).

Будут нам с тобой просвиры мягкие, кануны сладкие (Рус. сказка «Лиса-исповедница»); *Хлеба-то у них не было* (Рус. сказка «Петушок-золотой гребешок»); *И вдруг опять запахло в том уезде мякиной и овчинами; но в то же время на базаре появились и мука, и мясо, и живность всякая...* (М. Салтыков-Щедрин).

Еды прежней, привольной тоже не стало (М. Салтыков-Щедрин); *В поле ни травинки нет...* - (М. Салтыков-Щедрин).

Семантика бытийности в односоставных именных предложениях выражается парадигматикой предложения. *Пошел один генерал направо и видит — растут деревья, а на деревьях всякие плоды — Тут была и «шекснинская стерлядь золо-*

тая», и питомец лесов кавказских, — фазан, и, столь редкая в нашем севере в феврале месяце, земляника...» — *Думает, какой он плодовый сад разведет: «Вот тут будут груши, сливы; вот тут — персики, тут — грецкий орех!»* (М. Салтыков-Щедрин). Дополнительными показателями бытийности служат локативные словоформы: *В лесу ягоды*. Наряду с семантикой бытийности генитивные односоставные именные предложения выражают семантику количества «наличие множество предметов или большого количества вещества в пространстве» [5]. *В лесу всякой ягоды, всякого зверя, птицы — всего вдоволь* (М. Салтыков-Щедрин).

Грамматическое содержание структурного типа сохраняется во всех моделях, объединенных в его континууме. Тем не менее необходимо заметить, что функциональное значение модели может в некоторых случаях сильно видоизменяться. Так, лексическое наполнение номинативных предложений практически формирует их структуру.

Субстантивы, занимающие позицию главного члена по значению можно разделить на две большие группы: 1) существительные, обозначающие предмет в широком смысле этого слова, 2) существительные, имеющие признаковое (предикатное) значение. Конкретные существительные формирует в номинативных предложениях значение бытийности предмета, а неконкретные — значение бытийности ситуации.

Соотносительность конкретных существительных, входящих в состав одной тематической группы создают в номинативных предложениях функциональное описательное значение (изображение деталей статичной картины). Так, в стихотворении М. Цветаевой «Бабушке» лексика тематической группы «части тела», оформляющая позицию главного члена предложения, формирует бытийно-конкретное значение номинативных предложений, вводит читателя в авторское поле восприятия явлений окружающего мира, делает читателя как бы созерцателем сиюминутной картины, создает впечатление у читателя сонаблюдателя портрета, который рассматривает поэтесса.

*Продолговатый и твердый овал,
Черного платья раструбы...
Юная бабушка! — Кто целовал
Ваши надменные губы?*

*Руки, которые в залах дворца
Вальсы Шопена играли...
По сторонам ледяного лица —*

Локоны, в виде спирали (здесь и далее примеры из М. Цветаевой)

Соотносительность неконкретных (отглагольных) существительных создает изображение динамичной картины: одновременная бытийность динамических качеств или состояний нескольких предметов.

*Сирой проволоки вздрог,
Повороты рельс.*

Динамичность изображения достигается также употреблением в цепочном предложении соотносительных по семантике существительных, принадлежащих различным лексико-грамматическим разрядам: *льдина* — конкретное существительное, *звон* — абстрактное.

*Льдины, льдины
И купола.
Звон золотой,
Серебряный звон.*

Разнородные цепочные предложения (представленные существительными различных разрядов) представляют собой как бы движущуюся «кинематографическую картинку», кадры которой (номинативные предложения), сменяющие друг друга, создают общий портрет.

С помощью цепочной структуры текста организуется ситуация восприятия действительности. Текст приобретает кинематографичность. Предложение можно сравнить с кинокадром, а говорящего с режиссером, по-своему трактующего эпизоды действительности, так как в предложении выбирается план показа действительности. Цепочный ряд номинативных предложений позволяет представить смену кадров:

Запах розы и запах локона,

Шелест шелка вокруг колен... – три, следующих друг за другом крупных плана
О, возлюбленный, - видишь, вот она, –

Отравительница! – Кармен. – последний – общий план – представляющий
портрет в целом.

Описательная динамическая картина может включать в свой состав довольно значительное число компонентов. В этих случаях предложение начинает выполнять одновременно две функции: 1) дейктическую – с помощью конкретных существительных рисуется видовая картина, наблюдателями которой одновременно являются автор и читатель, 2) предикатную (модусную): автор актуализирует с помощью структуры предложений определенные компоненты действительности:

И тучи оводов вокруг равнодушных кляч,

И ветром вздутый калужский родной кумач,

И посвист перепелов, и большое небо,

И волны колоколов над волнами хлеба,

И толк о немце, доколе не надоест,

И желтый-желтый — за синей рощей — крест,

И сладкий жар, и такое на всем сиянье,

И имя твое, звучащее словно: ангел.

Номинативное предложение может иметь функциональное повествовательное значение – изображение сменяющих друг друга деталей динамического хода событий. Оно возникает при употреблении абстрактных существительных, образованных от глаголов совершенного вида: *оттолкнуть – оттолкновение*

Двух нежных рук оттолкновение —

В ответ на ангельские плутни.

У нежных ног отдохновение.

Перебирая струны лютни.

В последний раз — из мглы осенней —

Любезной ручки мановенье...

Где перед крепостью кисейной

Старинное благоговенье?

Широта реестра функциональных значений номинативных предложений показывает, что грамматическое содержание структурного типа и грамматическое содержание предложения, репрезентирующего этот тип, понятия хотя и соотносительные, но различные.

Грамматическое содержание предложения отличается многоплановостью: основным грамматическим значением является предикативное, которое, собственно, и превращает слово или словосочетание в предложение (диктумный аспект семан-

тики), помимо этого значения, формальная структура предложения выражает интерпретативное значение (модусный аспект семантики). Схемная семантика структурного типа является основой смыслового содержания всех реализующих его моделей. Роль представителя структурного типа отводится прототипической модели, функционально-семантические особенности которой являются основой для формирования интерпретационного значения производных моделей. Однако утверждение о том, что схемная семантика входит в семантическую структуру как просто слагаемое смысла было бы ошибочным: взаимоотношение грамматической формы структурного типа с морфолого-лексическими факторами модели характеризуется сложностью и неоднозначностью.

Более сложной является структура грамматических значений бытийных двусоставных предложений, в которых сема бытийности часто корреспондируется с семой характеристики, когда в качестве кванторов существования употребляются семантически однозначные глаголы. Как правило, эти глаголы, выполняющие функцию кванторов десемантизируются, но часто могут реализовывать в высказывании сложную семантику: бытийность + значение действия. Например, однозначные глаголы семантической группы «положение в пространстве» в приведенных предложениях являются семантически избыточными, так как сема локализованного нахождения в пространстве выражается, помимо глагола, сопряжением двух существительных, обозначающих субъект бытия и место его нахождения [6]. *В посуде золотой да серебряной яства стоят сахарные, и вина заморские, и питья медвяные* (С. Аксаков); *В печке сидит пирожок, такой румяный, поджаристый* (В. Одоевский); *Вот она огляделась: лежит перед ней и зелень, и мясо, и рыба, и уксус, и горчица, и квас – все по порядку* (В. Одоевский); *Гуляет он и любит: на деревьях висят плоды спелые, румяные, сами в рот так и просятся* (С. Аксаков); Ср.: *Чай и кофе на столе стоят, и при них закуска сахарная – И вырос перед ним стол, убраный-разубранный* (С. Аксаков). Семантическая структура глагола во втором предложении усложнена: существование + начало существования + внезапность.

Избыточный способ номинации квантора существования усложняет номинативное значение предложения: двусоставные глагольные бытийные предложения подобного рода выражают не только значение бытийности предмета, но и его квалификацию, придавая тем самым экзистенциальному суждению семантику атрибутивного. *Кой-где только торчит махрами сопрелая ветошь* (М. Салтыков-Щедрин). Понятию *ветошь* приписываются одновременно два признака: бытийность и характеристика по способу нахождения в пространстве: *Ветошь существует* (1) и *ветошь является торчащей* (2).

Реализация логического содержания зависит также и от структуры предложения, наличия в нем дополнительных семантических компонентов. Простые по структуре предложения могут выражать сложные суждения, имеющие полисубъектную и полипредикатную семантику. В предложении *У него и щи с убоиной, и водка* (М. Салтыков-Щедрин) представлены 2 суждения: 1) экзистенциальное: говорится о наличии *щей с убоиной и водки*; 2) атрибутивное: *он* – субъект обладания характеризуется через объект обладания *щи с убоиной и водку*: Он является тем, у кого есть *щи с убоиной и водка*.

Второстепенные члены предложения становятся носителями предикативных значений не всегда, а лишь в том случае, когда глагольное предложение передает сразу несколько пропозиций. *Перед окнами маленького домика пестрел на солнце большой цветник...* (И. Гончаров). Первая пропозиция «предмет и его место нахождение» – *Перед окнами маленького домика находился большой цветник*, вторая пропозиция «каузация признака предмета другим предметом» – *Солнце сделало*

цветник пестрым. По структуре это предложение является простым, так как содержит одно предикативное ядро *пестрел цветник*, по семантике - сложным, так как выражает две пропозиции. Номинативное значение предложения осложняет его логическое содержание: предложение одновременно отражает два типа суждений: экзистенциальное и атрибутивное.

В повседневной практике мы далеко не всегда испытываем необходимость в точном выяснении отношений между логическими понятиями. Часто мы довольствуемся лишь приблизительной точностью, например, логический субъект суждения далеко не всегда выражается посредством грамматического подлежащего предложения. В обычной жизни слово, речь для нас не только способ выражения *мысли*, но и способ выражения *чувства* и *желания*. Мы пользуемся грамматическими формами речи для того, чтобы выразить не только известное логическое содержание, но также и наше эмоциональное отношение к этому содержанию. Посредством слов речи мы выражаем не только *понятия*, но и *образы*, не только *знания*, но и то *впечатление*, какое эти знания на нас производят. Именно этим объясняется возможность не вполне точного соответствия между логическим построением суждения и грамматическим построением предложения. Однако эта изоморфность логического и грамматического имеет не только отрицательные, но и положительные стороны. Затемняя в некоторых случаях смысл логического содержания, аспектная изоморфность позволяет усложнить смысловой объем высказывания, усиливает его модусную направленность.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шмелев Д.Н. О значении синтаксических единиц // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – М., 1969. – С. 157.
2. Асмус В.Ф. Логика. – М., 2001. – С. 122-123.
3. Кузина Е.Б. Логика. – М., 1997. – С. 21-22.
4. Lakoff G. Women, fire and dangerous things. What categories reveal about the mind. Chicago. London, 1988.
5. Дерюшева Н.А. Генитивные количественно-бытийные предложения в современном русском языке. АКД. – М., 1990. – С. 13-14.
6. Моница Т.С. Номинация как первый этап речевой деятельности // Вопросы лингвистики. – М., 1997. – С. 23-25.

СТРАННИКИ: ПРОСТРАНСТВО В СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Предметом внимания в данной работе будет пространственная концептуализация мира и вербализация соотносимых с пространственными концептами категорий и понятий в текстах одного из влиятельных старообрядческих согласий – странников. Данные сочинения позволяют наблюдать стратегию концептуального переосмысления пространственных элементов.

Во второй половине XVIII века в среде старообрядчества возникает согласие, которое именует себя странниками или бегунами. Основателем его был инок Евфимий, талантливый писатель и публицист. Странники с самого начала отличались радикализмом по отношению к господствующей власти, поэтому всегда были неуютны ей и жестоко преследовались. Они активно вели полемику со своими оппонентами (лидерами других согласий, представителями официальной церкви, государственной власти и т.д.), их эвокационные способности оказывали влияние на общественно-политические процессы, напр. в Сибири в 1850-1860-х гг. [1].

Основу уставной жизни данного конфессионального объединения составляла проповедь необходимости и правомерности для истинных христиан побега из царства антихриста, наступление которого в России они связывали с началом царствования Петра I, ср. в тексте XIX в.: *ни единой власти ниповинуемся и непокаряемся какъ никона еретика, иалексея отступника, а наипаче всехъ перваго петра императора изаличнаго папу антихриста, за самого сатану осмотысящнаго, и его намѣстника...и все ево законо уложение антихристово богоотсѣтупно отвѣргаем и попираем и проклинаем (Отвѣтъ, 3)*. По мнению Евфимия, царство бесчестия в России будет передаваться от умершего монарха к его преемнику до «скончания века».

Непременным условием содержания правой веры в доктрине странничества являлось неповиновение императору-антихристу, гражданским властям и официальной церкви. Спасти свою душу во время царствования антихриста, по идее Евфимия, можно смелым исповеданием веры перед антихристом, обличением его словом и делом.

Старообрядцы-странники отражают в рукописях свое видение пространства и его оценку. При этом в фокусе их внимания находятся как окружающие объекты, выделяемые ими в качестве основных, особо заслуживающих внимания, так и само пространство, т.е. фокус их внимания зависит от позиции наблюдателя. Именно в зависимости от его личностных установок выделяются определенные компоненты и аспекты происходящего. Говорящий в каждом случае по-разному представляет один и тот же фрагмент действительности и выбирает для сообщения о нем разные языковые структуры – из альтернативных имен, предикатов, пропозиций или номинализаций.

Важнейшее влияние на личностные установки странников имеют факторы христианского вероучения. Как носители когнитивной базы христианской культуры, старообрядцы различают материальное и идеальное пространство. Духовная жизнь также взаимодействует с пространством, ср.: *во блгочестие приходях (511, 79); въпадше въ нечестие (511, 79 об.); отторгъся въ нечестие (511, 78 об.); о нынѣшнѣй прелести...взойдемъ в познание ея (510, 218 об.)*. Данные имена имеют «пространственную» семантику – описание необходимого следования поведенческой нормой, они также являются элементами пространственной ориентации. *Благочестие* vs. *нечестие* могут пониматься не только как свойства, но и как «пространст-

во поведения». «Пространственное» понимание слов, называющих добродетели и пороки, отражает не пассивное нахождение (=состояние) субъекта, а подразумевает активность и ответственность субъекта, т.е. данная модель обладает яркой деятельностной семантикой [2].

Особой концептуальной значимостью в сознании странников обладают альтернативные пространства царства Бога и царства антихриста. Если царство Божие – духовно осмысленная реальность, т.е. умозрительное пространство, то царство антихриста выражено локально, его местоположение определено в физическом мире. Это территория, управляемая царем, земное государство, ограниченное пространство: *гдѣ ли обрящемъ явно содержащееся блгочестие. то нигдѣже, но развѣ въ тайнѣ. то чтоже, обрящемъ ли на востоцѣ, гдѣ прежде начали блгочестие бысть, аще и ннѣ восточною црковию именуется и православными христианами нарицается, ноточие зримъ древле восточнѣи цркви во всем отступление. но чтож увидим и на западѣ, гдѣ прежде апсльское блгочестие сияло, еже и ннѣ апсльскими престолонастниками нарицается, хотя, между себѣ наразные секты и раздѣление имѣетъ ноблгочестивыми и православными христианами себѣ именуют...и тоже и в велицѣй России узримъ, гдѣ прежде благочестие процвѣтающее от восточных патриарховъ...а ннѣ уже то блгочестие патриархом никомом, и нонем послѣдующим поправное, и ересь и расколъ пахуленное а христиан засодержание того благочестия именуемое еретиками и расколниками, а непринявших новаго чиносодержания, и непослѣдующих нововводному учению, мучающее и убивающее (510, 218 об.).*

Основной постулат странничества – уход из мира антихриста ради спасения своей души. Бегуны обосновывают странничество предыдущим христианским опытом: сам Христос *страненъ бѣхъ (511, 23 об.); зане истии тако отзмия, тако отсмущения мирскаго бѣгающе, и странственное возлюбиха странствовавшего насъ ради (511, 25 об. 26)*. Странничество осмысливается как нравственная категория, направление жизни, которого следует придерживаться праведному христианину, ибо: *в царство антихриста не быть цркви и спасению в мятежном мира сего жителстве, но в бѣгствѣ токмо (Сказание, 3)*. Странничество не только доминантативная дефиниция у бегунов, странник – «вечный образ русской жизни (константа!)» [3]. Ср., о странничестве сегодня: «странничество – своего рода духовный подвиг, один из путей спасения наряду с монашеством или юродством» [4]. Семантические компоненты перемещения, направления не всегда присутствуют в текстах странников явно, они могут выражаться имплицитно, т.е. принадлежать не собственно семантике речевого произведения, а тем пресуппозициям, которые непосредственно связаны с этой семантикой.

Уход в модусе субъекта осмысливается как послушание (подвиг), т.к. уход осуществляется из устроенных, удобных мест и обрекает человека на лишения, мятарства: *а котории же не могуще мучения терпѣти. та оставляющее дома и имения. и скрывающееся по разным градом. и бѣгающе в непроходимыя мѣста. и тако соблюдающее древнее блгочестие невредима. сице и в гонении. сице и в злостраданиях (510, 219).*

Для старообрядцев-странников уход из мира антихриста не просто вызов, а активное социальное действие, уход предполагает борьбу с царством неверия, неповиновение злу и обличение власти неверных, т.е. деятельное странничество: *небесловесно мы скитаемся, и странническое претѣрпѣваемъ житие. Скитаемся убо, и бгородное житие живемъ трехъ ради сицевыхъ винъ (Тестамент, 130).*

Странники осознают свою миссию – открыть людям, не ведающим зла, глаза. Странствование влечет за собой видение масштабной архитектоники мира, динами-

ки пространства. В результате перемещения по обширным пространствам происходит приращение знания об эмпирических объектах.

Постулат активного обличения, борьбы только в советское время заменится установкой на сохранение истинно православной веры в окружении всеобщего безверия.

Таким образом, мы видим, что «спокойное блаженство» в пространстве ухода никогда не предполагалось старообрядцами. В любом мире от истинного христианина требуется напряженная духовная работа. Странничество является добровольным выбором, целью которого есть служение Богу. Это духовный труд с атрибутами лишения, мытарства.

Основными элементами пространственной ориентации для странников являются, казалось бы стандартные знаки: горизонтальная протяженность, вертикальная, «точка исхода», «конечная точка» и путь, как траектория движения, соединяющая начальную и конечную точки, проходимую субъектом движения. Но вербализация данных пространственных категорий позволяет увидеть специфичность их восприятия старообрядцами.

Перемещение в пространстве является концептуальной доминантой членов данного согласия. Анализируя предложения, в которых присутствуют предикатные слова с семантикой «перемещения», мы видим выражение элативного характера движения субъектов, субъект перемещения всегда уходит «от», обосновывая *от кого и почему: от нечестивыхъ отделишася (511, 79 об.); яко бы мы от общества христианъ отлучаемся (510, 217) (аще же и христианами православными нарицаются: но обаче от единого нарицания сущими и правовѣрующими быти немогутъ, зане непослѣдуют древлеблагочестивой цркви учения, но послѣдуют еретическим мудрованиям (510, 221)); от таковыхъ писание удалятися повелеѣвает (510, 218)*. Исходная точка движения определяется локально, являясь элементом физического мира. Но конечная точка перемещения не локализуется в страннических текстах, она может обозначаться как царство Господа, напр.: *и всѣмъ намъ к нему прибегаи (511, 221)*, или: *мы предания стыхъ оцъ держимся и настоящего града и села не имеемъ но грядущаго взыскуемъ (950, 11 об.)*.

Конечная точка – царство Божие – находится не в физическом пространстве (географическом), а в умозраительном. Таким образом, точки исхода и прихода оказываются в разных пространствах. Конечная точка движения «куда» остается неопределенной в реальном пространстве, поэтому бегун становится вечным странником. Идеальное пространство остается недостижимым в реальной жизни. Движение определено по направлению вперед и никогда – обратно. Неполная номинализация задает особый модус осмысления мира. Конечная цель движения выражается как объект умозраительного пространства. Концептуализируется движение в другое пространство, но без точек прибытия. Другое пространство закрыто, не может быть выражено, оно труднодоступно, путь в него известен только избранным.

Любое восприятие пространства предполагает выделение его в некоторых границах. В осмыслении пространства для странников также значение имеют пределы, внутри которых и помещается осознаваемое пространство, «конец или предел является необходимой психологической опорой для восприятия любой данности» [5]. Пределы для странников включают определенные участки, ориентиры пространства и их качественные различия.

Для бегунов границы пространства определяются прежде всего умозраительно, методом отрицания. Выделяется область царства антихриста, в пределах которого не может существовать истинный христианин, для него необходим выход за пределы этой области. Но пространство, необходимое для жизни благочестивых физичес-

ки не обозначается и остается без референта. Альтернативная область существования не выражена семантически. В предложениях типа: *въ неже время бѣгствуемъ бѣ и от всѣхъ изгоняемъ* (511, 173), речь идет о ненаправленном перемещении, где нельзя определить ни начальную, ни конечную точку движения, ни его траекторию, т.е. не определен признак «направление», здесь мы наблюдаем лишь манифестацию странничества. Обозначается пространственное перемещение, движение, но не его результат.

Путь и поиск идиллического мира, отдаленного, труден, рискован, полон лишений. Но у странников нет страха перед новым местом и новыми испытаниями, нет уныния, отчаяния, страха неведомого пространства, есть непримиримость с миром нечестивых. Страх перед служением дьяволу сильнее страха ухода из обжитого места. Они осуществляют добровольный уход во имя служения Богу, ради спасения души.

В реальности происходит расширение обширного пространства, физическое его освоение. «Свой» мир распространяется на более дальние пространства. Освоение их происходит на основе уже известных параметров.

Все видимое, наблюдаемое осмысливается бегунами в пространстве физическом, при этом духовное – Божие – может быть и земным: скиты, пустыни, житие странственное, то, что угодно Богу и находится под его покровительством. Физическое «не-Божие»: вещи временные, церковь великороссийская, мятежное житие мира.

В пространственный локус бегунов входит такой объект внимания как жизнь «в последние времена»: *ннѣ де время послѣднее (Отвѣт, 219 об.)*; *последние плачевные* (510, 221). «Последние времена» относятся, с одной стороны, к эмпирически постигаемому времени, по Ньютоновскому определению, с другой стороны, данная дескрипция используется для обозначения неограниченного промежутка времени в реальной практике, без указания на период, длительность. Например, для странников время Петра I является актуальным и в XVIII и в XIX веках, ср. в тексте XIX в.: *росия тому же падонію последоваше и тако исполнися число зверя ахъз вто лето царь алексей михайловичъ сникономъ отступи от святыя православныя веры, и всю церкѣ бжю от всего блголепія обнажи, и бысть вместо царя мучитель: вместо владыки ратникъ, яко же свидетельствуетъ о семъ аплѣ павелъ, сице: прежде приидетъ отступленіе, потомъ явится человекъ греха, сынъ погибельныи антихристъ* (950, 13 об.-14). Они активно цитируют указы петровского времени о двойном подушном окладе для старообрядцев, о записи «в раскол», о смене календаря, о принятии императорского титула (числа зверя) и т.д. Прецедент-событие – деятельность Петра – осмысливается как настоящее, т.к. имеет огромное влияние на жизнь старообрядцев. Обозначение «последних времен» в значении «настоящего времени» в течение нескольких веков не выражает конец в реальном пространстве, а служит определением некой длительности, не совпадающей с реальным временем, не ограниченной в физическом времени. Можно говорить о метафоричности выражений такого рода, как: *времена гонительные* (510, 219 об.); *настоящего многоскорбнаго плачевнаго времени* (510, 75), здесь выражается метонимическое значение отрезка реальности, занимающее определенное положение в пространстве.

Время, по мнению странников, категория неподвластная человеческому влиянию, поэтому не может быть изменено по воле человека. Именно поэтому старообрядцы обвиняли Петра I за смену календаря.

Восприятие пространства путем выделения участка в некоторых границах может быть осуществлено на основе чувственного восприятия. Чувственное ощущение пространственных координат служит семантическим основанием оценок, ср.: *правду на неправду превращати* (511, 4); *познать путь правый* (511, 174); *приемлют*

слово гдне и бесове и члвцы лукавии (511, 221об.).

В основу пространственных образов кладется оппозиция, выражающая эксплицитно. Ключевая оппозиция по вертикали детерминируется понятиями *верх – низ*: *умъ нащъ оустроенъ бгомъ прсно нагорняя восходити, и небесная мыслити, а непомземли влачитися* (511, 20об.); *яко небо от земли отстоитъ* (511, 77об.). Небо vs. земля – противопоставление и одновременно – единство двух частей одного мира, как добро и зло. Человек свободен делать выбор между подобными оппозициями.

Пространственным объектом в текстах странников выступает и оппозиция *мир – разделение, раскол*. В сочинениях бегунов номинативные единицы *раскол* и *раскольник* обладают особой эксплицитностью как репрезентанты ментальности.

Странники против раскола и разделения, они не позволяют называть себя раскольниками, т.к.: *и по преподобному матфею правилописцу: раскольник, иже с православною церковию расщепися. и по преподобному никону черногорскому: раскольник, иже вин ради неких церковных, и взыскании ненарочитых вознегодова распрѣся. и от телесе церковнаго отсечеса, и живущей в нем благодати духа святаго лишился* (Отвѣтъ, 185 об.). Причины церковного раскола авторы объясняют следующим образом: *два образа раскола церковнаго (по златоусту) извествующа. едино убо егда изсякнем любовию, другое же, егда недостойная творити ко оному телу дерзнемъ* (511, 70 об.); т.е., одна причина в пресечении любви, а други в догматахъ (511, 72). Именно любовь должна быть объединяющим началом.

До сегодняшнего дня ни один старообрядец любого согласия не позволит называть себя раскольником, т.к. *раскольник, иже не приобщен есть к соборней церкви, по алексее архидиякону и по правилам святых отцов свидетельству* (Сказание, 12). Но *раскол, разделение* являются средствами выражения движения, особого вида «пути». Само согласие *бегствующих* появилось в результате отделения от так называемых филипповцев, отличавшихся особой строгостью устава. Последние, в свою очередь, в пер. пол. XVIII в. отмежевались от Выговской пустыни из-за несогласия с введением руководителями Выга в церковную службу богомолia за правящего государя. Будущие странники обвиняли лидеров филипповцев в отступлении от «чистоты веры» (посещения ими «никонианских» храмов с сокрытием собственной конфессиональной принадлежности, попытки примирения с федосеевцами, с которыми их разделяли принципиальные разногласия в вопросах о титуле на кресте, о браках, об иночестве и т.д. [6]). Странники создают свое согласие с еще более строгим уставом после отказа лидерами филипповцев исправлять свои прегрешения, т.е. после того, как предложенный им путь преодоления раскола был отвергнут.

Пространство у странников существует во взаимообусловленных оппозициях, которые охватывают основные значимые концепты.

Наиболее частотные корреляты такие, как: вера – неверие; благочестие – нечестие, нечестивые; заповедь Божия – заповедь вражия; боголюбивые – вещьлюбные; древлеправославная церковь – великороссийская; человек мирской, плотну, вещьлюбный, лукавый – боголюбивый; истина – неправда; правда – неправда; вещи временные – вещи небесные; странственное житие – вавилонъ метежное житие; свобода божия – работа египетская; область дьявола – вселенная; распръ, разделение – мир, совокупление, союзство; добродетель – злоба.

Описание всех перечисленных типов альтернатив позволит связать оппозитивные языковые выражения (их семантику) с определенным видением мира.

Старообрядческий текст важен как данность пространственно-временного локуса, с которой необходимо считаться.

Изучение пространства в текстах старообрядцев-странников показывает, насколько важное место в человеческом сознании занимает пространство: в пространст-

венных терминах представляются все наиболее важные культурные концепты.

Представляется, что изложенные в настоящей статье наблюдения о видении пространства, свидетельствуют, что их описание требует внимательного анализа для того, чтобы выявить систему, лежащую в основе рассматриваемых явлений.

ИСТОЧНИКИ

Примеры в работе приводятся без сохранения авторской орфографии.

Тестамент – Тестамент наказательный возлюбленному сну моему, частное собрание при старообрядческой церкви (г.Новосибирск).

Отвѣтъ – Отвѣтъ; хрістіянскоѣ; властѣм; богопротивным по вопросу, РГБ, собр. Е.В.Барсова, ф.17, № 523.

Сказание – Сказание о происхождении страннического согласия, и разнообразных его отраслях, РГБ, собр. Барсова, № 858.

510 – Ответы Архангелогородских староверцов, XVIII в., РГБ, собр.Ундольского, ф. 310, № 510.

950– Цветник, РГБ, собр. Барсова, ф. 17, № 950.

511 - Сборник старообрядческий, РГБ, собр. Ундольского, № 511.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Должигов В.А. Сибирь и «русский вопрос»//Русская идея. – Барнаул, 1992. – С. 68.

2. Яковлева Е.С. Пространство умозрения и его отражение в русском языке // Логический анализ языка. Языки пространств. – М., 2000. – С. 275.

3. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 2004. – С. 183.

4. Тарабукина А. Странники и паломники // Знание – сила. – №10. – 2005. – С.110.

5. Лебедева Л.Б. Семантика «ограничивающих» слов // Логический анализ языка. Языки пространств. – М., 2000. – С. 93.

6. Мальцев А.И. Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. – Новосибирск, 1996. – С. 97.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА РУССКИХ ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ

Русские предположительные частицы включаются в группу модальных, служат для выражения авторского отношения к достоверности сообщаемого. Яркая функциональная семантика, базирующаяся на факторе антропоцентризма, широкая гамма эксплицируемых в высказывании модусных смыслов обусловили закономерный интерес к предположительным частицам как вероятностным квалификаторам сообщаемого.

К предположительным частицам относятся следующие: *собственно-предположительные* (как бы, чай, авось, небось, никак, поди, что ли); *сомнительно-предположительные* (едва ли, вряд ли); *сравнительно-предположительные* (будто, как будто, точно, словно, словно бы, вроде, ровно); *избыточно-предположительные* (едва ли не, вряд ли не, чуть ли не); *вопросительно-предположительные* (разве, неужели, неужто); *эвиденциально-предположительные* (мол, дескать, якобы, де).

Интерес к подобного рода служебным элементам обусловлен ярким диссонансом между структурно-модельным и семантико-прагматическим статусом предположительной частицы. Необходимость детализации этого сложного вопроса подтверждает тот факт, что служебные слова в целом, и частицы в частности – общность функциональная, грамматическая.

Структурная факультативность, обусловленная морфологическим статусом частицы, грамматикализированность значения отнюдь не мешает служебному слову быть синтаксически и прагматически емким, выполнять в предложении-высказывании целый комплекс разноаспектных функций.

Частицы – это востребованный в коммуникационном процессе класс слов. Будучи грамматически служебными, частицы по частотности употребления уверенно держат одно из первых мест в обыденном языке общения. Русская разговорная речь насыщена частицами. Немаловажная роль в этом отводится прагматической составляющей в значении частиц, позволяющей служебному элементу выполнять в высказывании доминирующую смысловую функцию донесения до адресата прагматически обязательных смыслов.

В последнее десятилетие актуальной становится и проблема исследования степеней семантической опустошенности частиц. Например, частица *как бы*, выступая в функции скрепа, теряет предположительную и сравнительную составляющие своего значения: *Я как бы говорю ему; Да я как бы в магазин собралась; Он как бы пришел вчера вечером; Мы как бы в гости идем; Это как бы очень важный договор.* Явление семантической опустошенности в сфере частиц распространилось к настоящему времени фактически по всей территории России, и частично – по территории ближнего зарубежья.

Отметим, что рассматриваемые нами частицы – это функционально «полноценные» элементы языка и речи, отражающие различные аспекты вероятностной квалификации сообщаемого.

Предположительные частицы включаются в группу знаков, основная функция которых заключается в обозначении особого, модального типа отношений. Они – инструменты квалификации авторского отношения к сообщаемому, фиксаторы точки зрения квалифицирующего субъекта. Как и другие служебные знаки, частицы

не являются структурно обязательными элементами предложения, т.е. элементами конструктивно значимыми. Структурная факультативность частицы тем не менее не является препятствием ее полнофункциональности как знака коммуникативно ориентированного. Предположительные частицы в этом случае могут быть охарактеризованы как знаки, при помощи которых говорящий осуществляет «привязку» своего высказывания к ситуации в координатах «я – здесь – сейчас».

Частицы являются знаками речемыслительного процесса. Эти формальные средства указывают на отражение в высказывании результата произведенной мыслительной операции. Наличие частицы в высказывании свидетельствует об активизации процесса мышления субъекта. Предположительные частицы в данном аспекте – языковые «орудия мысли».

Исследование ментальных процессов подводит к пониманию того, что при помощи предположительной частицы логическое суждение соотносится говорящим с параметрами категорий возможности и вероятности. Одна и та же частица в различных высказываниях может фиксировать разную степень вероятности, возможности, сомнения или предположения. Цель автора при введении в высказывание модального квалификатора заключается, в первую очередь, не в обозначении конкретной степени, а в обозначении самого факта вероятности.

В связи с этим отметим, что предположительные частицы способны образовывать нечленимые модально-ответные предложения: – *Ты уверена? – Как будто...* (В. Шукшин); – *Как ты думаешь, он вернется? – Вряд ли* (В. Шишков); *Понимал ли, что оставаться дома было опаснее, чем отбывать на чужбину? Едва ли* (газ. текст); – *А ты уверена, что она ничего не понимает? Вряд ли* (В. Иванов); – *А ведь они вернулись со стороны подлеска? – Якобы...* (журн. текст).

Здесь частица – показатель логического предиката, логического определяющего. Отметим, что модально-ответное предложение никогда не фиксируется на полюсе достоверности. А частицы фиксируют грань, за которой предшествующее суждение переводится в иной временной континуум и осмысливается говорящим с позиции «здесь» и «сейчас». В модально-ответных предложениях, таким образом, присутствует указание на суждение, и по этому логическому параметру рассматриваемые модальные квалификаторы должны быть определены не только как речевые, но и как языковые структурообразующие средства.

Исследование высказываний с предположительными частицами убеждает, что субъективно-модальные квалификаторы, не являясь необходимыми элементами семантической структуры предложения, пропозитивно значимыми элементами, тем не менее активно участвуют в уточнении семантической структуры, ее обслуживании, а иногда и формировании, в результате чего достаточно сильно трансформируют смысловое поле предложения субъективными характеристиками, выступая в роли семантически обязательных элементов.

Смыслы, вводимые при помощи предположительных частиц в предложение, существенно конкретизируют пропозитивные, собственно предложенческие смыслы, соотносят их с говорящим, «проявляют» его позицию. Данные смыслы важны для высказывания, так как выражают его авторство, что для речевого образования (в отличие от конструкции, модели) является определяющим: *Авось все, что я говорю, правда!* (А. Чехов); *Ну, прощайте, други...Засиделись мы у вас – и вам, чай, надоели* (И. Тургенев); *Едва ли мы ее убедим* (В. Головачев).

Диктум и модус – объективный и субъективный слои смысла предложения – являются иерархическими образованиями, имеют сложную структуру и включают ряд обязательных и факультативных компонентов. Однако, будучи противопоставленными друг другу, диктум и модус не являются абсолютно чуждыми друг другу в едином

семантическом пространстве предложения-высказывания. Они взаимообусловлены, и эта обусловленность закономерна, что наглядно подтверждается при семантическом анализе предложений с предположительными частицами. Последние интересны в том плане, что в них зафиксирован в действии процесс, который может быть условно обозначен как *снятие четкой противопоставленности диктума и модуса*.

В предложениях с предположительными частицами объективный и субъективный слои смысла приближены друг к другу, представляют собой синтез двух единств. Диктум при помощи частицы как бы «притягивается» к модусу, используется для нужд модуса, в результате чего субъективные смыслы внедряются в объективную часть – диктум, усложняя его смысловую структуру. Элементы модуса трансформируют семантические поля пропозитивно значимых элементов – предиката, актантов, сирконстантов. Модусные смыслы, вводимые частицами, в ряде случаев даже подчиняют себе объективные смыслы, которые используются в качестве смысловой базы, на основе которой происходит прагматическая ориентация события: – *А здесь может быть разумная жизнь?.. – Вряд ли* (К. Булычев); – *Трава жива? – Едва ли* (В. Бережков); *Вдруг снова словно послышалось что-то* (А. Волков); *Как будто бы только что здесь был* (В. Шукшин).

Говорящий при помощи модального средства ориентирует адресата на то, что имеются некие причины, существование которых предопределило его отказ от констатационного способа изложения собственной точки зрения. Данные причины побуждают говорящего избрать иную, неконстатационную форму выражения мысли. Факт существования подобных причин доводится до адресата как знак того, что говорящий при квалификации события ориентируется именно на них.

Выделение степени уверенности/неуверенности в качестве критерия отграничения смысла «предположение» от других квалификативных смыслов, реализуемых в высказываниях предположительными частицами, следует признать ненадежным параметром, так как, с одной стороны, нередко в предположительном высказывании наблюдается как раз высокая степень авторской уверенности в сообщаемом. Например: – *Что ты хочешь сказать? – Что ж тут объяснять. Небось помните, как я вас любила* (И. Бунин); *Здорово, друг, здорово, брат, здорово. Рассказывай, чай у тебя готово Собрание важное вестей?* (А. Грибоедов); «*Неужто же, – вскрикивает она, – неужто же мне опять с дитем моим должно расстаться?*» (Н. Лесков). С другой стороны, сам факт актуализации квалификативных смыслов обусловлен не столько степенью авторской уверенности в сообщаемом, сколько причинами прагматического уровня: *Я едва ли не менее всех других подготовлен к такому предприятию, так как могу рассказывать лишь о внешних явлениях: их смысл и причины недоступны моему пониманию* (В. Брюсов) (степень уверенности связывается с авторской компетентностью); *У вас, чай, и так вороха наготовлены, брильянтовая* (А. Островский) (степень уверенности основана на общественном мнении); *Эта лента столь широко обсуждалась профессионалами, зрителями и прессой, что вряд ли стоило бы к ней возвращаться, если бы повода не дал сам киноматограф* (степень уверенности обусловлена известностью факта). В более широком аспекте анализ вышеприведенных примеров подводит к мысли о том, что предположительная квалификация события лишь косвенным образом связана с уверенностью/неуверенностью, но отнюдь не является вытекающей только из нее.

Выделение смысла «предположение» ориентирует на учет комплекса как собственно лингвистических, так и суперлингвистических факторов. Особое положение при этом отводится интонационным и контекстуальным показателям. В этом аспекте предположительные частицы могут быть охарактеризованы как формальные средства, отражающие только начальный стимул для актуализации квалификатив-

ного смысла, который далее уточняется и конкретизируется подключением средств других уровней языка и речи:

Родька дерзко усмехнулся в ответ и спокойно пошел в избу собирать свое добро. Молодая послушала отказ тоже как будто спокойно, – она, разойдясь с Тихоном Ильичем, опять взяла манеру бесстрастно молчать, не глядеть ему в глаза. Но через полчаса, уже собравшись, Родька пришел вместе с ней просить прощения. Молодая стояла на пороге, бледная, с опухшими от слез веками, и молчала (И. Бунин);

– А приходили ко мне от покойницы Трюхиной? – Покойницы? Да разве она умерла? – Эка дура! Да не ты ли пособляла мне вчера улаживать ее похороны? – Что ты, батюшка, не с ума ли спятил, али хмель вчерашний еще у тебя не прошел? Какие были вчера похороны? Ты целый день пировал у немца, воротился пьян, завалялся в постель да и спал до сего часа... – Ой ли! – сказал обрадованный гробовщик (А. Пушкин).

В данных текстах предположительная частица фиксирует начальный стимул для развития предположительного смысла, который далее гасится контекстуальными и ситуативными показателями. Как следствие этого, возникает множество переходных ступеней и довольно большое количество высказываний, в семантике которых трудно однозначно дифференцировать наличие неосложненного смысла «предположение», фиксируемого только частицей (Ср.: *Все-таки когда-нибудь счастливой Разве ты со мною не была?* (А. Блок) (сомнение, осложненное желательностью); *Скептики на это замечали, мол, как бы не случилось неоправданного* (Е. Носов) (предположение, осложненное опасением); *Он вряд ли мог мечтать о таком развитии события* (предположение, осложненное возможностью); *Действительно, он сможет вовремя вернуться* (предположение, осложненное акцентированным подтверждением)).

Как видим, кваликативные смыслы часто выступают в смешанном виде, нередко наблюдается плавный переход одного смысла в другой, совмещение их в пределах одного высказывания. Это обусловлено тем, что в речевом коммуникативном процессе, как правило, работает целый комплекс взаимопересекающихся функционально-прагматических факторов. В то же время отметим, что там, где это возможно, конечно же, следует производить дифференциацию базовых и надстроечных смыслов, реализуемых в высказываниях предположительными частицами. Одним из дифференциальных критериев, думается, может служить антропоцентрическая составляющая – степень обоснованности собственного мнения, на которую ориентируется говорящий при построении модально-кваликативного высказывания.

Итак, функциональный анализ семантики предположительных частиц с опорой на фактор антропоцентризма заставляет по-иному взглянуть на проблему исключительно частеречного подхода к изучению русских частиц. Узость такого подхода в настоящее время очевидна. Частицы, как функционально и прагматически сориентированные элементы, проявляют себя исключительно на уровне предложения, что позволяет говорить о наличии у них особой, синтаксической семантики.

В прагматическом аспекте и антропоцентризма сказанное позволяет выделить две основные цели, которые преследуются говорящим при вероятностной квалификации события: высказать собственное видение ситуации (эксплицировать «личный» взгляд на ситуацию) и донести свою «точку зрения» до адресата (добиться того, чтобы адресат правильно понял говорящего – адекватно тому, что заложено в основу вероятностной квалификации самим говорящим). И в первом, и во втором случае русские предположительные частицы – это «сигнал важности» сообщаемого факта, один из способов автора высказывания продемонстрировать свое небезразличие к происходящему. Употребляя данные средства, говорящий боится от недопонимания его позиции, то есть ориентирует адресата на «правильное» (по мнению говорящего, естественно) понимание ситуации, а также собственного взгляда на ситуацию.

«ДЕЛОВАЯ» ПУБЛИЦИСТИКА КАК ФАКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ XVIII В.

В истории русского письменного языка XVIII в., в формировании новых лингвистических правил важное значение имели печатные источники (как отечественные, так и переводные), которые в большом разнообразии появились в то время. Язык этих произведений, графическая и стилистическая орнаментика их текстов наложили определенный отпечаток и на традицию делового слога. Такие источники, как «Ведомости», имели хождение в разных социальных группах населения и протоколировали прежде всего светскую историю государства, те его военные, административные и правовые отношения, которые в значительной мере повлияли на ход развития деловой словесности. Поэтому представляется целесообразным коснуться проблемы лингвокультурных связей и рассмотреть текст газетной полосы сквозь призму социоязыковых изменений, которые в первую очередь, еще будучи не до конца организованными и регулируемые, получали апробацию на страницах печатных изданий.

В январе 1703 г. вышел первый номер первой печатной газеты России «Ведомости», основанной Петром I. С этого времени информационное поле страны приобрело цивилизованный (по тогдашним европейским понятиям) характер. Однако мы не можем усматривать здесь только большое желание русского царя-преобразователя реформировать культурный и духовный облик государства согласно европейским «стандартам». Так принято считать. Но «Ведомости» — особая газета. И не только потому, что стала *первым* гласным гражданским органом со своим «репертуаром». Но и потому, что следовала во многом русской *традиции* печатного слова, которая, правда в рукописном виде, существовала еще задолго до появления «Ведомостей».

Мы имеем в виду «Вести-Куранты», выходившие с начала 1600-х гг. Существуют свидетельства ученых о том, что во время путешествия Петра I по Европе в конце 1690-х гг. он и его посольство не раз пользовались местными «курантами». Таким образом, традиция русских вестей допетровского времени, доставлявшихся из-за границы и обрабатывавшихся уже в Москве, получала естественное продолжение и во многом повлияла на замысел императора создать такую газету в России. Н. А. Бакланова, исследовавшая приеходно-расходные книги посольства Петра I, делает интересные наблюдения: «Посольство широко пользовалось культурными удобствами западноевропейской жизни, как например, почтой, газетами. Оно постоянно обменивалось письмами с Москвой и русскими представителями при европейских дворах. Для посольства покупались газеты «куранты». <...> 19 сентября «переводчику Вульффу за издержку ево, что он покупал в Амстердаме на свои деньги куранты августа с 16 дня по вышеписанное число, дано ефимок три алтына две деньги». Покупка газет вообще стала обязанностью переводчиков. Возницину, когда он приехал на Карловицкий конгресс, их покупал Шафиров. В Бреславле их доставлял «почтарь». Послы настолько освоились с газетами, что однажды даже поместили в них объявление о своем сбежавшем с деньгами агенте. Для того, чтобы держать в курсе европейских новостей Посольский приказ, Возницин приобретал печатные гравированные листы, выходившие в то время на Западе» [1].

Но сравнение их содержательных и формальных сторон — предмет особого исследования. Мы укажем лишь на те специфические особенности «Ведомостей» времени Петра I, которые характеризуют его «лингвистическое» царствование и вместе

с тем послужили толчком к развитию нового слога, формированию иных языковых традиций. Мы связываем это с тем фактом, что газетой могли пользоваться все грамотные люди России; она выходила с известной периодичностью и доставлялась в разные регионы страны, из номера в номер как бы усиливая свое «филологическое» лицо, и влияла тем самым на общерусский культурно-языковой фон.

Но прежде стоит сказать несколько слов об участии Петра I в организации газеты, в определении ее информационной политики. В. Погорелов, автор вступительной статьи к переизданию «Ведомостей» (в 1903 г. отмечался двухсотлетний юбилей выхода из печати первого номера), так охарактеризовал обстоятельства создания газеты: «Какое значение придавал Петр Великий Ведомостям — этому своему детищу, видно из того, известного уже факта, что он сам *собственноручно* (курсив наш. — О. Н.) правил первый их номер. Хотя в настоящее время для нас выясняется, что в редактировании Ведомостей принимали участие и лица, служившие в Посольском Приказе (впоследствии в Коллегии Иностранных Дел) и на Книжном Дворе (и далее в Московской и С.-Петербургской типографиях), но в то же время открывается для нас и то, что велось это издание вполне в духе и направлении Петра Великого по *постоянным* (курсив наш. — О. Н.) его указаниям. Таким образом, истинным редактором этой газеты за все время ее существования был сам Петр» [2].

Внешний блик газеты тоже имел свои специфические особенности. Прежде всего это касалось буквенного оформления текста. С 1703 по 1709 гг. она печаталась так называемым *библейным* шрифтом с сохранением всех атрибутов церковнославянской традиции: очертаний характерных литер, наличия надстрочных знаков и титл, символов греческого алфавита и др. Таким образом, получалась довольно парадоксальная ситуация, когда, например, говорилось о том, что нашли много нефти и медной руды, или описывались военные события, словом, писалась *светская* история, — но все это гражданское «общежитие» было оформлено по-церковному. Такой древний «стандарт» сохранился вплоть до 1710 г., когда в «Ведомостях» появился привычный нам *гражданский* шрифт, и газета приобрела европейский вид, а для простолюдина, вероятно, стала более понятной и доступной. Впрочем, отдельные элементы «древностей» все же остались. Так, могли варьироваться «библейный» и гражданский шрифты в пределах одного и того же года, но все же второй преобладал. Изменилась и сама форма газетной статьи. Ранее она завершалась словами: «На Москве Лета Г[о]с[по]дня, 1708, генваря в 10 день», где естественно «я» передавалось юсом малым, а в слове «Господня» было сокращение с выносом «с» под знак титла, и сама орнаментика букв была церковной. Позже писали уже по-другому, например: «Печатано в Москве 1712 году, Августа в 2 день». Но даже и в первые годы издания газеты можно констатировать определенное противостояние между *системами*: одна как бы наступала на пятки другой. Поэтому мы можем наблюдать причудливое «переплетение словес»: галлицизмы и в целом заимствования из европейских языков (здесь особенно много военных и производственных терминов) перекликались с фрагментами бытового просторечия и высокого славянского слога. Так, из военной лексики отметим слова *гоубицы*, *мартиры*, *рейтарское знамя* [3] и др. Одновременно можно встретить в том же тексте разговорные и книжные выражения, даже целые предложения, введенные в структуру «иноязычия»: «На рѣкѣ сокѣ нашли многоѣ нефти, и мѣдной рѣды, из той рѣды мѣдь выплавили изрѣднѣ, ѿ чегѣ *чаютѣ* немалѣю быть прибыль московскомѣ гѣдрствѣ»; «Въ китайскомѣ гѣдрствѣ *ѣзѣитѣ* велми не стали любить за ихѣ лѣкавство, а иные из нихѣ и смертію казнены» (там же). Приведенные отрывки как раз показывают, что на фоне языковых изменений и наличия сильной иноязычной струи не происходило унификации текста, его упорядочивания согласно новым установкам. Так

что привычная (мы имеем в виду традиционный уклад речи) языковая обстановка «Ведомостей» не могла не вызвать интереса у читателей — как сторонников патриархальной культуры, воспитанных в недрах допетровской Руси, так и у нового поколения русских людей и иностранцев. Но все же главным «потребителем газеты» был, конечно же, наш читатель. Исследователи «Ведомостей» так характеризовали специфику газеты: «Лица, соприкосновенные с делом издания газеты, не могли не заметить, что картины Западной жизни не могли сделать первую нашу газету *русской по духу* (курсив в тексте. — О. Н.). Они видели, что от первоначального плана русской газеты, начертанного великим Преобразователем, стали отступать» [4]. В чем же выразилось это «отступление»? Об этом ярко говорится в письме директора петербургской типографии М. Абрамова секретарю А. Макарову от 15 июля 1719 г: «Куранты печатаются и первые до вас, моего милостивого (государя) перед сим отправил по почте, при сем оные же повторительно прилагаю и раболепно прошу, изволь мне, мой государь, отписать: одни ль печатать чужестранные ведомости, которые из курантов и присылаются из посольской канцелярии, или сообщать со оными и о своих публичных делах и строениях, которых здесь довольно?» [5].

Итак, в «Ведомостях» печатались не только переводы на наш язык иностранных источников, но и собственно русские сведения с рассказом о том, что происходит в культурной, научной и общественной жизни государства. Так, в том же январском номере 1703 г. говорилось, что «повелѣніемъ егѡ величества московскіе школы умножаются, и мѣ человекѣ слѣшаютъ філософію, и уже діалектѣ кончили», а также сообщалось, что «в математической штурманской школѣ болше чѣ члѣвѣкѣ учатся, и добрѣ наѣкѣ пріемлютъ» (Ведомости-1, 3). Здесь же приводится и любопытная заметка о подвиге некоего попа Ивана Окулова, ходившего за рубеж «в свейскую заграницу». Вот как этот примечательный эпизод описывается в газете:

«Из олонца пишутъ. Города олонца, Попъ иванъ окловъ собравъ охотниковъ пѣшихъ съ тысячу человекѣ, ходилъ за рѣбежъ въ свѣйскѣю границѣ, и разбилъ свѣйскіе рѣгозенскѣю, и гиппонскѣю, и сѣмерскѣю, и керисѣрскѣю, заставы, А на тѣхъ заставахъ шведѡвъ побилъ многое число, и взалъ рейтарское знамя барабаны, и шпагѣ, фѣзей и лошадей доволнѡ, а что взалъ запасѡвъ и пожитковѡ онъ попъ, и тѣмъ оудоволствовалъ салдатъ своихъ. а достальные пожитки, и хлѣбные запасы коихъ немогъ забрать все пожегѣ. И соловскѣю мызѣ сжегѣ, и околѡ соловской многіе мызы, и деревни дворѡвъ с тысячѣ пожегѣ же. А на вышеписанныхъ заставахъ, по скаскѣ зыкѡвъ которыхъ взалъ конницы швецкой оубито нѣ члѣвѣкѣ, пѣхоты чѣ члѣвѣкѣ; || оушло ихъ конницы нѣ, пѣхоты рѣ человекѣ, а из попова войска толко ранено салдатъ два человекѣ» (Ведомости-1, 3–4).

Одной из специфических особенностей «Ведомостей» было использование текстов разных стилистических и языковых систем. Отчасти мы уже об этом сказали. Но наиболее яркое проявление такой феномен получил тогда, когда в ткань газетной полосы вводились церковные тексты. Причем заметим, что изначально «Ведомости» как орган гражданской печати и не предполагал канонического использования подобных текстов. Следовательно, они входили в газету и как своеобразный атрибут церковной традиции в «гражданском» виде, т. е. с теми характерными языковыми и стилистическими деталями, которые ранее были недопустимы в текстах такого высокого слога. Так, второй номер 1719 г. открывался «реляцией» по случаю тезоименитства Петра Первого. Она начиналась следующими словами: «Молебство всенароднее, всенощное пѣніе, служба Божія, или безкровныя жертвы пріношеніе: предѣка, или казаніе. Во всѣхъ сіхъ трудѣлся Мѣтрополѣтъ Рязанскіи Стефанъ, въ церкви Святыя жѣвоначальные Троицы; И при всѣхъ сіхъ изволѣла быть ея Велѣчество, Всемілоствѣйшая наша Государыня Царѣца ЕКАТЕРІНА Алеѣевна, съ сенато-

мъ и съ протчіми обоого полу особы, и съ множествомъ народа» (Ведомости-2, 254). Далее гражданский текст сопровождается изложением происходившего, но уже в иной манере: «Предіка, или казаніе началось отъ сея темы, Петре любіши ли мя, паси овцы моя, и гряди по мнѣ. Іоаннъ 21, Въ предісловіи о томъ была рѣчь, яко любіши Бога, и бліжняго, не довлѣтъ словомъ и языкомъ, но нужда есть самымъ дѣломъ и истинною» (там же). Необычным в таком церковном окружении выглядит вкрапление делового языка: «*Того ради* увѣщаетъ Іоаннъ Святии Богословъ: Въ посланіи I въ главѣ 3. Чадца моя, не любіте словомъ и языкомъ, но дѣломъ и истинною» (там же).

Здесь же выступает и другая черта церковного текста: сравнение (на уровне философии и теологии) эпизодов ветхозаветной истории с событиями поздних лет, а именно, с деяниями Петра Первого. Для такой речи требуются и особые приемы передачи текста и языка, в которые также входят элементы деловой письменности. Вот как говорится в одном из таких «сравнений»: «6. Хрістосъ ходілъ путемъ исправленія и обновленія: ибо исправи вселенную, яже неподвижитъ. Тоиже путь исправленія и обновленія обоіхъ верховніковъ. Перваго, ісправленіе и обновленіе мира въ вѣрѣ Хрістовой, втораго въ исправленіи и обновленіи своего Государства, сїрѣчь въ исправленіи обычаевъ домашніхъ и поліііческіхъ, въ исправленіи регулярного воінства, въ сенатѣ, въ судахъ коллегіахъ, въ печати кнїгъ поліііческіхъ и самыхъ літеръ въ золотыхъ и серебряныхъ монетахъ, въ утвержденіи предѣловъ своего государства, каковы предѣлы суть Царствующіи Санктпѣтербурхъ, Слютембурхъ, Котлінь островъ, Кроншлотъ, *и прочая, и прочая*» (Ведомости-2, 256). Следующий пункт также на общем фоне церковной риторики сохраняет концовку, свойственную официально-деловой письменности: «7. Хрістосъ ходілъ путемъ воднымъ, овогда кораблемъ по мори Галііейскомъ, по езерѣ Геннісаревскомъ, овогда же и пѣшо по водамъ шествовалъ. Тоіже путь обоіхъ верховніковъ, которыхъ десніца Господня отъ потопленія воднаго хранітъ и соблюдаетъ. Путь водный морскіи прежде въ Россіи невідѣнь бысть, развѣ слышанъ. Первыи ПЕТРЪ верховнікъ Всероссійскіи сіе преславное мірови показалъ дѣло. Онъ первыи Россійскаго флота началнікъ. Онъ вторыи Ное явілся въ своемъ Государствѣ, *и прочая, и прочая*» (Ведомости-2, 256).

Формуляр делового текста — это тот наиболее характерный признак, который участвует и в образовании нового газетно-публицистического стиля. Первое время как раз и происходит опора на старые приказные традиции, их внешние формы языкового выражения более приспособлены к эпохе смешения стилей и манер письменной речи. При этом авторы статей не боятся экспериментировать с «деловыми» возможностями клаузул и отдельных слов. Такие случаи многочисленны: «что везірь чрезъ патріарха іерусалімскаго пріказывалъ господарю его провѣдать, склонныль съ нашей стороны къ міру, а онъ о томъ указъ имѣетъ, что тогда частію неповѣрено, паче же *того ради* непріято, да бы не дать непріятелю сердца, потомъ былъ воінскои совѣтъ какъ поступать, а наіпаче говорено о провѣантѣ, *понеже оно*го въ тои разореной землѣ мало сыскано, и *для того* положено было у ясъ воіску стать и дѣлать магазейнъ» (Ведомости-2, 116; № 11, 1711 г.); «...*того ради* хотя и опасно было, на ихъ прошеніе соізволено, и по многімъ разговорамъ надѣялісь непріятеля ускоріть къ дунаю, *чего для* положено всему воіску итти по правую сторону рѣки прута, [да бы сія рѣка была междо насъ и турковъ,] до урочіща фалцы, (*понеже* нїже сего урочіща за велікіми болотами непріятелю зѣло трудно, или и весма невозможно перебіратца было,) а оттоль чрезъ лѣса къ сыретѣ рѣкѣ, куды командірованъ съ половіною кавалеріи генераль ренъ, *для забранія провѣанту*, и чтобъ случітца у галацыи, и устроя магазейнъ искать непріятеля, *и тако по сему воспріали маршъ*

свои, которой продолжали до 7 числа іюля, въ которомъ числѣ въ вечеру получена нечаянная вѣдомость отъ генерала януса, [которой съ кавалеріею шелъ въ двухъ мѣсяхъ предъ інфантеріею,] что непріятель уже прутъ перебрался и онъ прїнужденъ ретїроватца къ пѣхотѣ, и такимъ образомъ непріятель упредилъ *оное намѣренное намѣсто...*» (там же, 117); *«Того ради трудилісь чтобъ маршъ свои обратїть въ правую сторону къ сыретѣ, но велїкїхъ ради горъ и безводїцы не могли того учїнїть, а непріятель уже со всѣмъ прїшелъ въ 8 день на вечеръ, а въ 9 день крѣпко нашу сперва арїергардію, а потомъ на вечеръ и все воїско атакowałъ во весь день, которой хотя съ велїкою фурїею нападалъ всѣмъ воїскомъ, однакожъ съ помощїю Божїею всегда былъ отбїтъ...»* (там же).

Нередко деловая атрибутика используется в «Ведомостях» для придания сниженной стилистической окраски при передаче иностранного текста; тогда употребляются слова с уменьшительным суффиксом. Кроме того, в газете используется и типичные жанрово-стилистические и семантические компоненты приказного языка. Так, в майском номере 1710 г. встречаются такие показательные примеры филологической работы с деловым текстом: «По шпанскїмъ *грамоткамъ* государственныи совѣтнїкъ короля фїлїппа всею сілою радѣть сего прїнца прїшпанскомъ королевствѣ одержати, *понеже имянованныи* совѣтнїкъ обнаженъ чрезъ арцуха фонъ алба, что король отлученїумъ шпанского государства мїрныи *договоръ учїнїть* хочеть» (Ведомости-2, 51); «КОПЕНГАГСКІЕ *грамотки* Марта 11 числа возвѣщаютъ, что 10 числа рано, между датскїмъ, и свѣискїмъ, въ шонѣ стоящїмъ воїскомъ, подлѣ генсїнбурха крѣпкїи бои послѣдующїмъ образомъ *учїненъ*» (там же); «При отхожденїи почты *вѣдомость учїнілась...*» (там же); «Многие *грамотки* изъ шоны и копенгагена *въ томъ согласны*» (там же).

Элементы деловой письменности получили большое выражение в непереводных текстах, где сообщалось, например, о событиях культурной и военной жизни государства. Под воздействием разных факторов и прежде всего под влиянием реформаторской деятельности Петра I, которая выразилась и в смене языковых приоритетов государства, газетно-публицистический стиль приобретал черты, отличные от традиционных жанров книжно-славянской и деловой письменности, склоняясь более всего в сторону последней, как наиболее практичной области для реализации лингвистических задач того времени. Ср. высказывание Мусина-Пушкина переводчику Ф. Поликарпову: «Со всем усердіем трудися и высоких слов словенских класть не надобеть, но посольского приказу употреби слова» [6]. Приведем еще один из типичных образцов зарождающегося среднего стиля, который в своих функциональных чертах в немалой степени заимствовал элементы административной практики и «деловой» риторики (фрагмент санкт-петербургских «Ведомостей», июнь 1711 г.):

«30 маїя, *новопрїшедшїя* волохи прївели къ нашїмъ поїмавъ дву запорожцовъ, и одного турчанїна бендерского жїтеля, *которои* сказалъ, что прї бендерѣ *обрѣтаются* 10000 янычанъ, и 6000 спаговъ, да нѣсколко тысячъ казаковъ, волоховъ, и поляковъ, *да съ нїмїже* и король шведской, и измѣннїкъ орлїкъ, но въ числѣ воїскъ *чаю* солгали, про везїря сказывають, будто прїѣхалъ въ бабу, также и одїнъ паша къ дунаю *для строенїя мосту*, которой со всѣмъ готовъ, толко на средїнѣ розобранъ *для проходу корабельного, и для опасенїя* до везїрскаго прїходу.

Такожъ сказывають, что будто сербы съ цесарскїе вооружаются на турки, и готовятся наступать выше бѣла града на босну, *для того* и везїрь мѣшкаеть и выше моста къ дунаю подается, а правда ли то, или неправда *подлїнно впредъ время покажетъ*. <...>

Указы по всеи землѣ розослалъ, чтобъ воїско какъ наїскорѣйше сбїралось, и объ-

явілсь всѣмъ мѣлость и оборону Царского Велѣчества со угроженіемъ, кто не поїдетъ къ православному монарху, и за имя Хрістова, протівъ бусурманъ бітіся, тѣ будутъ вначалѣ яко отмѣнники вѣры прокляты соборнѣ, но и за непріятеля измѣнниковъ объявлены, и огнемъ погублены, о непріятелскомъ обращеніи *объявилъ ему господарь*, что король шведской, и воевода кѣевской въ бендерѣ, и войскъ турецкіхъ при бендерѣ не много, чрезъ дунай мостъ здѣланъ, и везіръ съ турецкімъ корпусомъ идетъ къ дунаю, и отъ того чѣсла въ 6 днѣи до дуная не прїдетъ, въ соединеніе съ фелтъ маршаломъ хочетъ онъ господарь, или *нынѣ учиненной прїнцъ*, со всѣми мѣністрами бытъ съ нѣмѣ брегадіромъ въ купѣ» (Ведомости-2, 107–108).

Здесь, кроме традиционных средств делового языка: отдельных лексем, сочетаний, выделенных нами, — обращает на себя внимание ряд приказных инноваций. Это употребление «подьяческой» лексики в ином языковом окружении, например: *нынѣ учиненной прїнцъ* (контекст см. выше); *брешъ довольно великой учиненъ* (Ведомости-2, 61). Таким образом происходит не только вхождение и утверждение приказного слова в другой системе словесных средств, но и переосмысление семантики делового стиля в целом. Начинают вырабатываться *новые* правила официального языка, его типы, согласно текстовому назначению: «А генераль маіоръ Ранцау, посланникъ Голштейноторпского Герцога немогши получѣть аудіенціи у оной королевы, крѣпко старался, чтобъ ему учинили скорой и порядочной отвѣтъ на требованіи его, которые онъ учинилъ мѣністрамъ еѣ...» (Ведомости-2, 364; декабрь 1719 г.).

Необходимо указать и другую особенность текста газетной полосы. Поскольку он передавал актуальные современные известия, то их было важно подтвердить непосредственным рассказом очевидца или участника событий. Тогда на помощь строителям нового слога снова приходила деловая речь, а ее специфическая форма выражения придавала контексту колоритный приказной рисунок. Так, в июньском номере 1711 г. помещен целый «деловой» блок такого свойства: «Маія въ 16 день, нынѣшняго 1711 году, въ канцеляріи правительствующаго сенату, явился іноземецъ фѣлпъ сенеберъ, и объявилъ черной камень, на которомъ по осмотру написано по рускіи (так в тексте. — О. Н.).

Петръ избранныи божіи монархію,
Себѣ съ небеси врученную.
Между Монархами Державнѣйшіи.
Болѣ бо и далѣ ступати російское,
Падетъ сіла турецкая.
Трясется совѣтъ махаметовъ.
Благополучно торжествуетъ слава.
На російское Государство.

На одной сторонѣ написано по латїнѣ. А по переводу секретаря мѣхаїла шафїрова то помянутое латїнею пїсмо написано. <...>

А сказалъ тотъ де камень вчерашняго чѣсла нашелъ онъ въ преображенскомъ на рѣкѣ яузѣ, у роцѣ блїзъ двора Государева, а онъ де въ той роцѣ былъ для гулянья. А прї немъ де нїкого не было, а кто тотъ камень на томъ мѣстѣ положилъ и на томъ камнѣ пїсалъ, того он не вѣдаетъ» (Ведомости-2, 97–98).

Характерным признаком лингвокультурной приказной традиции является пересечение вариантов словесного выражения текста. В данном случае мы наблюдаем элемент типичного служебного расследования, какие часто встречаются в памятниках местной письменности. Разговорный мотив (*А сказалъ тотъ де...; ...а онъ де в той роцѣ...*) выступает как естественный компонент формулярного оформления такого дела, а его языковая и стилистическая орнаментика в точности копирует «деловой»

образец. Просторечие, фрагменты бытового словесного обихода как живые речевые атрибуты формирующегося среднего стиля столь же органично вписывались и в памятники делового языка, а в газете получали своеобразное выражение: они как бы нейтрализовали иноязычную стихию, придавали заграничным известиям местный языковой колорит, служили своего рода стилистическим барометром текста. Так, в Санкт-Петербургских «Ведомостях» (№ 36, декабрь 1719 г.) сообщалось:

«Изъ ПОЗНАНИИ отъ 3 Ноября.

Вчерась здѣсь, публиковали съ трубами цѣркулярные грамоты Короля Польского, по которымъ партікулярные Сеймы Королевства разныхъ воеводствъ созваны къ 14 будущему Декабрю; а Генералной Сеімъ къ 30 чѣслу. По послѣднімъ писмамъ изъ Варшавы вѣдно, что уже многіе Сенаторы туды прѣѣхали, чтобъ опредѣлить многіе дѣла, о которыхъ тамъ будутъ соглашаться» (Ведомости-2, 365).

На страницах газеты могли печататься и результаты следственных действий, и судебные процессы над военными преступниками. В таких случаях текстовой формуляр приобретал черты делового документа, близкого по форме к тяжбленным делам и имеющего ярко выраженную «деловую» символику. Фрагмент одного из таких разбирательств (январь 1714 г. № 1) свидетельствует о тесной связи гражданского посредственного наречия, светско-деловой речи, официального языка с приказными традициями:

«...но нѣже писалъ объ нѣхъ къ господѣну адмиралу, нѣже при возвращеніи своемъ изъ компаніи, письменное о томъ подалъ доношеніе. но капитану камендору шхелтѣнгу [на которого болѣе всѣхъ вѣну кладетъ] по потеряннѣ карабля выборха, которымъ онои командовалъ, изъ первыхъ караблей перновъ въ команду поручилъ. <...> но уже тогда почалъ доносить, когда до самого дѣла дошло, какъ выше изображено, чего было доброму и честному человѣку чинить недовелось. и тако вѣце адмиралъ не едѣнъ разъ, но въ дву компаніяхъ интересъ сеи монархіи потерялъ, и достойнои должности [какъ выше писано] не учинилъ.

Капитанъ камендоръ шхелтѣнга, самъ сказалъ, что хотя ордера обордѣрованнѣ ему не дано было, однакожъ онъ хотѣлъ обордовать по выстрѣлѣ однѣмъ лагомъ, ежелибъ карабль ево не сѣлъ на камень. А по допросомъ офицеровъ карабля ево, освѣдѣтелствовано, что съ часъ стрѣлялся, и то позади, а не вшедъ междо караблей непріятельскихъ, съ боку. и по сему вѣдѣно есть что прежде случѣвшася несчастія караблю ево, было время ко обордѣрованію. но онъ въ томъ должности своей неисполнилъ, ибо самъ приказалъ людямъ готовымъ быть обордовать, а такъ долго стрѣлялся.

Капитанъ камендоръ реісъ, по учиненномъ несчастіи двухъ караблей вѣце адмиралского, и капитана камендора шхелтѣнга, которые въ гнанье за непріятелемъ стали на камень, сколь скоро усмотрѣлъ на караблѣ вѣце адмиралскомъ, подобраніе парусовъ, і спущеніе красного флага...» (Ведомости-2, 195–196).

«Ведомости» используют средства приказной письменности и в том случае, когда необходимо передать или подтвердить официальное доношение, касающееся выполнения царского указа. В этих случаях газетный текст снова приобретает черты, свойственные деловому документу. Так, например, в номере 1711 г. напечатано: «Вашего Царскаго Величества указъ о сочиненіи міру съ салтановымъ величествомъ турскімъ подѣ браїлемъ, писаннои изъ обозу 12 получѣли.

16 чѣсла іюля, и потому (так! — О. Н.) указу оружіе ваше удержано, прежде полученія помянутого указу подѣ брайлѣ прѣшли, и форштатъ атаковали. 12 чѣсла замокъ штурмовали. 13 чѣсла на окордѣ помянутой замокъ получѣли. 14 съ такимъ договоромъ что даудъ паша со всѣми людьми [кромѣ его персоны] имѣетъ безъ ружья и экіпажу выступѣть, и потому (так! — О. Н.) договору оныя турки такъ и учинили. I

17 чїсла при отступленїи отъ *помянутого* браїла паки папа даудъ прїзванъ, и *онои* городъ ему врученъ съ пушками и что во *ономъ* было. Потомъ я *по присланному вашего Величества указу* маршъ свои къ главной армее вопріялъ» (Ведомости-2, 119).

В отмеченных нами и многих других колоритных фрагментах заметно влияние и светской деловой культуры. В. Погорелов так написал о подобной многоцветности словесного полотна газеты: «Язык Ведомостей своеобразен и значительно отличается от церковнославянского языка произведений старинной литературы вследствие внесения сильной струи народной речи. Это вызвано как новизной понятий в содержании, так и участием в работе новых лиц — не духовных, а светских — из Посольского приказа и Печатного Двора» [7].

В результате рассмотренного и проанализированного текстового массива первой печатной газеты мы установили, что «деловая» публицистика аккумулировала в себе элементы разных лингвокультурных традиций. Она допускала смелое варьирование текстовых пластов и их сочетание в неодинаковых комбинациях. При этом языковая стилистика «Ведомостей» сохраняла в форме подачи материала и словесных средствах его выражения достаточно цельную традицию, основывавшуюся на системе *гражданского посредственного наречия*, которое и вырабатывалось на поле лингвистических экспериментов тех лет. Важно, что в таком «состязании» деловая письменность не оставалась в стороне и принимала живейшее участие в формировании основ нового государственного языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по изд.: Сахаров Л. М. Исторические условия возникновения первой русской печатной газеты и ее значение // Ученые записки МОПИ им. Н. К. Крупской. — М., 1964. — Т. 148. Русский язык. Вып. 10. — С. 358.

2. Погорелов В. [Предисловие] // Ведомости времени Петра Великого. 1703–1707 гг. — М., 1903. — Вып. 1. — С. II.

3. Ведомости времени Петра Великого. — М., 1903. — Вып. 1. — С. 3. (Вып. 2. — М., 1906). Далее в круглых скобках том и страницы указываются по этому изданию непосредственно в тексте статьи (Ведомости–1; 2).

4. Покровский А. К истории газеты в России // Ведомости времени Петра Великого. — М., 1906. — Вып. 2. — С. 62.

5. Там же. — С. 63.

6. Цит. по изд.: Бродская В. Б., Цаленчук С. О. История русского литературного языка. Часть первая. X–XVIII вв. — Львов, 1957. — С. 89.

7. Погорелов В. Указ. соч. — С. III.

БЕЗЛИЧНО-РЕЗУЛЬТАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В системе структурно-семантических вариантов русского безличного предложения особое место занимают конструкции, которые можно назвать безлично-результативными. Их предикат выражен прежде всего краткой формой страдательного причастия, обуславливающей значение конструкции в целом – результативное состояние или состояние как результат действия [1]: *В комнате прибрано; В купе накурено; Славно спето; У меня записано; С этим покончено.*

Однако, на наш взгляд, подобное значение может передаваться и рядом глаголов с потенциальной безличностью (*выдаваться, выйти, выходить, дойти, исполниться, кончиться, наладиться, начаться, обойтись, ограничиться, пойти, прийти, пронести, сбыться, складываться, сложиться, случаться, совпасть, сойти, сойтись, страстись*), а также именными формами (адъективными: *ладно, маотно, плохо, складно, суетно, туго, хлопотно, хорошо, худо*; местоименными: *так*; наречными: *иначе, наоборот, по-другому, по-иному*) при связках, выраженных знаменательными глаголами (*выйти, достаться, закончиться, пойти, получиться, сложиться*).

Основная семантика безлично-результативных предложений – отношение говорящего к сложившейся в результате определенных действий ситуации, к сформировавшемуся результативному состоянию.

Рассмотрим особенности данных структурно-семантических вариантов безличных предложений современного русского языка.

Необходимым элементом предложений, обозначающих результативное состояние в определенном пространстве, является локатив, не имеющий субъектного значения: *В кабинете лесничего, с двумя выходящими к реке окнами, было жарко натоплено* (Н. Лохматов) – в кабинете натопили, поэтому стало жарко; *У вас там накурено – не продохнешь* (М. Алексеев) – там накурили, поэтому трудно дышать; *На улице-то густо наезжено и натоптано* (Б. Акунин); *Вхожу побыстрее в комнату – батюшки светы – накурено, наляпано, набросано, разбросано...* (М. Зощенко). В подобных случаях семантика бессубъектного состояния может быть подчеркнута однородным соединением безличных причастий с безличными прилагательными: *Здесь было жарче, но зато не так задымлено* (Б. Акунин); *Было накурено и чадно, и пол был заплеван* (С. Сергеев-Ценский).

Часто при обозначении результата действия ощутимым является отсутствие формального анафорического подлежащего *это, то*, однако именно его нехватка создает характерный для рассматриваемых конструкций эффект бессубъектности результативного состояния: – *Составлено по всей форме, – пробормотал надворный советник, пробегая купчую взглядом* (Б. Акунин) – это составлено, а именно купчая, но не важно, кто составил ее, важнее указать на качество исполнения: *по всей форме; Более того, достоверно установлено, что в Дроздовку он ночевать не вернулся* (Б. Акунин) – это (то, что) установлено, но не важно кем установлено, главное, что ощущается результат действия.

Ср.: *Изобретательно. И сыграно виртуозно, просто театр Корша* (Б. Акунин) – говорящий высказывает свое отношение к происходящим событиям: не *высыграли виртуозно*, а именно *сыграно виртуозно*; та же ситуация: – *Что ж, провернuto было ловко, не спорю, – продолжал, взяв себя в руки, Фандорин* (Б. Акунин); *Сработано в целом аккуратно: без разбитого стекла, без следов взлома* (Б. Акунин) – отношение говорящего к состоянию, возникшему в результате действий не-

известного субъекта.

Качественная характеристика результата бессубъектного действия может быть передана предикативами отношения: *Варя убрала вышедшие из моды манжеты, и получилось довольно мило* (Б. Акунин) – здесь также возможна подстановка анафорического подлежащего: *это получилось мило*; однако для говорящего важнее охарактеризовать бессубъектное состояние, сформировавшееся в результате действия субъекта.

В подобных случаях сложно произвести синтаксическое членение предложений: адъективная форма может расцениваться и как предикатив, и как качественное наречие, а глагол в форме безличности – как предикат или связка при предикативе: *К концу третьего дня план ответного удара составил. Получится тонко, изящно – то, что надо* (Б. Акунин) – *получится как?* или *получится (будет) как-ково?*. Видимо, основным критерием разграничения следует признать способность формы на –о передавать статальную семантику и степень грамматической самостоятельности глагольной формы – в данном случае глагол самостоятелен, а форма на –о функционирует как наречие, тем не менее, предложение является безлично-результативным с глагольным предикатом.

Следующие примеры представляют качественную характеристику результативного состояния через отношение говорящего к ситуации: *Чувствовал, добром не кончится. И как в воду смотрел – **вышло препаришво*** (Б. Акунин); *Нехорошо выйдет, надо подождать, как хозяева проснутся* (П. Бажов); – *Эх, мадеумазель, лучше дожидались бы жениха дома. Тут вам не роман Майн Рида. **Скверно могло закончиться*** (Б. Акунин); *Поземка же разыгралась в метель. И **хуже всего вышло**, что это случилось к концу дня* (С. Сергеев-Ценский); *Операцию мы провели, но **получилось не очень складно*** (Б. Акунин) – глаголы выполняют связочную функцию при предикативах отношения.

Способны передавать отношение говорящего к результативному состоянию местоименные и наречные присвязочные формы.

Основная функция безличной конструкции с местоименным наречием *так* – характеризовать обстоятельства того или иного состояния дел или сложившейся обстановки, семантика конструкции конкретизируется значением глагола-связки в форме безличности: *Думала, вернется хозяйка – **подобреет** Степан, вместе радоваться будут. Но **вышло не так*** (Н. Лохматов); *И **так** порой бывает, в той суете сует, – друг тихо умирает, тебя же рядом нет* (А. Поперечный); *Не сразу, конечно, **так** установилось, года через два-три* (Б. Акунин); ***Случилось так**, что небо было синее, бездонное...* (А. Макаревич); *Различать врагов несложно, **так** на свете повелось – чем враги твои ничтожней, тем безудержней их злость* (А. Дольский); ***А сложилось так**, что попала она в оккупацию* (Е. Серебровская).

Употребление местоименных форм для выражения категории безличности становится возможным потому, что «все местоименные лексемы имеют не постоянное (денотативное), а переменное (адаптивно-приспособительное) лексическое значение» [2].

В современном русском языке многие наречия начинают занимать позицию предиката в безличном предложении, при этом в них развивается «бессубъектность», т.е. они «начинают употребляться вне отношения к лексическим глаголам, выражая беспроцессуальную циркумстантивность при связках» [3]

Наречия *иначе, наоборот*, употребляясь с различными связочными глаголами, описывают ситуацию, которая развивается иным способом, по-другому, чем кто-либо ее представляет, или противоположно представлению о ней кого-либо: *Много писано, что люди в массе своей удивляют **неблагодарностью и неверностью**. Но*

ведь бывает и иначе! (А. Солженицын); *Мы были уверены, что нас троих пошлют на «Октябрь».* Но *вышло иначе* (Е. Коковин); *Или вдруг случится наоборот: договоришься в райкоме, а ребят не окажется!* Получится один смех (В. Крапивин); – *Мне вас оберегать положено, – все также виновато проговорил Кушелев, – а тут наоборот получилось* (А. Чаковский).

Функцию предиката в безличном предложении способны выполнять сравнительно-уподобительные наречия [4], при этом они представляют ситуацию, которая складывается образом, подобным тому, который оговаривается лексическим значением наречия: – *Неужели вам так трудно? – По-разному бывает...* (Н. Птушкина); – *Больно по-книжному выходит.* Сопротивляются они долго, а после уж и силу уважают. А у вас – сразу... (Ю. Бондарев); *Теперь не по-старинному, добро не хранилось на полках* (А. Малышкин); *Однако, как всегда, получилось по-фандорински: попался тетерев на чучелко, и попался по всей форме.* Теперь не отпорется (Б. Акунин); *Если б тогда догадаться, да молитву прочесть, глядишь, по-другому бы сложилось* (Б. Акунин).

И все-таки специализированным средством выражения результативного состояния является безличная форма причастия, семантика которой предопределена ее грамматикой – перфектным временным значением:

– *Да, накарябано так, что еле прочтешь, – пробасил миллионщик, глядя, куда бы деть докуренную сигару.* – *Будто в карете писано* или *с большого перепоя* (Б. Акунин) – говорящий не знает, кто написал записку, но он имеет возможность характеризовать результат деятельности неизвестного субъекта;

Все должны находиться у себя в комнате вплоть до приезда полиции. За исправником уже *послано* (Б. Акунин) – ситуация, складывающаяся в определенное время и в определенном пространстве, зависит от результата действия некого субъекта (в данном случае, говорящего);

Напишем, дядя Ваня, прежде всего, счета. У нас страшно *запущено* (А. Чехов) – говорящий знает, кто запустил дела, но для него это не важно, здесь прежде всего дается характеристика результативного состояния, связанного с тем, что дела запущены.

Результативное состояние, возникшее в результате определенных действий человека: – *С умом отправлено, в срок получено, грамотно передано по назначению, думал он* (Б. Акунин); *И здесь, точно, понапутано так, что мозги набекрень* (Б. Акунин); *Спрошено было без особого смысла, только чтоб услышать человеческий голос* (Б. Акунин).

Результат абстрактных действий субъекта: *Пойте же, будет по чести воздано вам за уют* (Б. Окуджава); – *Ну, теперь с начерталкой завязано глухо-наглухо!* – сказал Артамонов (Я. Арсенов); *Что им тут, медом намазано, руки на себя накладывать?* (Б. Акунин).

Результат мыслительной деятельности человека: *Высвечено, казалось, перемыслено до последнего.* Нет, заблудился. В тупике (М. Миляков); *Задумано хитро, этого у штабных гениев не отнимешь* (Б. Акунин); *О Банной так и не было вспомнено* (А. и Б. Стругацкие); *Решено и подписано, завтра – в больницу* (М. Миляков).

Особое положение у причастий *заперто, занято* – семантика действия практически вытеснена: *Фандорин рванул бронзовую ручку – незаперто* (Б. Акунин); *Малянов снова набрал номер, и снова оказалось занято* (А. и Б. Стругацкие).

Для передачи результативного информативного состояния используются конструкции с предикатами, выраженными как причастиями, так и глаголами на -ся, утратившими семантику страдательности, в структуру предложения при этом

включаются необходимые конкретизаторы, указывающие на объект информации: *...словно война закончилась только сегодня, сейчас, и о победе было объявлено минуту назад* (В. Степанов); *... там довольно невнятно толкуется про какое-то «виденье»* (Б. Акунин); адресат информации: *В чем она виновата, ей будет сказано* (Е. Шереметьева); источник информации: *...в письме сказано, что платок сожжен* (Б. Акунин); *В фандоринской записке сообщалось лишь, без каких-либо резонов, что ездоки последних саней приняли решение вернуться в Богомилово* (Б. Акунин).

Подобные предложения часто функционируют как вводные: *Однако про Васислисков скит, а также про его легендарного основателя, как и было обещано, расскажем пообстоятельней* (Б. Акунин); *Как уже было сказано, Заволжская губерния обширна* (Б. Акунин); *И это обычные безделушки, а между тем, как явствовало из мемуаров, любитель зеленых гвоздик носил на мизинцах два уникальных кольца с крупными изумрудами* (Б. Акунин); или выражают первую часть бессоюзного сложного предложения с семантикой пояснения: *Сказано: среди бегущих остановись, среди кричащих замолчи* (Б. Акунин); *Недаром у людей-то сказано: счастье на счастье настраивает* (Ф. Абрамов).

В структуре безлично-результативных предложений возможно эксплицитное представление посессивного субъекта результативного состояния в форме генитива с предлогом *У*: *Там у меня тоже было примечено* (П. Бажов); *У меня решено твердо: двести верст до Газы, там дневка, и обратно* (Б. Акунин); *Костыка давно видит – неладно у него выходит, а совладать с собой не может* (П. Бажов); *Вы не думайте, Эраст Петрович, у меня хорошо вышло, и доктор похвалил* (Б. Акунин); *А торжествующий рэкет верещал и вертелся в ногах у нас, потому что сбылось у него – мы кого-то обидели* (Н. Садур).

Конструкции с посессивным субъектом широко распространены в северорусских говорах [5]: *По книжке у меня было выучено; Ох, и было и у меня ждано хвалы-то!; Надумано у меня в российски города; Не тут у меня несено, да тут уроне-но* (примеры из произведений Б. Шергина).

Часто значение результативного состояния, выражаемое глагольным предикатом, конструктивно обусловлено лишь незанятостью позиции подлежащего в предложении, при этом глагол приобретает сему безличности: *И вдруг стряслось в Корнеевке: трое солдат немецких Клавину школьную подружку затащили в сарай и изнасиловали* (Е. Серебровская); *Не соединялось ведь, с кем вы говорили?..* (Н. Коляда); *Жалования не давал никакого, хотя Сенька в лавке надрывался не хуже прочих рассыльных, кому по восьми рублей плачивалось* (Б. Акунин); *Никогда прежде хмельного в рот не брал, а тут пустился в такой загул, что добром не кончилось* (Б. Акунин); – *Тебе что, худо? – заволновался Зырянов. – Да ничего, пройдет. Это со мной бывает* (Н. Лохматов); *В лесу народу полно. Как бы чего не натворили. Бросят ненароком спичку и пойдет...* (Н. Лохматов) – в данных случаях попытка подставить какое-либо подлежащее разрушит семантику предложения.

М. Гиро-Вебер, при анализе подобных конструкций, обращает внимание на активизацию тенденции к эллиптизации и устранению семантически избыточных элементов: «конструкции с десемантизированным подлежащим типа *дело, история, все* уступают место более емким несогласованным конструкциям», которые исследовательница называет «сжатыми» и отмечает, что «восстановление подлежащего в них все еще возможно» [6].

Глагольные безлично-результативные предложения обозначают складывающиеся обстоятельства, которые формируют благоприятное или неблагоприятное результативное состояние: *Ну и обрадовался, конечно. Как славното выворачивало, будто по нашему заказу* (Б. Акунин); *Что прошлое вспоминать. Как сло-*

жилося, так и ладно (Б. Акунин); *Загадал себе любовь – только не исполнилось* (Б. Окуджава); *...и даже вполне могла умереть, потому что от тифа умирали многие, но ничего, обошлось* (Б. Акунин); *В действующей армии кое-как еще наладилось, но в тылу – мрак и ужас* (Б. Акунин).

Совпадение фактов как результативное состояние передают глаголы *совпасть, сойтись, прийтись*: *Князь и княжна, как сошлось-то...* (Б. Акунин); *Что чувствуешь, если ты с ним оказалась в постели и еще так совпало, что ты в него влюблена?* (Н. Птушкина); *Тогда, семь лет назад, тоже ведь на Страстную пришлось, как нынче* (Б. Акунин).

Ситуацию везения из-за того, что опасность миновала, выражает глагол *пронести*: – *Бог милостив, батюшка, может, пронесет. Чего только не было, а ведь выручал Господь* (Б. Акунин).

Глаголы *сойти, выйти, пойти* могут передавать отношение субъекта к ситуации как приемлемой или неприемлемой для него: *Ну да ничего, сойдет и пешочком, а лишний полтинник всегда пригодится* (Б. Акунин); *Сами отпускали, а теперь штрафовать, не выйдет!* (Н. Лохматов); – *Так не пойдет!* – запротестовал Маковеев. – *Нужен тост...* (Н. Лохматов);

Ряд глагольных предикатов предполагают наличие конструктивно обязательных компонентов в структуре предложения.

Так, глагол *обойтись* выражает результативное состояние в конструкции с дополнением в генитиве с предлогом БЕЗ, указывающее на предмет или лицо, без наличия которого не могла бы сложиться ситуация: – *Господин Фрейби совершенно прав. Здесь не обошлось без шпиона* (Б. Акунин); *Главный аргумент у них был такой: пусть левый фланг даже окажется второстепенным, но там Соболев, а значит, без сенсации не обойдется* (Б. Акунин); или в конструкции с дополнением в форме творительного падежа без предлога, которое обозначает малое, по сравнению с ожидаемым, последствие действия: *Однако молния не сверкнула, обошлось раскатом грома* (Б. Акунин); – *Ну уж нет, иначе минутой не обойдется* (Б. Акунин); ср.: – *И потом, – коллежский асессор остановился напротив генерала, – ведь смертью Соболева не ограничилось* (Б. Акунин).

Глагол *дойти* в значении «доведение ситуации до какого-то крайне нежелательного последствия» требует наличия в предложении дополнения в форме генитива с предлогом ДО: *Там даже кровь пролилась, но до убийства не дошло* (Б. Акунин); *Поскольку сцена произошла в Варином присутствии, до пальбы не дошло* (Б. Акунин); *Вот до чего дошло – опасался владыка в собственных палатах тайный разговор вести* (Б. Акунин).

Начальная фаза формирования, становление ситуации подчеркивается дополнением в генитиве с предлогом С: *Началось с восхищения умом, смелостью и талантом Пелагии* (Б. Акунин); *Началось с того, что архиерей уподобил полковника Лагранжа решительному Александру* (Б. Акунин); для передачи процесса развертывания ситуации специальных конкретизаторов не требуется: *Мелькнуло, а потом с остановками, с пропусками и возвращениями пошло раскручиваться* (М. Миляков); *Тут и пошло-поехало, только поспевай охоть* (Б. Акунин); *А потом пошло: на другое лето пересохло болото, обмелела речушка* (Н. Лохматов); если же говорящему необходимо указать на то, что формирование ситуации ограничивается начальными действиями, используется специализированная конструкция *далее чего-либо не пошло*: *Я сам не раз ставил этот вопрос, но далее бумажной волокиты не пошло* (Н. Лохматов); *Ни в кого он не влюблен. Началось было в девятом классе. Но дальше пристальных взглядов не пошло* (М. Миляков).

Глагольная безлично-результативная конструкция довольно часто в современ-

ном русском языке выступает в качестве главной части сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным, причем такое употребление для многих глаголов является обязательным условием реализации их потенциальной безличности.

Конструкции, обозначающие результативное состояние как следствие чего-либо: *Как-то само собой вышло, что англичанка оказалась в середине пустого круга, словно намеренно выставленная на всеобщее обозрение* (Б. Акунин); *Выходило, что придется бежать, только непонятно было куда* (Б. Акунин); *Получалось, что главный скандал еще впереди* (Б. Акунин); *Уж из одного этого следовало, что решение принято правильное* (Б. Акунин).

Конструкции, обозначающие результативное состояние как обнаружение, выявление чего-либо: *Тут же выяснилось, что радиостанция, висевшая на спине у Быкова, расплющена десятком пуль* (Э. Казакевич); *Со временем обнаружилось, что мисс Палмер вообще отличается редкостной наблюдательностью и проницательностью* (Б. Акунин); *Оказалось, что лейтенанту действительно было что скрывать* (В. Степанов).

Конструкция, обозначающая результативное состояние как случайность: *Случилось, что он подружился с одним бельгийцем и, малость подвыпив, открыл ему свою тайну* (А. Грин); *Случалось, что петлей якорной цепи его шибило с ног* (А. Грин).

Конструкция, обозначающая ментальное результативное состояние, содержит обязательный компонент – дополнение в генитиве с предлогом ДО, указывающее на субъект состояния: *Только теперь до Анисия дошло, что в губернаторском доме и в самом деле происходит что-то из ряда вон выходящее* (Б. Акунин); *Только теперь до меня дошло, что он вовсе не шутит* (Б. Акунин).

Непроизвольность, неконтролируемость результативного состояния могут быть подчеркнуты обстоятельственным сочетанием *как-то само собой*: *Как-то само собой образовалось, что все повернулись к столу старшего письмоводителя* (Б. Акунин); *Никто им не объяснил ничего, видно, командиры знали не больше бойцов, но людям как-то само собой передалось, что совсем близко немцы* (В. Быков).

Итак, одним из синтаксических способов представления семантики безличности являются особые безлично-результативные предложения, которые по структуре сходны с двусоставными предложениями с незанятой позицией подлежащего.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Замятина И.В. Безличное употребление причастных форм в простом предложении : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1998. – С. 10.

2. Шемелева Т.В. Местоимение в его отношении к глаголу и категории состояния // Лингвистические и психолингвистические основы изучения сущностей. – Краснодар, 1997. – С. 115.

3. Мигирин В.Н. Категория состояния или бессубъектные прилагательные? // Исследования по современному русскому языку. – М., 1970. – С. 157.

4. Малютина Э.К. К вопросу о категории состояния // Спорные вопросы синтаксиса. – М., 1974. – С. 267.

5. См. об этом: Трубинский В.И. Очерки русского диалектного синтаксиса. – Л., 1984. – С. 137-155.

6. Гиро-Вебер М. Эволюция так называемых безличных конструкций в русском языке двадцатого века // Русский язык: пересекая границы. – Дубна, 2001. – С. 75-76.

О РАЗНЫХ ПОДХОДАХ К ПОНИМАНИЮ ПРОПОЗИЦИИ

Понятие пропозиции стало центральным понятием семантического синтаксиса благодаря тому, что номинативная функция была признана одной из функций предложения. Номинативная функция понимается как функция «называния», а называть способно не только слово или словосочетание, но и предложение, которое дает название, или имя, ситуации. Номинативная функция присутствует у предложения благодаря тому, что в нем есть некоторая объективная информация, абстрагированная от формы предложения и тех субъективных смыслов, через которые мы определяем отношение высказывания к действительности (модальность, темпоральность, персональность), достоверность или недостоверность сообщаемого (персуазивность), намерение говорящего дать оценку событию или факту и т. п. Такое объективное языковое содержание и лежит в основе понятия пропозиции.

Связь пропозиции с внеязыковой действительностью определяется через такие понятия, как «событие», «факт», «ситуация», «положение дел» и др.: «Каждое предложение своим пропозициональным содержанием отображает какое-то событие... любое явление действительности, любой факт» [1]. В.А. Белошапкова считает, что пропозиция не включает в себя тех интерпретационных значений, стилизующих объективное содержание предложений, какие идут от его формальной организации, что одна и та же пропозиция может быть оформлена предложениями нескольких формальных образцов. Например: *Утром он разносит газеты* = *Утром ему разносить газеты* = *Утром у него разноска газет* [2].

Согласно точке зрения Ф. Данеша и К. Гаузенбласа [3], пропозиция тесно связана с языковой формой, представляющей внеязыковую действительность (форма языковой единицы участвует в определении пропозиции): «Пропозиции являются основными семантическими структурами, которые представляют языковое изображение (для данного языка специфическую «стимуляцию») нашего познания внеязыкового положения вещей».

Существующее противоречие в определении термина «пропозиция» («объективная семантическая константа», «семантический инвариант, общий для всех языковых парадигм», с одной стороны, и «языковое изображение нашего познания, внеязыкового положения вещей», «языковое воплощение «дел» – с другой) попытались снять Т. П. Бабина и В. А. Белошапкова [4]. По их мнению, пропозиция в ее «основном виде», «неиерархизованном», не включает в себя интерпретационных или стилизующих значений: *Рабочие строят дом. Дом строится рабочими. Строительство дома рабочими* – одна и та же пропозиция. Но, если ориентировать сообщение на говорящего (интерпретирующего) субъекта, если к денотативному плану подключить план «модифицирующий», форма языковой единицы (актив-пассив, актуальное членение предложения) начинает играть решающую роль при определении пропозиции: *Рабочие строят дом* и *Дом строится рабочими* – две разные пропозиции. Из этого рассуждения, на наш взгляд, может быть сделан такой вывод: только неиерархизованная пропозиция, без интерпретационных и стилизующих значений, и может быть названа пропозицией.

В современном языкознании пропозиция понимается как глубинная смысловая структура, которая по-разному может быть представлена в высказывании. В лингвистическом энциклопедическом словаре пропозиция характеризуется как «семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложения конструкций (номинализаций)» [5]. В этом определении особого внимания заслуживает понятие коммуника-

тивной парадигмы предложения.

Под термином *предложение*, во-первых, понимают синтаксическую структуру, характеризуемую в структурно-семантическом аспекте и противопоставляемую высказыванию, под которым понимается либо речевая реализация языковой структуры, либо то же предложение, но с позиций коммуникативно-семантического анализа (П. А. Лекант [6]). Во-вторых, термин *предложение* употребляют как синоним термина *высказывание*, не различая предложение и высказывание.

Исходя из рассматриваемого нами определения пропозиции, можно предположить, что термин *предложение* употреблен во втором значении, поскольку речь идет о коммуникативной парадигме предложения. При формально-синтаксическом подходе, различающем предложение и высказывание, выявить коммуникативную парадигму можно, но в пределах одной синтаксической структуры, поэтому коммуникативная парадигма будет небольшой, члены её будут различаться целью высказывания: *Он разносит газеты. – Он разносит газеты?*

Широкая коммуникативная парадигма – это объект анализа при том подходе, в рамках которого не противопоставляют предложение и высказывание, точнее – не привязывают анализ к структурно-семантической типологии предложения. *Он разносит письма* и *Ему разносить письма* – обе конструкции рассматриваются как члены одной парадигмы. Они различаются по синтаксической структуре: одно двусоставное, другое – односоставное инфинитивное. У них разная модальность: в первом высказывании реальная, во втором – ирреальная. Наконец, они коммуникативно разные: первое описывает некое положение дел, второе содержит логическое суждение о необходимости или неизбежности не существующего в момент речи положения дел. Возникает вопрос: какой же семантический инвариант можно установить для таких разных высказываний? Видимо, инвариантной можно считать не синтаксическую семантику, а лексическую. По сути, под пропозицией понимается конфигурация семантических валентностей слова-предиката – в нашем примере глагола *разносить* (*кто – что*). Однако в таком виде пропозиция не может быть глубинной смысловой структурой, не может отражать положение дел во внеязыковой действительности: слова *обедать, есть, принимать пищу* имеют разные валентности, хотя являются отражением одной ситуации.

Ср.: *Рабочие строят дом. – Рабочие возводят дом.* Перед нами разные, хотя и синонимичные, высказывания. Являются ли они разными речевыми реализациями одной пропозиции или это представители разных пропозиций? Важно, как нам представляется, не смешивать два принципиальных подхода: 1) со стороны высказывания и 2) со стороны внеязыковой действительности.

При первом подходе за отправную точку рассуждений принимаются члены одной синтаксической парадигмы, сравнение которых в плане семантики и позволяет выявить некий «семантический конденсат». Любое высказывание субъективно, и в поиске семантического инварианта субъективных высказываний мы лишь устанавливаем понятийную основу тождества речевых реализаций высказывания (Т.С. Моница [7]). Пропозициональное тождество синтаксических синонимов основывается на тождестве их лексического наполнения, и, если лексическое тождество будет нарушено, возникнет сомнение в самотождественности предложения, ср.: *Рабочие строят дом – Рабочие возводят дом* – эти высказывания в рамках данного подхода не могут быть признаны членами одной парадигмы.

Второй подход ориентирован на поиск объективной, внеязыковой реалии и поэтому имеет другую отправную точку рассуждений: пропозиция рассматривается прежде всего как концепт денотативного уровня, как объективная сущность, не интерпретированная по законам языка. Так, Фр. Данеш и К. Гаузенблас (см. указанную работу) при описании объективного содержания предложения рассматривают четыре разнородных пласта смысла, соответствующие четырем этапам формирова-

ния смысла высказывания: 1) пропозиция *в ее основном виде вне языкового выражения* (курсив мой. – Н.С.); 2) иерархизованная пропозиция; 3) иерархизованная пропозиция с актуализованной предикацией; 4) актуально расчлененная пропозиция с актуализованной предикацией.

При таком подходе допускается вариативность лексического наполнения конструкции, поэтому пропозиция является более абстрактным понятием, чем при подходе со стороны высказывания: в данном случае пропозиция есть то, что служит внеязыковой понятийной основой для следующих, например, высказываний: *Рабочие строят дом; Они возводят стену дома; Бригада Петра Ивановича делает кладку; Что они делают?* и т. д. Предикат представлен функционально-синонимическим рядом *строить – возводить – делать*; субъект – *Они – рабочие – бригада Петра Ивановича*; объект – *дом – стена – кладка стены дома – что*. Эти высказывания могут принадлежать лицам, в разной степени осведомленным в характеризующей (единой во всех случаях) ситуации. Интересно, что количество актантов и референты имен во всех высказываниях неизменны (лексические компоненты *строить, возводить* и *делать*, представляющие предикат, находятся в отношениях, близких к родо-видовым: *строить, возводить* – это *делать*, но не наоборот).

Для того чтобы увидеть пропозицию относительно свободной от речевой интерпретации, можно составить словник лексем, которые соответствуют следующим условиям: 1) способны быть семантическими предикатами; 2) являются семантически простыми (однозначными), т. е. содержат минимальное количество сем (например, *есть (днём)*, а не *обедать*); 3) являются доминантами синонимических рядов, т. е. лишены стилизующих или коннотативно осложненных значений (*строить*, а не *возводить*). Интересно было бы определить границы синонимической вариативности других компонентов семантической структуры – слов, замещающих валентности слова-предиката. Это позволит выделять пропозиции, максимально свободные от речевой интерпретации. Так, например, в высказывании *Девочка выменяла у мальчика грушу на апельсин* представлены три пропозиции: *Она – намереваться получить – апельсин, Она – дать – грушу – ему, Он – дать – апельсин – ей*. В случае, если форма прошедшего времени глагола обозначает актуальное прошедшее время, в данные представления пропозиции нужно включить сирконстант времени: *до момента речи*.

При любом подходе к пониманию пропозиции следует учитывать, что оно содержит как объективную составляющую (изоморфно отражает ситуацию или явление объективной действительности в каком-либо аспекте), так и субъективную: выбор аспекта представления ситуации осуществляет говорящий в зависимости от степени своей осведомленности и от коммуникативно-прагматического намерения (цели) высказывания.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972. – С. 12.
2. Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. – М., 1989. – С. 688.
3. Данеш Ф., Гаузенблас К. К семантике основных синтаксических формаций // Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы. – М., 1974. – С. 90 – 97.
4. Бабина Т.П., Белошапкова В.А. К вопросу о семантическом субъекте // НДВШ. Филологические науки. – 1984. – №1. – С. 29-34.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 401.
6. Лекант П.А. Предложение и высказывание // Строение предложения и содержание высказывания. – М., 1986. – С. 3-8.
7. См.: Моница Т. С. Проблема тождества предложения. – М., 1995.

ЭМОТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ АКТЫ СОГЛАСИЯ / НЕСОГЛАСИЯ

Элемент эмоциональности включается в построение конструкций с семантикой согласия/несогласия. Сложные человеческие чувства несут информацию о состоянии внутреннего «Я» говорящего, его сознания и психики [1]. Реакция согласия/несогласия оформляется человеком, который воспринимает действительность под влиянием разных обстоятельств и испытывает воздействие данного мира на себе. Только личность является субъектом эмоционального состояния [2].

В коммуникативном акте адресат реагирует и на высказывание собеседника, и на его личность, и на ту модель мира, которая отражается в его сообщении. В результате реакция согласия/несогласия – это не только интеллектуальное суждение, но и эмоционально-оценочное, психологическое отношение адресата к воспринимаемой действительности. «В жизни человека, в его личности рациональное и эмоциональное переплетены, нераздельны» [3].

Реакция говорящего субъективна и соответственно характеризуется различными проявляемыми качествами его состояния в конкретном отрезке речевой действительности – как положительными, так и отрицательными. Эмоционально-оценочная характеристика рождается из результата анализа фрагмента действительности, мотивом которого она является. «Эмоции образуют своеобразное “окружение”, “ореол” оценки, в котором ведущие эмоции являются основой рациональных оценок средних элементов шкалы, – а производные эмоции составляют эмоциональную окрашенность, индуцированную как степенью ценности объекта (его высокой или низкой ценой в наивной картине мира), так и сопровождающими это явление прагматическими факторами» [4].

Акт согласия/несогласия сопровождается эмоционально-оценочной характеристикой, которая эксплицитно раскрывается посредством наречий, слов категории состояния, модально-вводных компонентов, фразеологических единиц. Разнообразные эмоциональные значения проявляются с разной степенью интенсивности, соотносятся/не соотносятся с нормой поведения. Эмоции подразумевают степень оценки по интенсивности [5]. В речевом акте согласие/несогласие содержит эмоционально-оценочную информацию, которая связана со специфическими активно функционирующими лексическими средствами, актуализирующими субъективность отношения.

Согласие/несогласие соотносится с эмоциональным состоянием говорящего, которое выражается лексемами *спокойно, равнодушно, взволнованно*, устанавливающими своеобразную градацию степени оценки ощущений, – от нейтральной до взволнованной. Согласие/несогласие трактуется как пассивный/активный акт, который может оцениваться и знаком «плюс», и знаком «минус».

Лексема *спокойно* обозначает нейтральное состояние, характеризующееся низкой степенью эмоциональности. «Спокойствие не подразумевает отсутствия эмоционального состояния. Определенный уровень эмоционального возбуждения постоянно присущ человеку» [6]. В данном контексте согласие/несогласие представляется как стереотипная/нестереотипная реакция говорящего. Ср.: *Все от него чего-то требовали. Он спокойно соглашался* [ср. также: *не соглашался*] (М. Зощенко).

В акте согласия/несогласия лексема *спокойно* сигнализирует о рациональном отношении адресата к инициирующим коммуникативным актам, об адекватной/

неадекватной оценке речевой ситуации, о видении коммуникативной перспективы, связанной с установлением взаимодействий в интересах достижения желаемого результата. Адресат четко контролирует свое эмоциональное состояние. Ср.: *Требования возмущали его. Он спокойно не соглашался* (А. Эфрон); *Контракт не согласовывали с ним. Он спокойно согласился с данными условиями* (Из радиointервью).

Речевой акт адресанта в некоторых случаях содержит необоснованные требования, характеризуется вызывающей демонстративностью, непродуманностью коммуникативной стратегии. Согласие/несогласие, определяемое компонентом выдержанности, мотивируется знанием речевой ситуации говорящим, проявлением его психологических особенностей в сочетании с внутренними потребностями. Адресат контролирует собственное психологическое состояние и таким образом не дезорганизует речевое взаимодействие. Слово *спокойно* актуализирует значение 'отсутствие волнения, тревоги', которое репрезентирует состояние говорящего.

Лексическая единица *равнодушно* указывает на пассивное отношение говорящего к предмету речи и также выражает значение небрежности, безучастности. Сема 'отсутствие интереса' наслаивается на семантику согласия/несогласия. Ср.: *Она критиковала картины-пейзажи, доказывала свое понимание видимого мира. Художник равнодушно соглашался* (А. Эфрон); *В его движениях чувствовалась лень. Он не соглашался равнодушно* (В. Астафьев) (здесь оформление несогласия находится под влиянием состояния партиципанта, которое обозначается лексемой *лень*). Такие акты согласия/несогласия отражают незаинтересованность к манифестируемой точке зрения в силу либо высокой/низкой информированности, либо несовпадения представлений о фрагментах действительности. Общение не мыслится в режиме конфликтности, но характеризуется отношением безразличия со стороны адресата, которое актуализирует негативный признак и является отклонением от норм коммуникативной этики. Адресату не интересен результат его действий, он излишне откровенен в своем речеповедении, что порождает отрицательное чувство со стороны собеседника.

Общеаксиологический компонент *взволнованно* передает возбужденное состояние адресата, его активную реакцию на речевую деятельность адресанта, а также указывает на особенность высокого эмоционального уровня восприятия.

Лексема *взволнованно* не актуализирует конкретный тип эмоций, а обозначает общее состояние переживания, которое может характеризоваться знаком «минус» и знаком «плюс» (например, проявление отношения удовлетворения. Ср.: – *Давай возьмем его к нам жить!* – *взволнованно согласился я* (В. Шукшин)). Говорящий утрачивает контроль за собственным состоянием, что может приводить к нарушению объективного хода речевой ситуации. Ср.: – *Какие еще разговоры!* – *взволнованно не согласился директор* (В. Шукшин).

Таким образом, полученная информация несомненно вызывает повышенный интерес, беспокойство, страх, радость, ожидание, надежду и т.д. и соответственно нарушает естественное состояние человека, оформляющего согласие/несогласие.

Согласие/несогласие согласуется с разными структурными компонентами эмоциональной семантики, которые описываются посредством конкретных лексических средств. Характер качественного изменения эмоционального состояния отражается в значениях лексем. Ср.: *соглашаться/не соглашаться весело/сердито/грустно* и т.д. Специализированные языковые средства содержат в своей семантической структуре эмоционально-оценочный компонент и указывают на противопоставление эмоционального отношения – положительного и отрицательного [7].

Особый интерес представляют наиболее употребительные эмоционально-оценочные лексемы, интегрирующие разные типы смыслов.

1. Лексемы согласия/несогласия сочетаются с контекстными показателями *весело, радостно, горячо, с улыбкой, к счастью, приятно* и под., которые выражают в речевых актах значение удовлетворения, одобрения.

Слово *весело* обозначает психическое состояние человека, характеризующее эмоциональной насыщенностью, которая проявляется через физические признаки, в частности, специфическое звуковое выражение, сигнализирующее о чувстве веселья. Согласие/несогласие, сопровождаемое искренним/неискренним чувством веселья, определяется интенциями адресанта, который действует в режиме коммуникативной установки эффекта (ср.: *шутит*): **Весело соглашаться** [ср. также: *не соглашаться*] *с тобой, когда ты шутишь* (В. Песков); или отсутствия учета настроения адресата (ср.: предложение оценивается знаком «минус» (*унизительно*)): *Ему предложили должность третьего секретаря. Для него это было унижительно. Он весело не согласился* (В. Песков) (на фоне напряженных отношений манифестируется показное состояние наигранного веселья).

Лексемы *радостно, с радостью* свидетельствуют об эмоциональном удовлетворении при высказывании согласия/несогласия, которое обосновывается указанием на сопутствующие благоприятные обстоятельства, обозначенные в придаточной части с причинным значением (используется союз *потому что*): *Я приехал в Иркутск по приглашению издателя, заказавшего мне книгу о Распутине. Мне было радостно согласиться на эту работу, потому что у меня уже была книга о Валентине Григорьевиче* («Литературная газета»); *Он с радостью не согласился ехать на встречу, потому что у него наметились другие планы* (В. Песков). Используемые синонимические слова указывает на «испытываемое приятное чувство, какое бывает, когда то, что субъект оценивает или ощущает как хорошее для себя, имеет место» [8].

Истинность/неистинность утверждения порождает оценочный акт согласия/несогласия, отличающийся глубиной чувства, степенью возбуждения, эксплицируемые компонентом *горячо*: *Исаакян горячо согласился с цветаевским, вперед, как щит, выброшенным утверждением о том, что Бальмонт – «божьей милостью» поэт* (А. Эфрон); *Мне кажется, что истина лежит и в субъективизме. Он горячо не соглашался с этим* (З. Масленикова).

Лексема *с улыбкой* сигнализирует о мимике губ и о проявлении чувства удовлетворения, сопровождающего реакцию согласия/несогласия. «Выразительные движения выступают в роли заместителей состояния» [9]. Испытываемое удовлетворение при оформлении согласия/несогласия связано со знанием обстоятельств, в которых находятся участники. Адресат знает о характере сложившейся ситуации, которая не включает моменты неожиданности и определяется фрагментом необходимости (ср.: *должен*) и ложности (ср.: *обман*). В соответствии с заданными обстоятельствами формируется согласие/несогласие, гармонирующее с чувством удовлетворения: *Я понимаю, что каждый из нас должен самостоятельно зарабатывать на жизнь. Соня с улыбкой соглашается* (М. Пришвин); *Он знал об обмане, поэтому с улыбкой не соглашался с деловым предложением* (В. Песков).

Эмоциональное отношение выражается модально-вводным компонентом *к счастью*, имеющим значение удовлетворения. Говорящий представляет факт согласия/несогласия как положительный результат. Субъект речи самостоятельно принимает решение относительно полученного предложения, и согласие/несогласие является ответом, адекватным ситуации и характеризующим речевое поведение с положительной стороны. Ожидания говорящего оправдываются, который заинтересован в таком исходе речевого акта: *А.В. Королеву предложили выступить на семинаре. К счастью, он согласился* (С. Есин); *К счастью, он не согласился свиде-*

тельствовать против нас (В. Шаламов).

Положительная эмоциональная оценка согласия/несогласия связана с безлично-предикативным словом *приятно*, определяющим состояние удовольствия. Психоэмоциональный аспект согласия/несогласия обуславливается речевой ситуацией, квалифицирующей компонент положительного эффекта (ср.: положительная оценка номинируется определениями *понимающие, порядочный*): ***Приятно согласиться с понимающими людьми*** (В. Песков); ***Приятно не согласиться с порядочным человеком*** (А. Эфрон).

Лексемы со значением удовлетворения, характеризующие речевые акты согласия/несогласия, противопоставляются словам, обозначающим семантический компонент 'неудовлетворение'. Лексемы *уныло, грустно, тоскливо, печально, к сожалению, к несчастью, неприятно* и под. выражают сему 'недовольство', 'огорчение' и маркируют согласие/несогласие с отрицательной стороны.

Говорящий испытывает душевное неудовлетворение, неприятное чувство при реализации и оценке согласия/несогласия, и этому способствуют негативные факторы: 1) обнаружение существенных отрицательных признаков, характеризующих субъекта речи и эксплицируемых оценочными лексемами: ***Пашка уныло соглашался с тем, что он неудачник, носил свой характер, свою безотцовщину, свой комплекс – провинциальный дурень, да еще с претензиями, да еще коротыш*** (Д. Гранин); ***Неприятно соглашаться: я недалёковидный и просто плохой прозаик*** (С. Есин); ***Неприятно не соглашаться с уважаемым человеком, который говорит неискренно*** («Литературная газета»); 2) невозможность осуществления действия в силу объективных обстоятельств: ***Мы предложили экипажу взять камеру и заснять полет, но они, к сожалению, не согласились*** («Комсомольская правда»).

2. Лексемы *гневно, раздраженно, сердито, недовольно* и под. актуализируют значение 'беспокойство', 'волнение' и характеризуются отрицательной оценкой. Эмоциональное состояние обозначается маркерами сильной степени интенсивности (ср.: *гневно, раздраженно, сердито, злобно* и др.) и слабой (*недовольно* и под.). Эмоциональное состояние субъекта речи обуславливается причинами отрицательного характера. Качественная характеристика согласия/несогласия связана с выражением чувства досады и недовольства: – ***Тут нужен кнут и пряник, – раздраженно согласился он*** (В. Шукшин); – ***Какие тут нужны приказы! – раздраженно не согласился председатель*** (М. Зощенко); сильного возмущения: ***Он гневно не согласился с предложением «стучать» на своего друга*** (В. Шаламов); гнева: ***Да, пойду! – сердито соглашался сосед*** (В. Шукшин); – ***Нет, – сердито не согласился поэт*** (А. Эфрон); раздражения: ***Он недовольно соглашался с жесткими требованиями работодателя*** («Комсомольская правда»).

3. Слова *жаль, жалко* и фразеологизм *нелегкая <меня> дернула* выражают значение 'неприятное переживание', которое соотносится с элементом невозможности изменить речевую ситуацию.

Говорящий испытывает чувство сожаления, сочетающееся с компонентом 'разочарование', в связи с оформлением согласия/несогласия и считает, что «объект его чувства находится в плохом положении» [10]. Ср.: ***Жалко согласился с вами; Жаль не соглашаться с вами.***

Фразеологизм *дернула меня нелегкая* (+ инфинитив *согласиться* (также: *не согласиться*)) вносит признак экспрессивности в высказывание говорящего, который испытывает крайнее неудовольствие и чувство гневного раздражения (ср.: об этом свидетельствует предикат *зlobился*, интенсифицируемый сочетанием *все сильнее*) по поводу собственной реакции согласия: – ***И дернула же меня нелегкая согласиться на соревнование с Сакуленко! – все сильнее зlobился на себя кузнец***

(А. Караваева).

4. Согласие/несогласие определяется элементом тревоги, страха, которые обозначаются лексемами *боязливо, испуганно, робко, трусливо, с ужасом* и др., и обуславливается конфликтными актами коммуникации, провокационными речевыми инициациями, невозможностью контролировать ситуацию, неуверенностью в достижении конкретной цели и т.п. Данные причины приводят к столкновению интересов, развитию внутренних противоречий, отражающихся на состоянии говорящего: *Зная мой крутой нрав, он боязливо не соглашался* (В. Песков); *Соглашался старик робко, как-то трусливо* (К. Паустовский). Оформление такого рода согласия/несогласия может вызывать недоверие, порождать отрицательное эмоциональное отношение.

Высокая степень эмоционального состояния заключается в словах *с ужасом: Мне предложили поехать в качестве посла в одну из воюющих стран. Я с ужасом согласился* (Из телеинтервью); и *испуганно: – Согласен, – испуганно закричал он* (М. Зощенко) (здесь аффективное состояние сопровождается «громкой речью с незапным началом» [11] (ср.: *закричал*)). Такое тревожное состояние связано с ожиданием неприятной ситуации.

Таким образом, рассматриваемые лексемы обозначают «неприятное чувство или состояние, какое бывает, когда человек ощущает или считает, что он находится или может находиться в опасной ситуации, над которой не имеет контроля; и когда человек хочет избежать опасности» [12].

5. Лексемы *смущенно, стыдливо, конфузливо* и под. указывают на чувство смущения, неловкости, которое проявляется при выражении согласия/несогласия, формируемого в ответ на некорректное предложение. Слова обозначают чувство, «какое бывает, когда субъект считает, что имеет отношение к чему-то плохому или отклонившемуся от нормы, из-за чего другие люди будут хуже о нем думать» [13]: *Ему намекали на презент. Он стыдливо соглашался* (В. Астафьев); *Врач смущенно не соглашался на свидание с пациенткой* (К. Паустовский).

6. В речевых актах согласия/несогласия оценочные наречия *презрительно, пренебрежительно, небрежно* репрезентируют чувства пренебрежения, высокомерия, которые свидетельствуют о нарушении категории нормы речеповедения.

В речевой ситуации реакция несогласия вызвана субъективными причинами и сопровождается проявлением чувства пренебрежения, что показывает намерение адресата демонстрировать статусное положение: *Ему предлагали рекламировать стиральный порошок. Он презрительно не согласился* («Комсомольская правда»).

Адресат соглашается с актом обвинения (ср.: *уличили во лжи*), но манифестирует чувство высокомерия, игнорируя объяснение мотивов своего речеповедения. Субъект речи не контролирует выбор языковых средств, оформляя согласие/несогласие, которые не соответствуют психологическим параметрам общения и оскорбляют чувство достоинства участников ситуации: *Его уличили во лжи. Он небрежно согласился* (В. Астафьев).

Таким образом, в конструкциях с семантикой согласия/несогласия используются оценочные лексемы, обозначающие актуальное эмоциональное состояние, фундаментальные эмоции [14]. Модальные значения «соприкасаются, частично переплетаются» [15], «совмещаются» с эмоциональной оценкой и экспрессией [16].

Психоэмоциональный аспект согласия/несогласия свидетельствует о нарушении нормальной структуры речевого акта. Эмоции сопутствуют выражению отношения согласия/несогласия, объясняют его. «Эмоциональный язык не может быть в полном разрыве с интеллектуальной речью (так же как и наоборот)» [17].

Эмоции квалифицируют состояние говорящего, которое манифестируется при оформлении согласия/несогласия, и обуславливаются сложными, затруднительными ситуациями, внутренними качественными потребностями субъекта речи.

Функции эмоциональной составляющей в актах согласия/несогласия заключаются в оказании воздействия на партиципанта, на ситуацию и в репрезентации речеповедения самого говорящего.

Реальные обстоятельства, насущные потребности человека создают базу для разнообразного эмоционального оформления согласия/несогласия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987. – С. 23-24.

2. Лекант П.А. Рациональное и эмоциональное в русском предложении: семантика эмоционального состояния // Русский язык: номинация, предикация, образность. – М., 2003. – С. 4.

3. Там же. – С. 3.

4. Маркелова Т.В. Оценка и эмоция // Научно-методические проблемы преподавания гуманитарных, естественных и математических дисциплин в школе и вузе. – Мичуринск, 1997. – С. 10.

5. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 2002. – С. 238.

6. Там же.

7. Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических концептов. – М., 1989. – С. 60.

8. Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б., Урысон Е.В., Гловинская М.Я., Крылова Т.В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Под рук. Ю.Д. Апресяна. – М., 1997. – С. 312.

9. Лазариди М.И. Функционально-семантические поля психических состояний в современном русском языке. – Бишкек, 2000. – С. 121.

10. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 2002. – С. 236.

11. Там же. – С. 240.

12. Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б., Урысон Е.В., Гловинская М.Я., Крылова Т.В. Указ соч. – С. 15-16; 406.

13. Там же. – С. 417.

14. Изард К. Эмоции человека. – М., 1980. – С. 84-90.

15. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 62.

16. Лекант П.А. Эмоционально-оценочные реплики // Русский язык и славистика в наши дни: Материалы Международной научн. конф., посвященной 85-летию со дня рождения Н.А. Кондрашова. – М., 2004. – С. 427.

17. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М., 1972. – С. 585.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ УЧАСТИЯ ГЛАГОЛА В ВЫРАЖЕНИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

К языковым средствам, составляющим ФСП категории пространства, относятся глаголы, участвующие в представлении пространственно-предметной ситуации на языковом уровне. Такие глаголы в роли предиката предложения выступают связующим звеном между объектом и локализатором, или пространственным конкретизатором, и принимают активное участие в формировании пространственных отношений.

В формировании пространственных отношений в первую очередь участвуют глаголы пространственной семантики, выступающие в роли предикатов местонахождения. К ним можно отнести:

– локативные глаголы: *находиться, располагаться, простирается, размещаться, помещаться* и др.: *За дверью находилась маленькая каморка без окон, совершенно пустая* (П. Дашкова); *У двери разместилось несколько книжных шкафов* (А. Ромов);

– бытийные: *быть, существовать, иметься, проживать, селиться, зимовать* и др.: *У моста была площадь, окруженная амбарами, срубами и кучами сложенных бревен и досок* (А. Новиков-Прибой); *На острове Понане имеются грандиозные руины – остатки исчезнувшей цивилизации* (А. Кондратьев);

– глаголы положения в пространстве: *сидеть, лежать, торчать, висеть, выситься, возлежать* и др.: *На крылечке сидел рыжий кот с такими зелеными мрачными глазами, что на них нельзя было долго смотреть* (К. Паустовский). *На столике перед кроватью лежали серебряные часы и серебряная монета двадцатикопеечного достоинства* (А. Чехов).

В значении данных глаголов одной из основных сем является сема 'пространство', которая и реализуется в предложениях при выполнении глаголом функции предиката. «Являясь материальной сущностью, Вещь должна где-нибудь находиться» [1], как-то проявить себя, занять какое-то положение в определенном или неопределенном месте, на каком-то отрезке пространства. Языковым показателем «поведения» материальной сущности на каком-либо отрезке пространства и являются глаголы, лексическое значение которых, в общем, может быть сформулировано как 'занимать какое-нибудь пространство, находиться в каком-нибудь месте, иметь где-нибудь место' или глаголы, имеющие в своей семантической структуре данную сему, способную проявиться при определенных условиях.

В синонимическом ряду локативных глаголов доминантой выступает глагол *находиться*, поскольку является «каноническим» выразителем локативного значения в языке [2]. Языковой статус данного глагола воспринимается неоднозначно [3], что объясняется его характерной семантической особенностью: с одной стороны, это полнозначный глагол, имеющий лексическое значение 'иметь место, быть, пребывать'; с другой стороны, реализация этого значения возможна только на синтаксическом уровне, при наличии обязательных компонентов синтаксической структуры – субъекта и локализатора. У глагола *находиться* «сема локальности синтаксична и требует непременно своего выражения в контексте, то есть в присутствии локализатора» [4]. Предполагается, что в синтаксической конструкции данный глагол выступает связующим звеном между субъектом и локализатором и может не иметь материального выражения, что никак не сказывается на выраже-

нии пространственного значения предложения. Ср.: *На острове город; Ибрагим в кабинете; Другое ложе, пустое, с другой стороны стола*. Безусловно, центральная роль в выражении пространственного значения предложения принадлежит локализатору, однако локализатор номинирует именно местонахождение субъекта, а значение 'нахождение субъекта в данном месте' представляет глагол *находиться*. При этом данный глагол формирует в предложении только значение местонахождения, не отягощенное дополнительными оттенками. Поэтому материальная невыраженность глагола *находиться* в синтаксической конструкции значима. Таким образом, можно предположить, что глагол *находиться* является оператором смысла 'местонахождение'. Точно так же, как и глагол *находиться*, глаголы *разместиться*, *располагаться*, *помещаться* и т. п. будут иметь при себе пространственную словоформу в качестве обязательного компонента своей семантической структуры.

Локативное значение может проявляться и у бытийных глаголов *быть*, *иметься*, *существовать* и т. п., при этом реализовать значение местонахождения бытийному глаголу помогают словоформы-локализаторы.

Глаголы, передающие положение в пространстве: *лежать*, *сидеть*, *стоять*, *торчать*, *висеть* и т. п. – являются составной частью большой группы глаголов местонахождения. Они объединены значением «занимать определенное положение в пространстве», которое может быть горизонтальное, вертикальное, поперечное: Глагол *лежать* в сочетании с пространственной словоформой (*на* + предложный падеж имени существительного или субстантивированного слова) реализует свое основное значение: 'о человеке: находиться в горизонтальном положении, быть распростертым на чем-н.; о предметах: находиться, быть помещенным на какой-н. поверхности в неподвижном положении': *На хламе всегда с трубкой в зубах лежит сторож Никита, старый отставной солдат с порыжелыми нашивками* (А. Чехов); *Комната была точно не без приятности: <...> одно кресло, стол, на котором лежала книжка с заложённой закладкою<...>* (Н. Гоголь).

Одной из семантических составляющих категории пространства является значение 'направления', или директивное значение, которое формируется при взаимодействии трех компонентов. Этими компонентами являются субъект действия, предикат действия (трасса движения – термин И. Пете), директив (термин Г.А. Золотовой): *Затем он оделся, вышел из дому и больше уж никогда туда не возвращался* (Б. Акунин). Субъектом выступает лицо или предмет, выполняющий действие по заданному направлению. Предикат действия является связующим звеном между субъектом действия и директивом. Функцию предиката, как правило, выполняют глаголы движения, что связано с их семантическим потенциалом: любое движение происходит в пространстве.

Глаголы движения или перемещения относятся к тем языковым средствам, которые принимают активное участие в представлении пространственных отношений. Это связано со значением глагольных лексем движения или перемещения, то есть эти глаголы обозначают изменение местоположения субъекта или объекта в пространстве.

Существуют критерии, позволяющие разграничить глаголы движения и глаголы перемещения. Например, это разграничение проводит Л. Теньер в «Основах структурного синтаксиса» [5]: глаголы движения описывают способ изменения местоположения: *идти*, *бежать*, *лететь*, *плыть*, *прыгать*, *скакать*, *ползти* и др.; глаголы перемещения указывают на определенное направление относительно точки отсчета: *подниматься*, *спускаться*, *уходить*, *приходить*, *входить*, *выходить* и др.). «Перемещение тем самым связано прежде всего с последовательным изменением местоположения субъекта при определенном пути следования, тогда как дви-

жение может быть и «хаотичным» [6]. Однако представляется важным не факт разграничения данных глаголов при выражении пространственной семантики, а то, что показателем связи категории движения с категорией пространства выступает сам глагол движения или перемещения. В семантике глаголов движения присутствует сема пространства, которая представлена по-разному: это может быть место направления, или место отправления, или место нахождения явления, обозначенного глаголом движения. На наш взгляд, это обязательный компонент семантической структуры глаголов движения, так как точек соприкосновения двух понятий, пространства и движения, достаточно для взаимообусловленности их существования. Во-первых, с помощью глаголов движения пространство реализует значение расстояния, протяженности, во-вторых, семантическая структура глагола движения предусматривает обязательные компоненты: отправную точку и конечный пункт: *Ничего не видя, ничего не слыша, он попятился к двери, вышел на улицу и поплелся* (А. Чехов). В данном случае конечный пункт движения передан с помощью локализатора *на улицу*; движение может быть направлено внутрь определенного пространства или из него. Ср.: *В избу вошла баба и стала не спеша топить печь<...>* (А. Чехов) и *Вслед за ней вышел из дому молодой парень* (И. Тургенев). В первом примере глагол *вошла* реализует свою семантику 'движение, направленное внутрь чего-н.' при замещенной левовалентной позиции, в сочетании с локализатором *в избу*. Во втором примере глагол *вышел* реализует свою семантику 'движение изнутри, покидать пределы чего-н.' также при замещенной правовалентной позиции, в сочетании с локализатором *из дому*. Ср. также: движение вверх, например, *взойти на крыльцо*; движение вниз – *спуститься с горы*. Таким образом, для реализации пространственного значения глаголам движения / перемещения требуется пространственный распространитель: *Вечером 12 или утром 13 августа Пушкин вместе с Раевским прибыл в Тамань* (Б. Недзельский); *Тотчас же по приезде поэт отправился к Митридатовой гробнице и на Золотой курган, но был разочарован* (Б. Недзельский). Глаголы *прибыл* ('прийти или приехать к месту назначения; быть доставленным куда-нибудь') и *отправился* ('уехать, уйти, пойти куда-нибудь') реализуют свое значение при эксплицитно выраженном пространственном распространителе соответственно *в Тамань* и *к Митридатовой гробнице и на Золотой курган*. Кроме того, в словообразовательной структуре глагола может содержаться показатель связи категории движения и категории пространства, как это отмечается в глаголе *отправился*, где глагольная приставка *от-* сохраняет значение 'движение в сторону от чего-н., удаление' и, следовательно, участвует в имплицитном выражении пространственного распространителя, подразумевающего место исхода движения. Таким образом, глаголы движения, реализуя свои валентностные свойства, участвуют в формировании пространственного значения.

К уже проанализированным глаголам, участвующим в формировании пространственных отношений, можно также отнести глаголы таких семантических групп:

- 'быть видимым в каком цвете' – *белеть, голубеть; белеться, чернеться*;
- 'испускать (свет), издавать (запах)' – *светить, брезжить, теплиться, сиять, гореть*; 'блестеть' и 'испускать свет' – *мерцать, пахнуть, благоухать*;
- природные и физические процессы – *гореть* 'давать пламя', 'находиться в состоянии горения'; *пылать, тлеть, тлеться; кипеть, бить* 'стремительно вытекать', *греть* 'излучать тепло'; *печь, палить, жарить, жечь; идти* (о дожде), *лечь, сеяться, капать; лепить, валить* (о снеге); *дуть, бушевать, вейть* (о ветре); *расти* 'пребывать в процессе роста', *цвести* 'быть в цвету';
- восприятия органами чувств – *видеть, смотреть, глядеть, взирать, созер-*

цать, глазеть; слышать, слушать, обонять, осязать;

– физических и психологических состояний – *спать, поживать, дремать, дрыхнуть, бдеть, бодрствовать; страдать, бедствовать, болеть, косить, хворать, недомогать; благодушеествовать, блаженствовать; горевать, грустить, скорбеть, унывать, торжествовать, переживать, психовать, паниковать; трусить, робеть; молчать, безмолвствовать; болеть (рука болит), кружиться (голова кружится), гудеть (ноги гудят); покоиться, мучиться, томиться, перемогаться, печалиться, сокрушаться, беспокоиться, волноваться, терзаться, тревожиться, бояться, опасаться, страшиться, стесняться, дичиться, жаться, гордиться, кичиться, задаваться, стыдиться, бодриться, радоваться, веселиться, злиться, сердиться, раздражаться, бесноваться, беситься; упрямиться, артачиться; безл.: морозит, пуржит, парит, свербит, (не) спится, (не) работается;*

– произвольного звучания – *журчать, шушать, булькать, жужжать, грохотать, греметь (о громе)* [7].

Глаголы данных семантических групп выделяем как презентанты пространственной семантики, ориентируясь на их общее значение – «отражение сознанием человека внешней среды, свойств и предметов внешнего мира» [8]: *Где-то совсем близко слышны мужские голоса* (П. Дашкова); *Далеко внизу между острыми камнями поблескивал хилый ручеек* (П. Дашкова); *Он взглянул на секунду вниз, и ему показалось, что вода в ручье уже стала красной* (П. Дашкова); *Машину обнаружили на улице Ермоловой, неподалеку от старой церкви* (П. Дашкова).

В семантической структуре данных глаголов пространственная сема не является главной, она эксплицируется только при взаимодействии глаголов с пространственным компонентом – локализатором. Так, если рассмотреть глаголы восприятия, то будет ясно, что ведущими семами в значении данных глаголов станут семы субъекта действия и объекта, который воспринимается субъектом. В конструкциях, где реализуется полностью семантика глагола восприятия, именно эти компоненты являются основным окружением глагола: *Я увидел дом; Он услышал звуки рояля* и т. п. Однако следует отметить, что глаголы восприятия свободно сочетаются в предложениях с компонентами, имеющими пространственное значение: *Она пулей вылетела в зал и заметила вдалеке, у выхода к автостоянке, седую голову Стивена* (П. Дашкова); *В коридоре слышались голоса, захлопали двери* (П. Дашкова). Если при функционировании глагола восприятия в предложении может не быть материально выраженного субъекта, то для реализации пространственного значения данного глагола необходима пространственная словоформа. Так, например, в предложении: *Если повезет, то неподалеку высоко в небе увидишь, как легко парит в воздухе сам беркут* (В. Михайлов) – субъект материально не представлен, сам глагол своей формой указывает на субъект действия, и этого достаточно для реализации семантики восприятия, но пространственное значение оформляется словоформами *неподалеку высоко в небе*, выполняющими роль локализатора в предложении.

Таким образом, можно констатировать, что особенностью глаголов, выступающих в роли пространственного предиката, является их тесное взаимодействие, а иногда и прямая зависимость от пространственного конкретизатора-локализатора.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. – М., 2004. – С. 430.
2. Апресян Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Апресян Ю.Д. Избранные труды. В 2 т. – М., 1995. – Том 2. – С. 512.

3. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973. – С. 131.
4. Кондратенко Г.И. Лексико-семантическая группа глаголов со значением бытийности /на материале глаголов нахождения/: Автореферат дис... канд. филол. наук. – М., 1985. – С. 13.
5. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М., 1988.
6. Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. – М., 2005. – С. 102.
7. Русская грамматика: в 2-х томах / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1980. – Т. 1. – С. 593.
8. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика. – М., 1990. – С. 52.

НЕНОРМАТИВНАЯ ЛЕКСИКА В КОНТЕКСТЕ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

В последние годы в отечественной филологии возросло внимание к проблемам диалогических отношений в речевом общении, поскольку для российской языковой действительности рубежа XX и XXI столетий **характерной чертой становится диалогичность** самых разных видов коммуникации. Это связано прежде всего с тем, что данная форма коммуникации осуществляется «лицом к лицу», она дает большие возможности для самораскрытия языковой личности, вступающей в речевое общение, и для выражения позиций, связанных с каждым из коммуникантов.

Наиболее явным средством, направленным на достижение определенного коммуникативного эффекта в диалоге, является лексика. Слово, употребленное в диалоге, направлено к конкретному лицу, идеально ориентировано на него. Используя то или иное слово, говорящий учитывает позицию адресата и подразумевает обратную связь. Именно с помощью употребленного слова можно легко добиться понимания и согласия и, наоборот, разрушить их.

Инвективная, пейоративная, а также грубопросторечная лексика в настоящее время активно внедрилась в речь молодежи, продолжает жить в речи более старшего поколения, активно внедряется в массовую культуру. Использование такой лексики связано с нравственным состоянием российского общества.

Эта лексика может иметь разную степень оскорбительности, что отражается в ее названиях: грубопросторечная, непечатная, инвективная лексика. Грубые, вульгарные, бранные слова и обороты речи используются как прием оскорбления, смысл которого – вызвать у оскорбляемой стороны негативные чувства, причинить ей моральный ущерб, понизить уровень ее самооценки, а также самоутвердиться. Еще одна функция оскорбления — заставить другую сторону изменить поведение, спровоцировать определенные действия со стороны адресата. Все эти функции инвектива выполняет, если только говорящий не преследует цель использования ее в качестве «катарсического разрешения от напряжения с помощью языка» [1] вне направленности на другого.

Часто инвектива является реакцией на стрессовую ситуацию: например, брань, вырвавшаяся у человека, ударившего себя молотком по пальцу или обнаружившего, что он опоздал на поезд. Такой человек одновременно испытывает боль и досаду на собственную неловкость или неожиданно возникшее препятствие к дальнейшей деятельности. По мнению некоторых исследователей, нарушение табу в данном случае представляет собой попытку как бы ответить ударом на удар, насилием на насилие. «Облегчение, которое при этом получает человек, — отнюдь не кажущееся. Бранящийся взламывает интердиктивный барьер и выпускает на волю тщательно табуируемые обществом понятия; физическая боль частично компенсируется резким восклицанием» [2]. Некоторые ученые считают, что в определенных – экстремальных! – ситуациях единственно вовремя сказанное «крепкое слово», например во время проведения поисково-спасательных работ, спасало ситуацию, а нередко – и жизнь человека [3]. Некоторые отмечают достоинства бранной лексики как предохранительного клапана для выхода чувств, компенсирующего физическое воздействие на противника, как средство замещения физической агрессивности с помощью языка [1: 104].

Думается, что подобные рассуждения касаются проблемы употребления (или неупотребления) инвективы не в контексте филологии и даже не культурологии, а как вопроса практического применения достаточно опасного инструментария. В

межличностном общении инвектива всегда несет огромный отрицательный потенциал и, несомненно, является ярким показателем конфликтности.

Степень инвективности того или иного слова трудно определить по толковому словарю, хотя существуют исследования, посвященные разработке специальной шкалы лексической инвективности с использованием лексикографических помет. Такая шкала, например, может включать показатели: «нейтральное — обидное — оскорбительное» (греховодник — паскудник — паскуда [4]). Но пока нет методики квалификации слов как ругательных или оскорбительных, поскольку в речевой практике их границы оказываются зыбкими и легко смещаются.

Степень инвективности зависит:

1) от ситуации высказывания, в частности от субъекта речи, который актуализирует тот или иной смысл употребляемого слова; так, нейтральное в прямом значении слово «змея» может быть комплиментом женщине при актуализации смысла «мудрая» и оскорблением при актуализации смысла «коварная, хитрая, злая» [5: т. 1, с. 615];

2) от личностного восприятия адресатом слова в речи и от того, какую коннотацию, «отягощающую» слово, воспринял он при его интерпретации: оно может показаться ему нейтральным или оскорбительным;

3) от этнокультурных традиций выражения тех или иных оценок: в русской культуре требуют осторожности образные сравнения — «бытовизмы»; не очень эстетично выглядят «зоологические» метафоры; сомнительны образно переосмысленные лексемы в качестве положительных оценок: «коровьи глаза», «взгляд львицы», «походка пантеры» и др.;

4) от реакции на оскорбление того, кому оно предназначено: быстрая и «достойная» реакция — это не что иное, как смена ролей — адресат инвективы превращается в инвектанта (термин В. И. Жельвиса), действующего по принципу «Сам дурак!», «На себя посмотри!».

Вот пример из известной повести Н.В. Гоголя.

— *Вы, Иван Никифорович, разносились так со своим ружьем, как дурень с писаною торбою*, — сказал Иван Иванович с досадою, потому что действительно начинал уже сердиться.

— *А вы, Иван Иванович, настоящий гусак*.

Столкновение участников коммуникативного акта происходит как результат применения словесного оскорбления одним из субъектов (S_1) и подобного же ответного шага другим (S_2). Судя по реакции S_2 (*Иван Иванович вспыхнул. — Как вы смели, сударь, позабыв приличие и уважение... обесчестить таким поносным именем?*), ему было нанесено серьезное оскорбление, и развитие ситуации свидетельствует об этом:

— *Я повторяю, как вы осмелились, в противность всех приличий, назвать меня гусаком?*

— *Начхать я вам на голову, Иван Иванович! Что вы так раскудахтались?*

Иван Иванович не мог более владеть собою: губы дрожали; рот изменил обыкновенное положение ижицы, а сделался похожим на О; глазами он так мигал, что сделалось страшно. Это было у Ивана Ивановича редко. Нужно было для этого его сильно рассердить.

<...>

— *Очень хорошо поступаете вы, Иван Никифорович! прекрасно! Я это припомню вам.*

— *Ступайте, Иван Иванович, ступайте! да глядите не попадитесь мне: а*

не то я вам, Иван Иванович, всю морду побью!

— *Вот вам за это, Иван Никифорович!* — отвечал Иван Иванович, **выставив ему кукиш и хлопнув за собой дверь**, которая с визгом закрипела и отворилась снова.

Употребление сравнения с животным для номинации частей человеческого тела (морда, лапы) — достаточно обидный способ унижения собеседника (*Ты лапы-то свои убери, убери! Размахалась!*). Обращение к данному способу номинации особенно накаляет ситуацию, и S₂ прибегает к ответному шагу — использованию невербального оскорбления (выставил ему кукиш), которое также выглядит очень категорично.

Кроме инвективы, негативно маркируют диалог стилистически сниженные слова и выражения: просторечные (особенно экспрессивно-просторечные), разговорные, жаргонные:

О. — <...> *Сегодня катастрофа будет, конец света, или через две недели.*

М. — *Одни вруны... болтают, что ни попадя. Вранье все. Вранье, поняла? Ты веришь, ага? Веришь.*

О. — *Конечно, верю! Конечно.* <...>

М. — *Ну да. Дура ты. Такая жизнь хорошая, а ты вон чего... Люди вон как живут — позавидуешь! Живут себе. Стенки покупают, ковры ...* <...> *А ты каркаешь.* <...> *Дура ты.* <...>

М. — *Эй! Мурлин Мурло! Сними противогаз, слышишь? Нет, ну рассказать кому, про мою любовницу — не поверят, засмеют! Скажут, с головой не дружу! Правда, мягкая ты... Тело у тебя хорошее.* <...> *Учить тебя надо только многому...*

О. — *Отстань. Иди уже вон домой. Надоел. Сидишь тут, болтаешь, собираешь, что попало. Иди давай. Мать скоро с работы придет, ругаться будет, что свет палим...*

М. — *Ну придет, так придет, ладно. Мне-то что? (смеется). Не суетись под клиентом, слышишь, а, Мурлинка?*

О. — (Дернула плечом). *Голова болит.*

М. — *Голова не попа — завяжи и лежи (хохочет). Ничего ты не понимаешь. Ни-че-го! Глупая-а-а. Глупая ты. Дура. Я тебе говорю, как в жизни все устроено хорошо, понимаешь? Поработал — отдохни — выпей, сил наберись, с бабами поиграй.* <...> *Бабы! Эх, бабы. Ничего вы в жизни не петрите! Ничего не смыслите в колбасных обрезках! «Бабы дуры, бабы дуры...»* <...>

(Н. Коляда)

Данный диалог представляет собой зарождение конфликта, который постоянно, на протяжении всего взаимодействия О. (Ольга) и М. (Михаил) провоцирует М. Мировоззренческие взгляды на проблему (спор идет о наступлении конца света) находят языковое выражение в устах Михаила в разговорных и просторечных словах: *вруны* (разг.), *болтают* (разг.), *вранье* (разг.), *баба* (прост., обычно пренебр.), *дура* (разг.), *каркаешь* (прост.), *не петрите* (разг.); экспрессивных просторечных клишированных формулах: *сними противогаз, не суетись под клиентом, не смыслите в колбасных обрезках*. Лексика грубая, близкая к бранной, используется в рамках тактик самоукрупнения и унижения партнера, насмешки, пошлой интимизации: *Мурлин Мурло! Сними противогаз. Глупая ты. Дура. Эх, бабы! Ничего вы в жизни не петрите!* и т. п. Выбор подобной лексики свидетельствует об определенных ценностных ориентациях и речевой культуре говорящего. Инвективные формы, сниженная лексика — это то, что представляет норму поведения для подобной языковой личности, для определенного социального слоя, общающегося на данном социодialeкте [6]. Инвективное поведение как способ «отвести душу», разрядить-

ся становится привычным, инвектива девальвируется [7]. Конфликт назревает, но не происходит только благодаря речевому поведению Ольги: она не реагирует на оскорбления Михаила, так как они ожидаемы, привычны. В данной культурной среде такое поведение не воспринимается как собственно агрессивное в силу своей общности. Поведение Ольги разрушает сценарный стереотип — она не превращается в инвектанта, не реагирует на унижение и оскорбления по типу «сам дурак», «на себя посмотри». Она реализует стратегию кооперации с помощью тактики уклонения от контакта, осуждения партнера.

Отрицательный коммуникативный эффект вызывает также использование негативной оценочной лексики при характеристике партнера: его внешности, личностных качеств. В этих характеристиках выражается отношение говорящего к адресату. Подобная лексика градуируется по шкале «хороший — плохой», «умный — глупый», «красивый — некрасивый» и т. п. В состав этой группы лексики могут входить оценки рациональные (*Ничего ты не понимаешь. Глупая-а-а. Глупая ты. Дура. Ничего вы в жизни не петрите*), говорящие о низких интеллектуальных способностях собеседницы, характеризующие ее как человека, не разбирающегося в жизни; эмоциональные и эстетические (*Мурлин Мурло; Сними противогаз; ...рассказать кому про мою любовницу — не поверят, засмеют! Скажут с головой не дружу!*), представляющие непривлекательные стороны собеседника; сенсорные (*Правда, мягкая ты... тело у тебя хорошее*) и телеологические, направленные на унижение собеседницы (*Как в жизни все хорошо устроено: поработал — отдохни — выпей, сил наберись, с бабами поиграй*) [8]. Периферийные оценочные семы заложены в глаголах (*каркаешь, учить тебя надо*). Оценочная лексика в диалоге имеет преимущественно негативное содержание. Такая лексика, как отмечает И. В. Шалина, свидетельствует об отношении говорящего к женщине-собеседнице, о стремлении понизить ее социальный статус, продемонстрировать доминирующее положение мужчины [6: 80].

В русском языке есть такие лексические единицы, которые неизвестны, непонятны или малопонятны многим носителям языка. Это слова-агнонимы [9] — единицы, определенным образом окрашивающие течение коммуникативного акта и характеризующие речевое поведение говорящего человека. В силу своей непонятности они требуют особой сосредоточенности на себе в диалоге и дополнительных мыслительных усилий от адресата, применения метаязыковых и метаречевых операций. Для поддержания общения в таких случаях коммуниканты должны проверить, пользуются ли они одним кодом. Первостепенной становится регулятивная цель, которая может быть не основной, но очень существенной для реализации информационной или воздействующей цели общения. Говорящий, чтобы обеспечить бесперебойное течение коммуникации и реализацию основной цели, должен использовать при употреблении агнонимов следующие языковые формулы: *Вы понимаете, о чем я говорю? Вы поняли, что я имел в виду?* и т. п., а слушающий, соответственно:

Я вас не совсем понимаю. Правильно ли я вас понял, что... А что такое... А что значит... и т. п. Все эти предложения несут информацию лишь о лексическом коде, речь выполняет метаязыковую функцию. Игнорирование метаязыковых операций в диалоге может вызвать непонимание, разрыв контакта, коммуникативную неудачу или конфликт.

Вот пример из устной речи:

- *Дим, что входит в состав антигриппина?*
- *Аспирин, димедрол, аскорбинка, хлористый кальций.*
- *А димедрол какое действие оказывает, успокаивающее?*

- Десенсибилизирующее.
- Снотворное, что ли?
- Десенсибилизирующее.
- *Да не знаю я этого слова. (Раздраженно.) Разве ты не понимаешь, о чем я спрашиваю? Что значит де ... де-сен-си-билизирующее?*
- Противоаллергическое.
- Сразу нельзя было сказать?

Применение метаязыковой операции в конце диалога одним из его участников в определенной степени нейтрализовало конфликтную ситуацию, создавшуюся в начале диалога.

Таким образом, лакуны в лексиконе одного из коммуникантов снижают эффективность речевого взаимодействия, ведут к неадекватному речевому поведению. Среди слов-аггонигов значительное место занимают заимствованная и устаревшая лексика, неологизмы.

Лексическими маркерами конфликта в диалоге выступают типичные для разговорной речи специальные номинации участников коммуникации (обычно мало-знакомых или незнакомых) по какой-либо примете, чаще всего внешней. Обычно они состоят из сочетания имени существительного в косвенном падеже с предлогом: *в очках, в красной кофточке, с собакой* и т. п. [10], при этом имя лица номинации отсутствует. В ситуации «очередь» мы часто слышим: *Дама в красной кофточке, вы за кем? А с ребенком отошла, что ли?* Первая фраза обращена к лицу, присутствующему при разговоре. Это нарушает принятые в культуре традиционные этикетные нормы вежливого обращения и вызывает нежелательные эмоциональные реакции адресата или ответные негативные речевые действия. Негативная реакция S₂ становится угрозой для речевого контакта и нередко является приметой конфликтного развития диалога.

Таким образом, любые периферийные средства лексической системы языка: пассивная, ненормативная, коннотативно окрашенная лексика, лексика во вторичной функции — могут стать лексическими маркерами речевого конфликта. Использование такой лексики в речи без ориентации на партнера по коммуникации активизирует «зоны риска» в общении, провоцирует коммуникативные неудачи и речевые конфликты.

Вместе с тем, вопрос, рассматриваемый в статье, важен не только для конкретных личностей, вступающих в коммуникацию, он важен для социума в целом, так как затрагивает проблему формирования норм, правил, традиций речевого поведения всего народа. Употребление ненормированной лексики влияет на ценности, принципы, представленные в сознании носителей данной культуры, отражается в складе ума, умственном настрое личности. Это приводит к формированию определенной языковой культуры общества, культуры коммуникативного поведения её членов.

Норма — социально-историческая категория, она определяется обществом: конкретный этап его развития, его социальная структура, культурная ситуация определяют состояние языка, представления членов общества о норме. Знание норм и следование им — путь к согласованию поведения конкретной личности с законами поведения всего народа. Это важное условие осуществления речевой деятельности и достижения успешности выполняемых речевых действий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Жельвис В.И. Инвективная стратегия как национально-специфическая характеристика // Этнопсихоллингвистика. — М., 1988. — С. 98.
2. Жельвис В.И. Инвектива: опыт тематической и функциональной классифи-

кации // Этнические стереотипы поведения. – Л., 1985. – С. 314.

3. Черняк В. Д. Агнонимы в речевом портрете современной языковой личности // Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий: Тез. докл. и сообщ. Всероссийск. науч.-метод. конф. – Екатеринбург, 2000. – С. 190.

4. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-I: проблемы и перспективы. Барнаул, 1999. – С. 46.

5. СРЯ – Словарь русского языка: В 4 т. – М., 1981—1984.

6. Шалина И. В. Взаимодействие речевых культур в диалогическом общении: аксиологический взгляд: Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1998.

7. Жельвис В.И. Инвектива в парадигме средств фатического общения // Жанры речи. – Саратов, 1997. – С. 8.

8. Маркелова Т.В. Функционально-семантическое поле оценки в русском языке // Вестник МГУ. (Сер.9). – 1994. – № 4.

9. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997.

10. Земская Е.А. Категория вежливости в контексте речевых действий // Логический анализ языка: Язык речевых действий. –М., 1994. – С. 131.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ И СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМЫ ОДНОВРЕМЕННО

Лексема *одновременно* представлена наречием и предлогом *одновременно с*. Но в словарях русского языка зафиксировано только наречие *одновременно*, причем в СО (СОШ) на это наречие приведен пример с *одновременно с*: «Начать одновременно (нареч.) с кем-н.» [1]. То же самое и в БАС [2], то есть *одновременно* и *одновременно с* в словарях не различаются.

В данном случае, как и во многих других, наречие и предлог – это пример особого случая функциональной омонимии: «само по себе «знаменательное» и «служебное» употребление слова не разрывает его на два, а лишь приводит к особой разновидности «выраженной» полисемии» [3: 164]. И действительно: семантически и функционально *одновременно* и *одновременно с* очень близки: они различаются своей синтагматикой при выражении отношений одновременности.

Эту функцию они выполняют в нескольких типах конструкций, выделенных на основе того, один и тот же или разные субъекты выступают в этих конструкциях и какие действия или явления представляются одновременными – одинаковые или разные. Понятия субъекта, действия, состояния мы соотносим с категориями членов предложения и/или способов их выражения. Исследование данных единиц выполнено на материалах из «Национального корпуса русского языка» (подкорпуса художественной и учебно-научной литературы).

С указанной точки зрения мы выделили следующие группы конструкций:

1. Конструкции, выражающие одновременность разных действий или состояний одного и того же лица или предмета: один и тот же субъект – разные действия (состояния):

Таким образом я и здоровался, и представлялся одновременно. [Евгений Прошкин. Механика вечности (2001)]; *Мне так не кажется — он и в самом деле все думает и обдумывает одновременно с говорением, а так как думает медленно, то и говорит не быстрее.* [Владимир Соловьев. Три еврея, или Утешение в слезах. Роман с эпиграфами (1975–1998)].

2. Конструкции, выражающие одновременное осуществление (неосуществление) одного и того же действия одного и того же субъекта в отношении разных объектов или осуществление его одновременно в разных обстоятельствах: один и тот же субъект действия – одно и то же действие – разные объекты или обстоятельства:

Поначалу он пытался грести и руками и ногами одновременно. [Валентин Постников. Путешествие Карандаша и Самоделкина (1995)]; *Пушкиным торгует мороженщица одновременно с эскимо.* [Виктор Конецкий. Вчерашние заботы (1979)].

3. Конструкции, выражающие одновременное выполнение одного и того же действия разными субъектами: разные субъекты – одно и то же действие:

Ягуар и Самоделкин одновременно упали на землю и начали бороться. [Валентин Постников. Карандаш и Самоделкин в стране людоедов (1996)]; *Лара вернулась домой почти одновременно с мужем, который ее встретил, испугался немножко ее бледности и никак не мог добиться, где она была.* [Н.С. Лесков. На ножах (1870)]; *Я сам отправлюсь в Марсель одновременно с выездом синьора Буотти в Ливорно.* [Роберт Штильмарк. Наследник из Калькутты (1950–1951)]

4. Конструкции, выражающие одновременное выполнение разных действий

разными субъектами: разные субъекты – разные действия:

Я почувствовал толчок в спину, одновременно с ним раздался душераздирающий скрип. [Евгений Прошкин. Механика вечности (2001)]; *Одновременно со вдохом через нос животик втягивается внутрь — и с выдохом выдвигается, должна быть синхронность.* [Эдвард Радзинский. Спортивные сцены 80-х (1986)].

Функционирование лексемы *одновременно* покажем на примере конструкций первой группы.

Одновременность разных действий или состояний одного и того же лица или предмета с использованием наречия *одновременно* передается при подлежащем, выраженном, как правило, ед. ч. существительного или местоимения, а) в конструкциях с однородными сказуемыми, б) в предложениях с деепричастными оборотами, в) с субъектным и объектным инфинитивом. На каждый случай приведены примеры различного расположения *одновременно* относительно обозначения одновременных действий и состояний:

а) — *Пощусь, — угрюмо сказал Федор: его злил и одновременно смущал энергичный напор невесты откуда возникшего господина.* [Борис Васильев. Были и небыли. Книга 2 (1988)]; *Я потерял и нашел себя одновременно, а это ли не состояние полного счастья?* [Борис Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт (1998)]; *Да и разве все упомнишь в этой суматошной жизни, в которой так много дел: надо одновременно работать, вести хозяйство, растить ребенка, заботиться о муже, просто, наконец, быть женщиной.* [Юрий Вяземский. Икебана на мосту (1982)];

б) *Одновременно занося руку назад, к поясу, к макаровской рукоятке, врезающейся под рубахой в хребет, Владимир шагнул в купе, открытое этой очередной дверью.* [Александр Кабаков. Салон (1987)]; *Посматривая друг на друга, мы одновременно выкладывали: чугунную статуэтку Музы с лирой в руке каслинского литья, плюшевого мишку, плюшевого зайку...* [Ирина Полянская. Прохождение тени (1996)].

в) *Вокруг этих слов, как вокруг магнитного поля, стягивались миллионы. Их призывали одновременно разрушать и созидать* (К. Паустовский).

При подлежащем, выраженном именем во мн. ч., которое обозначает денотативно разные лица, предметы или явления, данные конструкции могут интерпретироваться неоднозначно: подлежащее можно трактовать как один субъект относительно описываемых действий или состояний, т. е. возникает значение недискретного множества (см. об этом [4]), или как несколько субъектов, осуществляющих одновременные действия:

Исчезающие и появляющиеся изображения, казалось, существовали и отсутствовали одновременно (И. Варшавский. Молекулярное кафе); *Каждый член экипажа, закончивший непосредственную работу, приходил сюда и погружался в созерцание схем, одновременно прослушивая и подсознательно запоминая звучание и смысл слов чужого языка* (И. Ефремов. Час быка). Здесь подчеркнуто не то, что действия совершаются отдельно каждым, а одновременность действий, выраженных глаголами.

Ср. *Они подняли стаканы и одновременно покосились на спящего.* [Болмат Сергей. Сами по себе (1999)] – дискретное множество. Здесь подчеркивается, что действие *покосились* совершается каждым из лиц, обозначенных субъектом *мы*, одновременно.

Интересны случаи, когда одновременно употребляется в придаточном односубъектного СПП: *Он сделает все, что скажет эта женщина из голубой комнаты, которая одновременно учит улыбаться бывших вертухаев при помощи несмыка-*

ния рта. [Галина Щербакова. Подробности мелких чувств (2000)].

В таких примерах отчетливо видно, что *одновременно* связывает компоненты конструкции «на расстоянии» – не только дистантно в одной предикативной единице, но тогда, когда компоненты конструкции, связанные отношениями одновременности, располагаются в разных предикативных единицах, то есть при разорванной линейной цепи словесных связей.

Рассмотренные конструкции допускают преобразование в предложения с предлогом *одновременно с* только в том случае, если от одного из глаголов возможно образование отглагольного существительного, что, как известно, далеко не всегда соответствует стилистическим и словообразовательным нормам русского языка, ср.: «Одновременно с разрушением их призывали созидать» и * «... одновременно с поднятием бокалов, они покосились на спящего» и т. п.

Сравнение конструкций с наречием *одновременно* и предлогом *одновременно с* показывает различие в их синтагматике: наречие сочетается со сказуемым и деепричастиями как главным компонентом оборота, предлог – с существительным. Но в обоих случаях их лексическое значение и характер отношений между компонентами конструкции одинаковы.

Книжность оборотов с отглагольными существительными определяет малую употребительность «*одновременно с* + деепричастия» в художественных текстах, в отличие от научных, что показывают данные из «Национального корпуса...»: *Иначе говоря, Ландау предположил, что бабочка микромира имеет вид, который не изменится, если одновременно с перестановкой правого и левого поменять местами черный и белый цвета — частицы поменять местами с античастицами и правое с левым поменять местами.* [Геннадий Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода (2004)] – ср.: «...если переставить правое и левое и одновременно поменять местами черный и белый цвета...».

Наречие *одновременно* развивает и невременное значение, а именно значение ‘вместе с’, которое можно определить как сосуществование различного. Это значение не отмечено в словарях.

Такое значение возникает, если данные лексемы употребляются при обозначении признаков. Эти признаки содержатся в сказуемых или определениях, выраженных прилагательными, существительными с признаковыми, оценочными значениями, а также в обстоятельствах образа действия (характеризующих, квалифицирующих действия). Таким образом, значение сосуществования различного выражается, когда соединяются признаковые слова, независимо от их принадлежности к части речи: *Круглое дуло, высунувшееся при этом, глянуло как-то одновременно и неправдашно, киношно, но и вполне реально: вот через эту металлическую трубочку вылетит кусок металла и ударит в мое сердце, и я перестану быть.* [Алексей Слаповский. Висельник (1994)].

Данные отношения широко распространены в предложениях тождества: «*Современник*» для неё — отец, супруг и дитя *одновременно*. [Григорий Горин. Иронические мемуары (1990–1998)].

В них обычно сообщается о разных ипостасях лица или предмета, о сосуществовании противоположных признаков.

Одновременно в таких конструкциях может перемещаться от глагола-сказуемого или связки непосредственно к существительным, даже не в функции именной части сказуемого, примыкать к ним: *И мне было хорошо, оттого что у меня есть хозяин и слуга одновременно, и думала я, что буду с ним жить, сколько он захочет, и пойду за ним на край света, и стала его женщиной сразу, как только он этого захотел, и не жалею, потому что не он — был бы другой, хуже, должно быть.*

[Владимир Высоцкий. Роман о девочках (1977)].

Такое словорасположение усиливает развивающуюся служебность слова *одновременно*.

В данном типе конструкций *одновременно* легко допускает замену сочетанием *вместе с тем*, особенно если оно стоит при втором из связываемых компонентов. При другом порядке слов одновременно с подстановкой *вместе с тем* необходима перестановка компонентов: «Его апартаменты были роскошны и вместе с тем уютны»; «Круглое дуло, высунувшееся при этом, глянуло как-то неправдашно и вместе с тем киношно» и т. д.

В значении сосуществования различного конструкции с наречием *одновременно* соотносительны с конструкциями с предлогом *одновременно с* только при возможности синонимического преобразования предложения с метасловами характеристики и возможности образования от предикатов отадъективных существительных, например: *Его апартаменты были роскошны и одновременно уютны*. [Андрей Лазарчук. Тепло и свет (1990)] – «Его апартаменты одновременно с роскошью характеризовались (отличались) уютом». В целом в указанном значении конструкции с наречием и предлогом соотносительны в меньшей степени из-за стилистической ограниченности и тяжеловесности конструкций с метасловами.

Отметим, что и в прямом, и в переносном значении *одновременно* часто употребляется в парадоксальных высказываниях, сообщая об одновременном присутствии одного и того же субъекта в разных местах или о сосуществовании взаимоисключающих признаков. Это позволяет таким конструкциям служить и средством остроты в тексте, и средством создания комического: *Лестница, ведущая вверх, это одновременно и вниз ведущая лестница*. [Феликс Кривин. Хвост павлина (1981–1987)]; – *А я-то думал, что такие мужчины должны тебе нравиться. – Теперь нет мужчин, – возразила Диана. – Теперь либо фашисты, либо бабы. – А я? – осведомился Виктор с интересом. – Ты? Ты слишком любишь маринованные миноги. И одновременно справедливость*. (А. и Б. Стругацкие. Гадкие лебеди).

Рассмотренный материал показывает, что предлог *одновременно с* правомерно выделять как самостоятельный ЛСВ, развившийся на основе наречия. В отличие от наречия, предлог *одновременно с* формально образует конструкции иного типа: наречие *одновременно* употребляется в сочинительных конструкциях, *одновременно с* – в подчинительных. Наречие *одновременно с* точки зрения грамматических связей характеризуется не одной, а двумя линиями связи, благодаря чему способно выполнять функцию выражения отношений одновременности дистантно.

Конструкции с наречием и предлогом синонимичны, взаимозаменяемы, но не тождественны, при этом наречие более свободно в своем употреблении. Употребление предлога *одновременно с* ограничено словообразовательно и стилистически.

Наречие *одновременно* имеет вторичное значение сосуществования различного, которое необходимо отразить в словарях. В этом значении оно употребляется при словах со значением признака, а не со значением действия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. СО – Ожегов С. И. Словарь русского языка. 10-е изд. – М., 1973.
2. БАС – Словарь современного русского литературного языка. – М.—Л., 1950—1965. Т. 1—17.
3. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М., 1957.
4. Потапова М. Д. Семантика грамматической категории числа в свете понятия множества // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. – Т. 42. – № 2, 1983.

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ТЫ-КАТЕГОРИИ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ты-категория (далее ТК) как основной показатель антропоцентрической природы языка, закономерной ориентации языковых значений на такую референциальную сферу отражения и интерпретации, как речевая коммуникация, является многоаспектной функционально-семантической категорией (далее ФСП или ФСК). Семантическое содержание ТК раскрывается через отношение языковой единицы к референту – адресату речи, поэтому среди ее обобщенных семантических функций отмечаются идентифицирующая и характеризующая, отражающие специфику общения. С этим связано признание универсальности и многоаспектности ФСП ТК и ее речеактивный характер.

Значение адресованности является главным для ТК, однако в ее семантической структуре выявляются и другие компоненты: дейктичность, фатичность, императивность, оценочность, акциональность, образующие обобщенно-типовое семантическое значение ТК. Представляя собой явление языка и речи, ТК характеризуется прагматической силой.

ТК – это многоаспектная функционально-семантическая категория, структурированная по полювому принципу и имеющая собственное коммуникативное содержание. Семантика ТК связана с актуализацией значения адресованности в высказывании. В речевом контакте значение адресованности связано с реализацией значений императивности, контактности, оценки, выражаемых в современном русском языке системой разноуровневых языковых средств: просодических, лексических, словообразовательных, грамматических и стилистических, образующих постоянно действующую систему.

Адресованность как отнесенность данного высказывания к субъектной сфере адресата с целью воздействия на него, побуждения его к определенным вербальным и невербальным действиям и реакциям, составляет важнейший параметр внешней речи. Значение адресованности репрезентируется разноуровневыми языковыми средствами: специализированными (адресаторами), составляющими ядро, и неспециализированными (адресатотивами), составляющими периферию поля. Границы между ядром и периферией ФСП ТК подвижны. В периферийной части выделяются переходные зоны: близкую к центру периферию образуют адресатотивы активного типа, а отдаленную от центра периферию образуют адресатотивы неактивного типа. Актуализации подвергаются как ядерные, так и периферийные средства. Таким образом, основными свойствами ТК являются:

- 1) ее векторность как направленность реализуемого высказыванием содержания «наружу» – адресату, интерпретатору сообщения,
- 2) полевое строение и подвижность границ между ядром и периферией, между разными зонами периферии,
- 3) значительный пласт средств ТК составляют грамматические средства, образующие основную часть ядерной и периферийной зон,
- 4) универсальность ТК подтверждается активностью средств адресованности в стилистически дифференцированных текстах разных жанров, функционированием в устной и письменной русской речи [1].

Выявление и разработка ФСП ТК и описание коммуникативно-прагматических и функционально-семантических средств выражения значения адресованности

осуществляется в нескольких направлениях [2].

1. Исследование и описание некоторых ядерных и периферийных средств адресованности с целью исследования особенностей их функционирования и уточнения их положения на плоскости поля ТК. Так, специальный анализ частиц показал, что частицы регулярно участвуют в реализации значения адресованности, положение частиц на плоскости поля ТК зависит от их семантических и коммуникативно-прагматических свойств (разные частицы располагаются на разных участках поля ТК), от особенностей их компонентного состава и способности частиц взаимодействовать в высказывании с другими (ядерными или периферийными) средствами адресованности. Кроме того, анализ языкового материала показал, что частицы-адресатотивы регулярно без ущерба для содержания высказывания взаимозаменяемы другими частицами-адресатотивами, междометиями, вводно-контактными и вводно-модальными компонентами, императивными глагольными формами. Таким образом, частицы как средство адресованности являются полифункциональными элементами.

Перформативы и организуемые перформативами адресованные высказывания, являясь адресатотивами активного типа, актуализируют значения адресованности и императивности. Они могут структурировать некоторые императивные (приказы, запреты, распоряжения и т.д.) или неимперативные жанры (клятвы, обещания, приглашения и т.д.) и актуализировать основное содержание таких высказываний, общим значением которых является адресованность, а специфичными – типовые значения жанров (ср. приказ и запрет, клятва и обещание и т.д.).

2. Исследование стилистически дифференцированной речи с целью выявления специфичных для отдельных жанров средств адресованности, позволило установить, что не только общеизвестные жанры устного общения (комплименты, поощрения и порицания, приветствия и прощания, советы и приказы, клятвы и обещания и др.), но и такое явление, как языковая игра, основано на адресованности, которая является ее конститутивным свойством. В речи языковая игра реализуется разноуровневыми языковыми средствами адресованности (лексическими, морфологическими, синтаксическими). Реализация функционально-семантических и коммуникативно-прагматических свойств игровых элементов в составе адресованного высказывания зависит от условий, причин и целей языковой игры и определяет ее результативность по шкале: коммуникативный успех или коммуникативная неудача.

3. Исследование официально-делового общения, показало, что в некоторых жанрах предписания функционируют языковые средства, специально предназначенные для реализации значения адресованности. Выбор лексико-грамматических средств зависит от вида ситуации адресатности (самоадресатность, абсолютная адресатность, взаимная адресатность), от особенностей адресата (реальный или реально-потенциальный, сложноорганизованный, коллективный или единичный) и типа складывающихся между коммуникантами адресатных отношений (отношения равенства или неравенства). Такие средства взаимосвязаны и образуют специфическую для таких жанров речевую структуру, выражающую коммуникативно-прагматическую направленность жанров «закон», «приказ», «международный договор». Анализ текстов позволил установить, что коммуникативно-прагматическое значение официально-деловой письменной речи актуализируется на композиционно-структурном, содержательном и семантическом уровнях высказывания (текста) и проявляется в особом отборе и организации языковых средств, оформляющих структуру и реализующих семантику определенного жанра.

Изучение многообразных речевых жанров, стилистически дифференцирован-

ных текстов, выявление функционирования адресаторов и адресатотивов активно-го и неактивного типа с позиции описания репертуара средств адресованности русской речи позволил однозначно подтвердить идею о том, что средства адресованности в современной речи выполняют множество разных функций: регулирующую и структурную, оценочную и эстетическую. Адресованность является общим семантическим свойством коммуникативно-прагматическим качеством многих речевых действий, поэтому дальнейшего исследования требуют адресаторы и адресатотивы, устная разговорная и устная публичная речь, отдельные жанры речевого общения в современном состоянии и диахроническом аспекте.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Чаплыгина И.Д. Ты-категория: семантика и структура. – Петропавловск-Камчатский, 2003.

2. Скорик А.С. Место частиц в системе средств выражения адресованности. АКД. – М., 2005; Лобашевская И.С. Средства выражения коммуникативно-прагматического значения в официально-деловой речи. АКД. – М., 2006; Янченкова И.С. Адресованность в языковой игре. АКД. – М., 2006.

ОЦЕНОЧНАЯ ЭНАНТИОСЕМИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПОЛЯРИЗАЦИИ АКТУАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ

На каждом культурно-историческом этапе жизнедеятельности этноса в его информационная база актуализируются определенные смыслы (концепты), попавшие в зону повышенного социального внимания, адекватные конкретной социокультурной ситуации. На рубеже XX-XXI веков в России, в эпоху перестроечных и постперестроечных преобразований в сфере политики, экономики, идеологии и т.п., к числу актуальных, например, относятся такие концепты, как “РЕФОРМА”, “ДЕМОКРАТИЯ”, “СВОБОДА”, “НЕЗАВИСИМОСТЬ”, “СУВЕРЕНИТЕТ”, “РЫНОК”, “СОБСТВЕННОСТЬ”, “КРИЗИС”, “ИНФЛЯЦИЯ”, “ТЕРРОРИЗМ”, “КРИМИНАЛ” и многие другие.

Будучи элементами активного ментального лексикона, многие концепты подвергаются различным изменениям. Под влиянием новых квантов опыта и знания, в соответствии с современными социокультурными установками, практическими потребностями социума меняется объем их содержания, появляются новые когнитивные слои и концептуальные признаки, редуцируются неактуальные содержательные компоненты, трансформируются аксиологические составляющие. Данные модификационные процессы в структуре концептов стимулируют разнообразные изменения в сигнификативной и прагматической зонах коррелирующих с ними лексических единиц, которые являются именем актуальных концептов.

Смысловое обогащение актуального концепта, увеличение его объема за счет формирования нового базового слоя может стать причиной появления в его аксиологической зоне полярных оценок, каждая из которых соотносена с содержанием конкретного (имевшегося и появившегося, старого и нового) концептуального слоя. В таком случае изменение денотативной семантики лексемы (формирование нового ЛСВ у имени концепта) сопровождается развитием оценочной энантиосемии: каждый из двух ЛСВ слова – традиционный и новый – обладает противоположной оценочной коннотацией, манифестирующей отношение языкового коллектива к соответствующему денотату.

Например, на рубеже веков в русской концептосфере актуализировался концепт “ЭЛИТА”. Формирование демократического, цивилизованного, правового государства связывается в сознании российского социума с деятельностью национальной элиты в лице ученых, политиков, деятелей культуры и искусства и т.п. – людей высшей квалификации и профессионализма, обладающих духовным и нравственным влиянием в обществе, представляющих собой “лицо”, гордость и “совесть” нации. Благодаря им развиваются наука и культура, оптимизируется социально-экономическая, политическая, духовно-нравственная жизнь общества. Деятельность этих людей повышает престиж государства в мировом пространстве.

Слово *элита* в значении “лучшие представители общества или какой-либо его части” [1] стало частотным в научном и публицистическом дискурсе. Например: *Издательство “Наука” и журнальное агентство “Гласность” ... приступили к изданию 4-х томного справочника “Научная элита страны: кто есть кто”. 1-й том посвящен академикам и член-корреспондентам РАН. В него входят подробные справки о крупнейших деятелях ... науки (Русская речь. 1992. № 2); В экономической, политической, социальной сфере нам постоянно приходится отбирать и поддерживать в рабочем состоянии группы изделий, образцов, работников, каких-*

либо иных функционирующих элементов повышенного качества – *элиту* (Литературная газета. 1989. 31 мая).

Ядерным смысловым компонентом мыслительной единицы “ЭЛИТА” является концептуальный признак “лучший” (“повышенного качества”). Массовое сознание понимает, что в каждом обществе должны быть *лучшие* его представители – ученые, политики и другие государственные и общественные деятели, поэтому уважительно относится к научной, политической и прочей элите. Следовательно, в аксиологической зоне исследуемого концепта присутствует универсальный (общечеловеческий) положительный оценочный компонент, а прагматическая зона его вербального коррелята содержит ингерентную положительную коннотацию.

Возникновение нового класса российских собственников и предпринимателей, а также укрепление социальных позиций номенклатурно-чиновничьего аппарата в конце XX века способствовали обогащению смыслового содержания концепта “ЭЛИТА” за счет формирования в его структуре нового базового слоя, объективированного новым ЛСВ лексемы *элита* – “привилегированная верхушка общества или какой-либо его части, какой-либо группы людей” [2]. Семантическая деривация произошла в результате изменения ядерной семы: вместо семы “лучшая” в семантической структуре слова появилась сема “привилегированная” (часть общества). Данная “смена” ядерного семантического компонента детерминировала изменение оценочной коннотации лексемы.

К привилегированным слоям общества массовое сознание относит тех, кто в силу своего социального или профессионального, должностного положения пользуется разнообразными льготами и привилегиями, в личных, нередко корыстных целях использует свое служебное положение, а также тех, кто принадлежит к высокообеспеченным социальным слоям (олигархи, бизнесмены, банкиры и т.п.). Таким образом, появление нового концептуального слоя и нового ЛСВ вызвано экстралингвистическими факторами, среди которых основным является возникновение в несоциалистической России новой социальной группы – *истеблишмента* (“внешние (обычно правящие) круги общества” [3]) и нового социального слоя – “*новых русских*” (“российские предприниматели и коммерсанты, занявшиеся бизнесом в период перестройки и быстро разбогатевшие” [4]), пренебрежительно именуемых языковым коллективом *нувориши*.

Отрицательная оценочная коннотация лексемы *элита* в новом значении формируется в результате взаимодействия ядерных, эксплицитных и имплицитных компонентов в структуре слова. Кроме отрицательно маркированной эксплицитной семы “привилегированная”, новый ЛСВ существительного *элита* обладает импликационным, в равной степени относящимся к языковым единицам *истеблишмент*, “*новые русские*”, *нувориши*: социальный статус и материальная обеспеченность этих людей позволяют им занимать приоритетное положение в обществе и ключевые позиции в государственных, экономических, социально-политических структурах, влиять на общественную жизнь, обладать теми материальными ценностями и пользоваться дорогостоящими услугами, которые рядовым российским гражданам недоступны.

Данные эксплицитные (“привилегированное положение”) и имплицитные (“власть”, “деньги”, “личное благополучие”, “карьера”, “корыстолюбие”, “коррупционность”, “равнодушие (иногда презрение) к интересам своей страны”, “кастовость” и т.п.) семантические признаки мотивируют отрицательную оценочную коннотацию в прагматической зоне нового ЛСВ лексемы *элита*, которая отражает социальную оценку денотата, сформировавшуюся в интерпретационном поле концепта.

Отрицательная коннотация лексемы эксплицируется в речевых актах. Напри-

мер: Мы обнаружили ... завершающееся строительство шикарных двухэтажных особняков из белого кирпича. Здесь же построена набережная для личных моторных лодок высокопоставленной элиты руководства флота (Смена. 1991. 7 марта); Лишить детей бесплатных занятий по интересам – это значит устроить конкурс кошельков и личного статуса родителей. Это значит растить потомственную элиту, лишая других детей и подростков возможности организовать свое свободное время в соответствии с их желаниями и склонностями (Семья и школа. 1991. № 3); Дело реформ не следует поручать той или иной аморфной элите (пусть даже демократической) (Смена. 1991. 11 января); В самоустранении от общесоциальных проблем проявляется истинная природа постсоветской “элиты”. Господствующий слой новой России раздроблен на группы, которые находятся в состоянии перманентной “войны” за доступ к ресурсам и сверхдоходным производствам (Политические исследования. 2006. № 1).

Контекстное окружение лексемы – высокопоставленная элита, аморфная элита, конкурс кошельков и личного статуса, самоустранение от общесоциальных проблем и т.п. – усиливает актуализацию в речевых актах ядерных сем “привилегированность”, “материальная обеспеченность”, “равнодушие к окружающим” и эксплицирует отрицательную социальную оценку.

Итак, между двумя слоями концепта возникла аксиологическая оппозиция, которая детерминировала развитие оценочной энантиосемии между двумя ЛСВ номинирующей концепт лексемы. Противоположные оценочные суждения манифестируют ментальную реакцию социума на доминантные смысловые компоненты “лучшая” часть общества (положительно маркированный признак в первичном слое концепта) и “привилегированная” часть общества (отрицательно маркированный признак в новом слое концепта). “Лучшая” часть общества свою деятельность направляет на общественное благо, трудится в интересах страны, “привилегированная” занимается самообогащением, использует в личных целях достижения чужого труда. В публицистических текстах, посвященных изучению феномена современной элиты, журналисты целенаправленно “сталкивают” два ЛСВ лексемы элита с целью продемонстрировать диаметрально противоположное отношение массового национального сознания к разным представителям российской элиты. Например: Конечно, любому обществу необходимы “верхи” – олимпийцы, герои и полубоги. Это часть общественной идеологии, образцы для подражания, жизненные ориентиры, к которым стремится “средний человек” ... Элита – это люди власти, люди бизнеса, ученые, интеллектуалы, артисты. Героем может быть лидер, возглавивший народное движение, изменивший жизнь большинства. Военный, выигравший крупную операцию, сохранивший жизнь людям. Человек, организовавший крупное производство, давший работу многим ... Ученый, изобретший что-нибудь полезное. Деятель культуры, который помог самосознанию общества. Престижное потребление в этих случаях – плата за вклад в общественное благо. Кто составляет сегодня российскую элиту? Бюрократы, нефтяные бароны, поппсы. Процветание людей, которые не сделали никому ничего хорошего, говорит о двух вещах. Во-первых, общество еще не решило, что оно считает благом, за которое стоит дорого платить. Поэтому жирный кусок получают те, кто просто оказался в нужное время в нужном месте. Во-вторых, это богатство – шальное, текущее из трубы, а не созданное трудом, – иначе те, кто его создал, долго терпеть не стали. Поэтому паразиты могут жировать. Пока (Новое время. 2005. № 28).

Кроме того, в концептуальной и языковой картинах мира сформировалась денотативная, ментальная и аксиологическая оппозиция советская элита (со знаком “плюс”) – российская элита (со знаком “минус”): Почти все позитивные качества россияне обнаружили скорее у старой советской элиты, а почти все негативные – скорее у нынешней. Вот набор ведущих качеств, которыми характеризуется со-

*ветская элита: патриотизм, озабоченность судьбой страны (56,7 % опрошенных россиян), ответственность перед страной, народом (38,6 %), трудолюбие, работоспособность (33,9 %), образованность, профессионализм (29,7 %). А вот набор, характерный для элиты нынешней: корыстолюбие, склонность к коррупции (43,6 %), безответственность, склонность ставить личные интересы выше общественных (41,2 %), космополитизм, презрение к интересам своей страны (39,3 %), лень, зазнайство (26,9 %). Пожалуй, только в одном позитивном качестве **нынешняя элита** несколько превосходит советскую – в энергичности, инициативности, да и то, судя по всему, инициативность **элиты нынешней** направлена отнюдь не во благо страны ... Да и если сравнивать отдельные “эшелоны” элит – советской и нынешней, – сравнение однозначно в пользу элит советских. Явное преимущество имеют политики, хозяйственники, силовики, ученые, писатели, деятели культуры эпохи советской ... **нынешняя элита** неэффективна, непатриотична (Культура. 2006. 9-15 февраля).*

Аналогичная оценочная оппозиция сформировалась в прагматической зоне производного прилагательного *элитный*, каждый ЛСВ которого коррелирует с соответствующим значением лексемы *элита*. Ср.: *элитные воинские части, элитные дивизии* (“лучшие, состоящие из профессионалов”) – *элитная школа, элитное жилье, элитный микрорайон* (“предназначенный для элиты – привилегированной части общества”).

Нередко различие между “элитными” и “неэлитными” денотатами основано на дихотомии “платный – бесплатный” или “дорогостоящий – умеренный в цене”. Семы “платный”, “дорогостоящий” эксплицируют отрицательную оценочную коннотацию лексемы *элитный* (в значении “предназначенный для элиты”), манифестирующую негативное восприятие социумом экстралингвистического объекта, характеризующегося адъективом *элитный*.

Итак, смысловое развитие концепта “ЭЛИТА” (формирование нового базового слоя) не только детерминировало появление нового ЛСВ в структуре его вербальных коррелятов – лексических единиц *элита* и *элитный*, но и стимулировало развитие в прагматической зоне лексем оценочной энантиосемии вследствие разной (полярной) оценки национальным сознанием когнитивных признаков, образующих разные слои концепта.

Однако, несмотря на то, что у большинства представителей российского общества понятия *элита* и *элитный* в новом значении вызывают осуждение, у определенной части социума (например, у тех, кто сам представляет собой современную российскую элиту) оценка этих понятий может быть противоположной. В таком случае в коннотате лексем актуализируется групповая или корпоративная оценка [5], отражающая оценочные суждения определенной социальной группы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Словарь русского языка: В 4 тт. Т. 4 / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1988. – С. 758.
2. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складчиковой. – СПб., 1998. – С. 687.
3. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 2004. – С. 403.
4. Толковый словарь русского языка конца XX века ... – С. 427.
5. См., например: Комлев Н.Г. Слово в речи: Денотативные аспекты. – М., 1992; Шаховский В.И. Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград – Архангельск, 1996. – С. 80-96; Шипицына Г.М. Системные связи новых значений имен прилагательных // Филологические науки. – 2006. - № 4. – С. 69-77 и др.

ИНОЯЗЫЧНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ В РУССКОЙ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЛЕКСИКЕ XVIII ВЕКА

XVIII век обычно характеризуют как время коренных перемен в России, но его следует рассматривать и как время невиданного до этого расцвета бюрократии. Появляются новые государственные органы, административные должности и чины, усложняется делопроизводство.

С усложнением процесса делопроизводства в XVIII веке в русском языке начинают активно функционировать иноязычные наименования документов: *абшид*, *аттестат*, *билет*, *бланкет*, *диплом*, *квитанция*, *мандат*, *мемориал* (*мемория*), *пас*, *паспорт*, *патент*, *промемория*, *рапорт*, *реверс*, *реестр*, *реляция* и многие другие. И это наряду с исконными *ведомость*, *ведение*, *выписка* (*выпись*), *грамота*, *кабала*, *крепость*, *отпись*, *память*, *прокормешная*, *пропуск*, *ропись*, *сказка*.

Слово *абшид* (*апшитъ*, *абшитъ*) появилось в русском языке в первом десятилетии XVIII в. как заимствование из немецкого (нем. *Abschied* — ‘прощание, отставка’), посредником при заимствовании выступил польский язык (полск. *ab-szyt*). *Такожде никому, какъ офицеру, такъ и другимъ, не позволяется отъ службы отстать, и своего абшиду [отпуску] просить, когда войско изъ квартиръ выстунитъ* [1]. «Лексикон вокабулам новым по алфавиту» [2] определяет значение слова как ‘отпускное письмо из службы’ [приписка Петра I]. Однако в начале своего существования в русском языке *абшид* «употребляется в самых разнообразных контекстах, свидетельствующих о расплывчатости и неопределенности его семантических границ» [3]. «Словарь русского языка XVIII века» [4] отмечает следующие значения: 1. *Отставка, увольнение от службы, а также письменное свидетельство об отставке*. 2. *Письменное разрешение на выезд за границу, пропуск*. 3. *Прощание, отставка*. Ср. во втором значении: *А безъ Государственной печати абшидовъ никому приѣзжимъ иноземцомъ отнюдь не выдавать, и безъ абшидовъ изъ Российского Государства никому нигдѣ не пропускать* (1712 г.) [5]. В «Новом словотолкователе...» Н. М. Яновского (1803 — 1806) приводится еще одно значение: «в Германии и в Немецких Российских губерниях по тяжёлым делам значит последнее или окончательное решение» [6]. С течением времени за словом *абшид* закрепилось только значение ‘увольнение от государственной службы’. *А когда служилые отслужи, а купеческие исправя купечество, будутъ требовать абшитовъ, и тѣмъ абшиты давать изъ Колегей, кому изъ которой надлежитъ* (1719 г.) [7].

Из немецкого или польского языка (возможно, непосредственно из латинского) при Петре I заимствуется слово *реверс* (нем. *Revers*, польск. *revers*, лат. *reversus*) — ‘письменное обязательство, расписка’. *Взять прежде писмянной за ихъ руками реверсъ, что у нихъ въ провинции воровъ и разбойниковъ ... нѣтъ* (1719) [8: 168-169]. В указанном значении слово *реверс* дублировало исконно русское слово *расписка*.

В начале XVIII века из французского языка заимствуется слово *мемориал* (франц. *memorial*) — ‘прошение; дневник; доношение’ [8]. *В поданном мемориале в штатс кантору калегею за рукою штатс камисара Карлуса Принценстерна написано...* (1718, 248, 11, 605, 6) [9]. В делопроизводстве XVIII века документ с таким названием использовался для сношения нижестоящих государственных учреждений (или лиц) с вышестоящими и представлял собой выписку из журналов о слушанных и решенных делах.

Приблизительно в это же время в русском административном словаре появ-

ляется *промемория* (польск. *promemorja* < лат. *promemoria*) — ‘памятная записка’. *Промемории* и указы посланы были токмо ис тѣхъ мѣстъ (1739, 214, 1/8, 5320, 1). На практике *промемории* использовались для связи между равными по положению органами власти. И по тѣмъ Ево прошениямъ ис каморъ коллегии въ Преображенской приказъ послана *промемория* (1730, 248, 11, 612, 25). Сравним слово *промемория* с исконно русским *память* — ‘общее название письменных сообщений, деловых записей, документов различного характера, обычно применявшихся при сношениях не подчиненных друг другу учреждений и лиц’. *Секретарем и дьякамъ, велено подписывать дѣла тѣ, которые не подлежатъ решению, яко суть слѣдующие: здѣ лать выпускъ, послать память* (1718, 248, 2, 58, 11).

Представляет интерес судьба слова *реляция*. Оно входит в русский язык из латинского через посредство польского (лат. *relatio* ‘сообщение, доклад’, польск. *relacja*). *Секретар которой в коллегии докладываетъ збираетъ всѣ указы, грамоты, писма, мемориалы, реляции отписки и прочее* (б/г, 9/1, 2/1, 33, 340). Первоначально оно используется в русском языке в значении, свойственном ему в языке-источнике, — ‘сообщение, доклад вообще’. В рукописном «Лексиконе вокабулам новым по алфавиту» [2: 61] *реляция* толкуется как ‘ведомость, доношение’. Сравним: *И особливыхъ референдарировъ при томъ определить, которые по своимъ департаментамъ обо всехъ въ каммер коллегии приходящихъ материяхъ надлежащие реляции подают имѣютъ* (1718, 248, 2, 58, 72). Параллельно со значением ‘сообщение, доклад вообще’ у слова *реляция* развивается значение ‘донесение о военных действиях’. *Пред симъ получили мы вѣдомость изъ Финландии отъ господина адмирала графа Апраксина ... что в Финландии неприятельская армия стоящая близъ Тавастъ густа с помощью Божию розогнана, а какимъ образомъ оное учинено и сколько чего взято тому прилагаетца при семъ печатная реляция* (1713, 1451, 1, 6, 128). Именно это узкое значение закрепилось за словом в русском языке.

В XVIII веке одно и то же слово могло входить в русский язык сразу из нескольких языков, что нашло отражение во многих памятниках письменности того времени. Показательный тому пример — история слов *рапорт* и *паспорт*.

В русском языке XVIII века слово *рапорт* имело значение ‘служебное или официальное сообщение, донесение о чем-нибудь’ [10]. Оно могло войти в русский язык из польского [8: 252] (ср. польск. *raport* ‘рапорт; ведомость’), но такая форма в исследованных нами памятниках деловой письменности XVIII века не встретилась ни разу, хотя словари этого столетия фиксируют именно ее. Встречается же форма *репорт*. *Ежели [главный магистрат] усмотритъ, или изъ репорттовъ [или доношений] увѣдомится* (1721, 10, 2, 272, 5); *Послѣди же должны изъ всѣхъ городов ... свои генеральные и партикулярные репорты [или вѣдомости] присылать* (там же); *А какимъ образомъ канцеляриею оное учинено о томъ объяснила в означенномъ репортѣ* (1784, 263, 1/3, 3298, 2). То же — в производных: *На сие отъ серпуховскаго воеводы Спиридонова репортовано* (1773, 6, 1, 415, 11/об). Такая форма могла быть заимствована русским языком только из английского (англ. *report* ‘рапорт’). Источником же обеих форм — *рапорт*, *репорт* — является французский язык (франц. *rapport* ‘рапорт; донесение’), откуда слово вошло в другие языки либо непосредственно, либо через посредство немецкого (нем. *Rapport* ‘рапорт, доклад’). Говорить о непосредственном вхождении слова *рапорт* в русский язык нельзя, хотя изредка в документах XVIII века встречается форма *раппорт* (сравним с удвоенным *p* в немецком и французском языках). *Тѣ раппорты доношения или представления которыя из Сенату и другихъ коллегей или канцелярей приходятъ могутъ и до вершения Тайного совѣта та надлежатъ* (1726, 16, 1, 11, 3).

Постепенно форма *рапорт* вытесняет все остальные и сохраняется до наших

дней.

Еще в первой половине XVII века [11] в русский язык входит слово *паспорт* со значением ‘документ на выезд из места постоянного проживания, в особенности за границу’. Но если в XVII столетии слово употребляется в единичных случаях, то в XVIII веке оно получает широкое распространение.

Паспорт — заимствование из французского языка (франц. *passport*). И. И. Огиенко (см. указанную работу) фиксирует форму *пашпорт*, она же приводится в «Словаре русского языка XI — XVII вв.» [12]. Налицо — посредничество польского языка (польск. *paszport*), где сочетание согласных *sz* соответствует русскому *ш*. Именно эта форма широко употреблялась на протяжении всего XVIII века. *Чтобъ никто никуда безъ пашпортовъ ... не ѣздили, и не ходили, но каждой бы имѣлъ отъ начальниковъ своихъ пашпортъ* [7: 167]; *А по данному оному Бабкину пашпорту ни у какихъ дѣл быть не велено* (1731, 248, 11, 612, 751).

Параллельно с формой *пашпорт* в русском языке XVIII века употребляется и форма *паспорт* (нем. *Paßport*), вошедшая в русский язык в начале XVIII века, а также более новая — *пас* (нем. *Paß*) — ‘паспорт; вид, свидетельство, лист или письмо для проходу или проживания’ [13]. Здесь — посредничество немецкого языка. *И сказывалъ ему что онъ имѣетъ изъ серпуховскаго магистрата паспортъ* (1774, 6, 1, 415, 11); *А въ той канцелярии оныхъ допрашивать, откуда кто приѣхалъ, и для чего, и съ какими пасами* [7: 81]. Гораздо реже встречается форма *пашепорт*. *Когда въ Коллегияхъ кому изъ иноземцовъ, вѣлено дать будетъ пашепортъ, и въ тѣхъ пашепортахъ описывать имянно...* [7: 429]. Возможно, здесь сказалось влияние французского языка (франц. *passport*) и польского (польск. *paszport*) одновременно. Характерно, что сам документ, из которого взят данный пример, называется «*О пашпортахъ иноземцомъ съ сроками*».

За пределами данной статьи оказались многие слова, которые вошли в русский язык в XVIII веке и прочно в нем закрепились, а также те, что стали «однодневками», не выдержавшими испытания временем.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Артикул воинский купно с процессом надлежащий судящим. — СПб., 1715. — С. 53.
2. Лексикон вокабулам новым по алфавиту. Цит. по изд.: Обнорский С. П., Бархударов С. Г. Хрестоматия по истории русского языка. — М., 1948. — Ч. 2. — С. 49.
3. Биржакова Е. Э., Воинова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии XVIII века. Языковые контакты и заимствования. — Л., 1972. — С. 258.
4. Словарь русского языка XVIII века / Под ред. Ю. С. Сорокина. — Л., 1984. — Вып. I. — С. 11.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. — СПб., 1830. — Т. III. — С. 241.
6. Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. — СПб., 1803 — 1806. — Ч. I. — С. 12-13.
7. Копии Его Царского Величества указов, состоявшихся в 1719 и в 1720 годах. — СПб., 1721. — С. 82.
8. Смирнов Н. А. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. — СПб., 1910. — Т. 88, № 2. — С. 193.
9. Здесь и далее цифры в скобках обозначают по порядку: год, номер фонда Российского государственного архива древних актов (РГАДА), номер описи, номер единицы хранения, номер листа). Орфография и пунктуация подлинников сохранены.

10. Российский, с немецким и французским переводами, словарь, соч. Иваном Нордстетом. – СПб, 1780-1782. – Ч. 2. – С. 700.

11. Огиенко И. И. К вопросу об иностранных словах, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого // Русский филологический вестник. – Варшава, 1911. – Т. 66, №№ 3 – 4.

12. Словарь русского языка XI — XVII вв. / Под ред. Г. А. Богатовой. – М., 1975 и посл. – Вып. 14. – С. 182.

13. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – СПб. – М., 1880 – 1882. – Т. 3. – С. 22.

О ТЕМПОРАЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ КОНСТРУКЦИЙ С НАРЕЧИЯМИ КОГДА-ТО, НЕКОГДА, КОГДА-НИБУДЬ

Временные отношения пронизывают все синтаксические конструкции: в любой из них непременно осуществляется соотнесение высказываемого с действительностью, презентуется и отношение к ней говорящего субъекта. Недаром проблема времени признается всеми исследователями проблемой мировоззренческой – временные изменения необходимы для осмысления самой жизни. Как пишет Н.Д. Арутюнова, слова времени непосредственно указывают «на присущие им коннотации, которые демонстрируют неотделимость времени от жизни человека и природы» [1]. Говорящий выражает субъективно-психологическое представление о времени: осознает происходящее, оценивает его, формулирует ожидаемые события, переводит явление в мир воспоминаний или в гипотетический мир новых ментальных состояний, в том числе и с помощью наречий времени. В стихотворении, посвященном Борису Васильеву, Роберт Рождественский писал: *«За датой – дата. Простой человеческий путь... Все больше «когда-то». Все меньше «когда-нибудь».* Здесь житейское индивидуальное время осмысливается как нечто ограниченное, но самое ценное и невозполнимое – время человеческой жизни.

Наречия с семантикой времени способны давать субъективную, вовсе не конкретную, неопределенную темпоральную оценку действию. Логико-понятийная интерпретация неопределенных местоименных наречий вполне очевидна: они отсылают в другое время. Ретроспектива рисуется с помощью наречий **КОГДА-ТО** и **НЕКОГДА**: *Когда-то* веселей я славил на заре своих цветущих дней законы сладкие любви и наслажденья (Е. Баратынский); <...> *когда-то* в Омске у большой реки мальчишка жил (Р. Рождественский); *В этом-то Снегиреве жил некогда священник отец Иван, известный своей начитанностью, образованностью и, как я сказал бы теперь, широтой взглядов* (В. Солоухин); перспектива – посредством наречия **КОГДА-НИБУДЬ**: *А если когда-нибудь в этой стране воздвигнут задумают памятник мне, согласие на это даю* <...> (А. Ахматова); *Когда-нибудь мы вспомним это, и не поверится самим, а нынче нам нужна одна победа* <...> (Б. Окуджава).

Значение времени в этих наречиях свойственно слову как лексеме. Как отмечено в малом академическом словаре, **КОГДА-ТО** выступает в двух значениях: 1. Некогда в прошлом. 2. Неизвестно когда в будущем, еще нескоро; **НЕКОГДА** характеризуется следующей семантикой: 1. Когда-то, давно, в прошлом. 2. Когда-нибудь в будущем; **КОГДА-НИБУДЬ** имеет одно лексическое значение – в какое-нибудь время [2]. Приведенные значения анализируемых наречий свидетельствуют, что они могут находиться в синтагматической связи с глаголами и прошедшего, и будущего времени, выражая при этом разные темпоральные отношения. В глаголе проецируется возможное для него семантико-синтаксическое окружение, поэтому смысловая соотнесенность между временным наречием и глаголом выступает основой установления их синтаксических связей.

Как показывает обследованный материал, в синтаксических конструкциях с наречием **КОГДА-ТО** релевантной становится целевая направленность на сохранение и воспроизведение в сознании говорящего субъекта прежних событий и впечатлений. Такие конструкции ориентированы относительно прошлого.

КОГДА-ТО реализует свое первое лексическое значение, сочетаясь с глаголами прошедшего времени: предшествование моменту речи является тем интегральным

семантическим признаком, который объединяет все временные формы прошедшего времени. При взаимодействии с глаголами в форме прошедшего времени несовершенного вида обозначается действие, локализованное во времени: *Когда-то юная Ольга поражала воображение своих многочисленных поклонников прозрачной ледяной синевой своих огромных глаз* (М. Юденич); *<...> и время то, что он когда-то тратил, в конце концов почти что наверстал* (Р. Рождественский); *Там, где когда-то возвышалась арка, где море билось, где чернел утес, – их выпили в вине, вздохнули с пылью жаркой и с запахом бесшумных роз* (А. Ахматова); *Мне о том рассказывали сосны по лесам, в окрестностях Ветлуги, где гулял когда-то Ляля грозный, сея страх по всей лесной округе* (Н. Рубцов).

В контекстах с формами глаголов прошедшего времени совершенного вида наречие способствует репрезентации аористивного значения: *Вверху, в комнате, где я когда-то родился, в так называемой «середней», разместилась контора вновь образовавшегося совхоза* (В. Солоухин); *Когда-то тот, кто первый пришел на это место, поставил на своей десятине крест с кровелькой, призвал попа и освятил «Покров пресвятой богородицы»* (И. Бунин).

В сочетании КОГДА-ТО с экзистенциальным глаголом, характеризующимся ослабленным лексическим значением, временная семантика подкрепляется отношениями локализации и посессивности, недостаточность глагола задает «и смысл и форму восполняемого» [3]: *Когда-то, еще при покойном деде, на лаврухинской усадьбе была лучшая пасека <...>* (И. Шмелев); *Когда-то имя было у нее* (А. Тарковский); *Дошел до большого омута, «монастырского», – дорожка к монастырю тут, – где когда-то, и сам не помнил, была запруда* (И. Шмелев).

Приведенная в словаре семантическая характеристика лексемы НЕКОГДА свидетельствует о том, что она находится в синонимических отношениях с КОГДА-ТО, что и ей присуща установка памяти. Однако в сочетании с глагольной формой прошедшего времени несовершенного вида, обозначающей действие в его неограниченной повторяемости, НЕКОГДА дальше отстоит от момента речи на временной оси, чем наречие КОГДА-ТО: *Я нашел теплый придел, где некогда висели иконы «старинного греческого письма», увидел деревянные перекладины, тябло иконостаса, смог составить представление, каких размеров были иконы, но легче мне от этого не стало* (В. Солоухин).

Свое второе лексическое значение КОГДА-ТО и НЕКОГДА выражают в синтагматической связи с глаголами в форме будущего времени: *Думать сейчас, что будет когда-то, потом, никому не хотелось* (Г. Марков); *Все это симптомы тех страстей, которые должны будут, по-видимому, заиграть некогда в ее молодой душе* (И. Гончаров).

Лексическая семантика слова КОГДА-НИБУДЬ ориентирована на прогноз, на предсказание хода и результата каких-то явлений: *Когда-нибудь ужасной будет ночь* (Н. Рубцов); *Я когда-нибудь тоже стану большим. Как небо. А может, как папа даже* (Р. Рождественский). Именно поэтому КОГДА-НИБУДЬ употребляется только в контекстах с глаголами в форме будущего времени или в безглагольных предложениях: *Когда-нибудь не будет зарослей над речкой* (И. Северянин); *И нет «когда». А сплошь – «когда-нибудь»* (Р. Рождественский). Будущее событие мыслится как предполагаемое или необходимое, обязательное, совершения которого требуют. Говорящий ожидает желаемого, зачастую благоприятного исхода потенциального события, в возможности осуществления которого он уверен. Поэтому глагол в форме будущего времени совершенного вида обрастает коннотативными смыслами предсказания: *<...> когда-нибудь в сказочном свете без признаний, стихов и слов красным солнышком на рассвете просияет твоя любовь* (П. Николай-

чик). Как отмечает Е. В. Падучева, говорящий как бы забегают вперед и приоткрывает то, что скрыто «завесой времени» [4]: *Поэтому обращаюсь ко всем, с кем когда-нибудь где-нибудь мне придется разговаривать: граждане соотечественники, люди добрые, проверяйте у меня документы!* (В. Солоухин).

Анализ конструкций, содержащих в своем составе исследуемые темпоральные наречия, убедил нас в том, что семантика временной неопределенности не является для них чужеродной. Временное наречие *НЕКОГДА* тесно взаимосвязано с субъектом, с его точкой зрения, а вопросительная интонация, служащая средством презентации неопределенного значения синтаксического времени, ирреальной модальности и эмоционально-экспрессивной окраски предложения, только подчеркивает эту связь: *Небо Италии, небо Тарквата, прах поэтический древнего Рима, родина неги, славой богата, будешь ли некогда мною ты зрима?* (Е. Баратынский); – *Но из чего видно, что некогда у вас была церковь?* (В. Солоухин).

КОГДА-НИБУДЬ легко сочетается с глаголами в форме императива и конъюнктива, ирреальное категориальное значение которых согласуется и с лексической семантикой наречия, и с семантикой временной неопределенности всей конструкции: *Слишком сладко земное питье, слишком плотны любовные сети. Пусть когда-нибудь имя мое прочитают в учебнике дети* (А. Ахматова); *Я предала тебя. И это повторять – о, если бы ты мог когда-нибудь устать!* (А. Ахматова). В побудительном предложении проявляется эмоциональная сфера человеческой деятельности, поскольку говорящий, выражая свои волю, ментальные состояния и чувства, определяет будущее поведение третьего лица – тех, кто не принимает участия в общении. Экспликация оттенка пожелания способствует особый характер адресата в предложении с глаголом в форме третьего лица с частицей *пусть*. В предложении с формой сослагательного наклонения в значении гипотетического условия и возможности абстрактность выражаемой ситуации препятствует однозначной временной квалификации события, а неопределенное наречие только подкрепляет значение синтаксического времени – временную неопределенность. Еще пример: *Берег мой, берег ласковый, ах, до тебя, родной, доплыть бы, доплыть бы хотя б когда-нибудь* (Р. Рождественский).

Наблюдения над языковым материалом показывают, как наречия способствуют антропоцентричному, активному, а порой и драматичному изображению событий во времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Арутюнова Н.Д. От редактора // Логический анализ языка. Язык и время. – М., 1997. – С. 10.
2. Словарь русского языка: В 4-х т. – Т. 2. К – О. – М., 1983. – С. 66-67, 450.
3. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982. – С. 163.
4. Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М., 1996. – С. 369.

ОТТАЛКИВАНИЕ КАК ФАКТОР СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЛЕКСЕМ С КОРНЕМ *БЫ-* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В современном русском языке есть много примеров, когда производное слово утрачивает свои семантические связи с производящим элементом или развивает на основе имеющихся значений новые дополнительные варианты. В этом случае принято говорить о типах расширения семантического значения слова, которые сводятся к двум типам: *семантическое притяжение* и *семантическое отталкивание*.

Семантическое притяжение основывается на «общности одного и того же признака в разных лексемах. Эти признаки могут носить как содержательный, так и формальный характер, но, безусловно, они будут характеризовать единицу уровня языка» [1]. В результате **семантического отталкивания** расширяется семантическое или стилистическое поле той или иной лексической единицы.

Глагол *быть*, ничем не примечательный на первый взгляд, окажется для нас, в конце концов, любопытным и интересным, так как он является одним из самых продуктивных и своеобразных слов русского языка, он привлекает к себе внимание и категориальной важностью в системе выражения действия, и особенностями спряжения, и многочисленными прямыми и опосредованными словами-родственниками.

Он является основой для образования огромного количества слов, семантическое значение которых трудно сопоставить с исходной формой, не проводя полного системного структурно-семантического анализа.

Глагол *быть* – общеиндоевропейский по происхождению, первоначальным является значение: ‘пухнуть, разбухать; расти, произрастать’. Позже глагол *быть* развивает отвлеченное значение ‘становиться, быть’, которое сформировалось как вторичное, связанное с трансформацией семантической структуры слова [2].

В современном русском языке лексико-семантическая структура многозначного глагола *быть* представлена следующими основными значениями: 1) ‘существовать’; 2) ‘находиться, присутствовать’; 3) ‘происходить, совершаться, случаться’; 4) ‘приходить, приезжать куда-либо; посещать кого-либо’; 5) ‘иметься’; 6) ‘создаваться, появляться, открываться’ [3, 4].

В русском языке от данного глагола образовался ряд слов, которые в настоящее время не входят в словообразовательное гнездо с доминантой *быть*, а образуют свои самостоятельные гнезда и являются семантически независимыми от исходного производящего глагола.

Изучение производного слова позволяет увидеть в русском языке богатое разнообразие словообразовательных моделей, а словообразовательный анализ, «при котором учитываются структурно-семантические отношения, возникающие между производящим и производным словом, выявляет общие закономерности номинации реальных, выполняющих одну и ту же или разные функции, но имеющих определенную связь с одним и тем же исходным понятием» [5].

Рассмотрим несколько лексем, которые, являясь производными от глагола *быть*, сохраняют архисему производящего глагола, однако в смысловой структуре этих глаголов наблюдается процесс расхождения семем, или процесс семантического отталкивания членов смысловой парадигмы слова. При этом производный глагол полностью исключает семантическую структуру производящего слова и развивает новые лексические значения, не имеющие общих пересечений с исходными сема-

ми. Например, глагол *забыть* образован от глагола *быть* префиксальным способом (*за – быть*), основными значениями которого являются [4]:

1) ‘перестать помнить, утратить воспоминание о ком-либо, чем-либо’ /*Понемногу я забыл о нем, разгорячился и читал с жаром, с увлечением.* Тургенев, Фауст/; в сочетании с союзом *что* глагол *забыть* выступает в значении ‘упустить из виду; не вспомнить в нужный момент’ /*На лестнице вспомнила с досадой, что забыла запереть дверь.* Каверин, Два капитана/; в качестве смыслового оттенка данного значения выступает вариант ‘не посчитаться с чем-либо, пренебречь чем-либо’ /*Ты для него забыла честь, Родных и бога.* Пушкин, Полтава/;

2) ‘случайно оставить, не захватить с собой’ /*Простаясь со всем семейством, мы отправились по домам. Но я нарочно забыл свою шапку и воротился за нею.* Пушкин, Капитанская дочка/;

3) ‘оставить в пренебрежении, без надзора; забросить’ /*Корсет, альбом, княжну Алину, Стишков чувствительных тетрадь Она забыла; стала звать Акулькой прежнюю Селину И обновила наконец На вате шлафор и чепец.* Пушкин, Евгений Онегин/.

Ни одно из представленных значений не имеет общих семантических множителей с лексической структурой исходного глагола *быть*, как и составляющие данное словообразовательное гнездо [6] с доминантой *забыть*, в которое входят такие лексемы как *забвение, забывчивость, забытьё, забыться, забываемый, подзабыть, позабыть* и др. Все они находятся в определенной связи с одним и тем же исходным понятием, т.е. с одной стороны, в центре у всех лексем одна корневая морфема *бы-*, с другой – архисема *бытия (существования), определенного состояния*, которая актуализируется в дериватах с этой корневой морфемой, с третьей, наблюдается полное семантическое отталкивание.

Аналогичным примером может служить производный глагол *сбыть*, образованный префиксальным способом от глагола *быть* (*с-быть*) и выступающий в современном русском языке в следующих значениях [4]:

1) ‘найти покупателя чему-либо, продать’ /*Как-то раз на базаре у меня остался один только скворец, которого я долго предлагал покупателям и, наконец, сбыл за копейку.* Чехов, Моя жизнь/;

2) *разг.* ‘устроить, пристроить куда-либо, стараясь избавиться, отделаться от кого-либо, чего-либо’ /*Барин соперника в рекруты сбыл.* Н. Некрасов, Кому на Руси жить хорошо/. В данном значении слово имеет стилистические ограничения употребления в литературном языке и используется преимущественно в живой, разговорной речи. В качестве смыслового оттенка этого значения выступает вариант ‘избавиться, отделаться от кого-либо, чего-либо’ /*Все беды избыли, разлучницу сбыли, жить нам только, радоваться.* Л. Толстой, Власть тьмы/;

3) ‘понизиться в уровне, пойти на убыль (о поднявшейся воде)’ /*Назад Левин поехал через ручей, надеясь, что вода сбыла.* Л. Толстой, Анна Каренина/; как вариант – *разг., устар.* ‘спасть, уменьшиться (о жаре, зное)’ /*Пробовал он также соснуть, авось часа через два жар сбудет, – нет, не спится.* Григорович, Переселенцы/. В данном случае мы также можем говорить и о семантическом сдвиге, и о расширении стилистического поля лексемы *сбыть*.

Все значения глагола *сбыть* являются самостоятельными, независимыми и не пересекающимися со значениями глагола *быть*. В словообразовательное гнездо с доминантой *сбыть* входят лексемы *сбывание, сбыв, сбыт, сбытовик, сбытчик, сбытие, сбытовой* и др., подтверждающие тот факт, что произошло полное отталкивание сходных по структуре (у всех слов в структуре сохраняется корень *бы-*) лексических единиц.

Семантическое отталкивание наблюдается и у глагола *добыть*, который образован префиксальным способом от глагола *быть* (*до-быть*) и функционирует в значениях [4]:

1) ‘достать, разыскать, получить’ /*Стоят на той поляночке Две старые сосны, Под этими под соснами Закопана коробочка. Добудьте вы ее.* Н. Некрасов, Кому на Руси жить хорошо/; в качестве смысловых оттенков выступают варианты ‘приобрести трудом, заработать’ /*В расчете добыть денег Бурмакин задумал статью: «О прекрасном в искусстве и в жизни».* Салтыков-Щедрин, Пошехонская старина/ и ‘получить, охотясь’ /*В 1929 году в Уссурийском крае было добыто две тысячи четыреста соболей.* Арсеньев, Охота на соболя/;

2) ‘извлечь из недр земли (полезные ископаемые)’ /*Камчатка получит дешевую соль, которую мы здесь добудем.* Горбатов, Здесь будут шуметь города.../ и оттенок этого значения – ‘извлечь, получить что-либо с помощью опытов, путем производственных процессов’ /*В пробирке сухие оранжевые хлопья треххлористого йода. Максим добыл его, пропуская хлор сквозь кипящие йодистые соединения.* Бек, События одной ночи/.

В словообразовательное гнездо с доминантой *добыть* входят лексемы *добывание, добыча, добычь, добытчик, добыток, раздобыть* и др., в семантической структуре которых значения не совпадают, не дублируют лексические значения производящего глагола, хотя во всех лексемах сохраняется архисема *бытие (появление)*.

Таким образом, в современном русском языке семантическое отталкивание выступает своеобразным движителем развития семантической структуры слова. Обращаясь к внутренней форме слова, мы открываем для себя и то, что принадлежало ему, и то, что образовалось в истории русского языка, – ту архисему, которая совместила в своей структуре синхронно-диахронные особенности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Войлова К.А. Судьба просторечия в русском языке. Монография. – М., 2000. – С. 37.

2. Этимологический словарь русского языка. Автор-составитель Н. М. Шанский. М., 1965. – Том 1 (Б), выпуск 2. – С. 65.

3. БАС – Большой академический словарь русского языка. – М. – СПб., 2005. – С. 295.

4. МАС – Словарь русского языка: В 4-х томах. – М., 1957. – С. 159, 681 (1 том); С. 49 (4 том); С. 556 (1 том).

5. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М., 2002. – С. 15.

6. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х томах. – 2 изд., стер. – М., 1990.

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МОДУСА МНЕНИЯ В КОНСТРУКЦИЯХ ВЫВОДА-ОБОСНОВАНИЯ

Свойством русского языка является то, что наличие в предложении формально-грамматического показателя, маркирующего соответствующую разновидность отношений, зачастую может неоднозначно декодироваться. Это значит, что одно и то же средство выражения способно передавать различные значения. Иллюстрацией этого могут служить сложноподчиненные предложения с союзом **потому что**. Союз **потому что** сигнализирует о наличии в предложении причинно-следственных отношений и маркирует компонент предложения (предикативную часть), содержательно квалифицируемый как «причина». Однако союз **потому что** не конкретизирует вида причинной обусловленности [1]: он способен воплощать не только причину события, но и причину суждения (вывода). Этот функционально-семантический дуализм обусловил выделение двух типов сложноподчиненных предложений: 1) конструкций, выражающих отношения собственно-причинные, напр.: *Я надел старую шинель и взял зонтик, потому что шел проливной дождь* (Н. Гоголь); 2) конструкций, выражающих отношения несобственно-причинные (причинно-аргументирующие), напр.: *Настоящее сопрано – лирическое сопрано, потому что тут надо голос, умение и музыкальность* (Н. Римский-Корсаков) (примеры взяты из АГ-80, т. 2, с. 577, 578).

Семантическая структура несобственно-причинных (причинно-аргументирующих) сложных предложений включает два соотносительных смысловых компонента: 1) вывод (закключение) и 2) обоснование (аргумент, довод), связанных причинным союзом. Компонент «обоснование», «отмеченный» союзом, не выражает объективной причины некоего события или явления, а служит мотивацией вывода, суждения мыслящего субъекта, манифестированного в главном предложении. Семантическое своеобразие отношений вывода-обоснования состоит именно в том, что это сознательно у с т а н а в л и в а е м ы е логически мыслящим субъектом отношения; это и противопоставляет их собственно причинным отношениям. При этом если семантический компонент «вывод» представляет собой субъективную версию, гипотезу говорящего, то компонент «обоснование» воплощает фрагмент реального мира. В этом смысле можно утверждать, что в предложениях вывода-обоснования подчинительный союз маркирует не «причину» явления или факта, а «причину» мнения, суждения. Выраженное мнение предполагает присутствие субъекта сознания и речи.

Итак, несобственно-причинные сложные предложения являются примером субъективной мотивации причинно-следственных связей между человеческим сознанием и явлениями и фактами объективного мира [2]; для них мы избираем термин «конструкции вывода – обоснования».

Познавательная деятельность человека, как и любая другая деятельность, находит отражение в языковых средствах: типы познавательной деятельности могут быть представлены глагольными лексемами (*изучать, анализировать, классифицировать* и др.) и девербативами (*наблюдение, сравнение, обобщение, систематизация* и т.д.), сам переход от незнания к знанию фиксируется в вопросно-ответных единствах.

Когда в процессе познания соединяются разные типы ментальной деятельности одного субъекта, то принято говорить о двух типах мышления – индуктивном и

дедуктивным. При переходе от наблюдения к теоретическому обобщению говорят об индуктивном мышлении, и наоборот: если обобщение строится на основе наблюдения и предваряется им, такой способ мышления квалифицируется как дедуктивный.

В процессе познания мыслящий субъект устанавливает отношения между явлениями, фактами, событиями объективного мира. Если эти события располагаются на одной временной оси, то для познающего возможно как ретроспективное, так и перспективное их соотнесение, т.е. взгляд либо из настоящего в прошлое, либо из настоящего в будущее.

Все эти и многие другие типы мышления находят свое отражение в синтаксической системе русского языка. В частности, дедуктивное мышление в сочетании с ретроспективным способом познания воплощается конструкциями вывода-обоснования (далее – КВО).

В КВО, оформленных как сложноподчиненное предложение, **вывод**, представленный в главном предложении, и **обоснование**, манифестируемое придаточной частью, соединяются посредством причинных союзов. В синтаксических работах, посвященных анализу СПП, в течение длительного времени существовало и поддерживалось большинством лингвистов мнение о синонимии причинных союзов [3; 4]. В конце 60-х – начале 70-х гг. возрастает интерес языковедов к проблеме служебных слов и, в частности, причинных союзов. Результаты многочисленных исследований, посвященных изучению причинных союзов, нашли воплощение в Русской грамматике, разграничившей две группы союзов, реализующих отношения причинения: 1) союзы недифференцированного значения, которые не способны вне контекста однозначно дифференцировать характер причинных отношений: **потому что**, **потому как** (прост.), **потому** (прост.), **так как**, **поскольку**, **раз, раз что** (устар.), **ибо** (высок.), **ведь** (союз-частица, разг.) и 2) союзы дифференцированного (специализированного) значения: **оттого что**, **из-за того что**, **ради того что**, **благодаря тому что**, **затем что** (устар.), **через то что** (прост.), **для того что** (устар.), **благо** (устар.), **как** (устар. и прост.), книжные и официальные: **вследствие того что**, **в результате того что**, **в силу того что**, **на основании того что**, **исходя из того что**, **по причине того что**, **по той причине что**, **в связи с тем что**, **ввиду того что**, **под видом того что**, **под предлогом того что**, **тем более что**, **тем паче что** (устар. и ирон.) [5]. Однако и после выхода в свет «Русской грамматики» семантика и функционирование причинных союзов привлекают внимание лингвистов. Так, была отмечена связь семантики союзных средств с пресуппозицией – не выраженной непосредственно, но содержащейся в предложении информацией [6; 7]. Применение пресуппозиционного анализа позволило А.Н. Латышевой обнаружить коммуникативные различия между конструкциями с расчлененным **потому что** и нерасчлененным **потому что** [8].

Л.Н. Иорданская называет причинные союзы иллокутивными, имея в виду выполняемую ими функцию [9]. Наблюдение над использованием отдельных союзных средств (союзных аналогов, по терминологии Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина) позволило В.И. Подлесской выделить функциональную группу **резюмтивных** союзов, которые, с одной стороны, определяют тип имплицативного отношения между предикативными частями в составе сложного предложения (причинно-следственные, условные, уступительные), а с другой стороны, – осуществляют **резюмпию**, т.е. анафорическую отсылку ко всей предшествующей предикации, а не к одной из ее составляющих [10]. Возможность вхождения в группу резюмтивных союзов обеспечивается иллокутивной природой союзного средства: эти союзы способны связывать не только пропозиции, но и модусные компоненты речевого акта.

Не ослабевает внимание лингвистов к функционированию причинных союзов

и на современном этапе развития русистики. Так, финский ученый Э.-О. Хааг отмечает, что в основе функционального различия причинных союзов лежат их семантические или прагматические свойства. В соответствии с этим Э.-О. Хааг разграничивает две функциональные группы русских причинных союзов: 1) констатирующие-причинные, выражающие причинные отношения: **потому что, оттого что, из-за того что**, и союзы, выражающие отношения логического обоснования: **так как, поскольку, на основании того что, в результате того что, вследствие того что, исходя из того что, благодаря тому что, ради того что, в силу того что, ввиду того что, в связи с тем что, по причине того что**, «в которых причина представлена как посылка, то есть как принятое логическое основание для вывода» [11]; 2) прагматизированные причинные союзы: **ибо, ведь, раз, благо, тем более что**, используя которые «говорящий высказывает субъективную точку зрения, старается убедить собеседника, доказать правоту своего суждения» [12]. Констатирующие-причинные союзы участвуют в организации СПП с имплицативной связью, поэтому такие причинные конструкции разворачиваются в полный силлогизм. СПП, в которых главное и придаточное предложения связываются посредством прагматизированных причинных союзов, далеко не всегда способны разворачиваться в полный силлогизм, поскольку причинная связь здесь не является имплицативной «из X следует Y»; кроме того, придаточное таких сложных предложений отражает «субъективную точку зрения». Иными словами, функциональная дифференциация причинных союзов, по Хааг, опирается на прагматическую квалификацию присоединяемых посредством союза придаточных предложений: придаточное, присоединяемое констатирующе-причинным союзом можно охарактеризовать как основание, а придаточное, присоединяемое посредством прагматизированных союзов – как собственно обоснование (Э.-О. Хааг не употребляет в работе терминов основание и обоснование). Различие между ними, по нашему мнению, состоит в том, что обоснование предполагает «фактор адресата», а основание – не направлено на собеседника, а служит базой для умозаключения самого субъекта сознания. Отмеченная же автором субъективность присуща в большей степени не придаточному предложению, маркированному союзом, а именно главному предложению, воплощающему компонент **вывод**.

Анализ собственно средств связи не входит в задачи настоящей статьи, и принятый здесь краткий экскурс в проблематику союзов призван лишь подчеркнуть, что все причинные союзы (специализированные и неспециализированные), употребляющиеся в КВО, потенциально характеризуются иллокутивной функцией. Именно способностью связывать предикативные части на основе модуса обеспечения их участие в синтаксической организации несобственно-причинных сложноподчиненных предложений.

Наблюдения над языковым материалом нашей картотеки позволили выделить группу союзов, участвующих в организации КВО: **потому что, ибо, так как, потому (и потому), оттого что, потому как, поскольку**. Тем самым проанализированный языковой материал показывает, что наиболее употребительными в конструкциях вывода-обоснования оказываются союзы именно недифференцированного значения.

В связи с этим возникает вопрос: если в КВО наиболее частотными являются недифференцированные причинные союзы, то что является показателем несобственно-причинного значения в них?

Собранный языковой материал свидетельствует о том, что «прочитывание» синтаксической структуры СПП как КВО зависит от маркированного модуса мнения в главном предложении, поскольку представленное в компоненте «вывод» мнение говорящего предполагает интерпретацию последующей предикативной части

СПП как «обоснования». Модус мнения имеет лексические и морфологические показатели. Рассмотрим языковые средства обнаружения модуса мнения в КВО. К ним относятся, во-первых, внутрипредложенческие (внутрисинтаксические – термин Г.А. Золотовой [13]) показатели модуса мнения:

1) собственно лексические оценочные предикаты, употребленные самостоятельно или в сочетании с инфинитивом, например: *Полагаю, что он был прав, ибо вблизи Киндерлийского залива видели мы основания мощных зданий, треснувшие и рассыпающиеся прахом от долголетия и жары* (К. Паустовский); *Сооружение сие обойдется казне недорого, благо киргизу платят за работу гроши* (К. Паустовский); *Пребывание их на восточных побережьях Каспийского моря я почитаю загадочным, ибо до сего времени птицы эти водились в одной Африке* (К. Паустовский); *Должно быть, это вышло ужасно глупо, и потому-то, вероятно, Наташа так странно улыбнулась тогда моему восторгу* (Ф. Достоевский); *Виталий пытался затормозить, но на скользкой дороге это не сразу удастся, и “помойка” вламывается в багажник “Мерседеса”. Тут повезло всем: Кешке – потому что тормозящий мусоровоз все-таки чуть сбросил скорость, а Виталию – потому что патрульные вначале кинулись к “Мерседесу” и Орлов, воспользовавшись моментом, удрал* (Д. Донцова); *Не откладывая, принялся он немедленно за туалет, отпер свою шкатулку, налил в стакан горячей воды, вынул щетку и мыло и расположился бриться, чему, впрочем, давно была пора и время, потому что, пощупав бороду рукою и взглянув в зеркало, он уже произнес: “Эк какие пошли писать леса!”* (Н. Гоголь); *Почему-то принято считать, что талант дается не каждому, но уж умными-то должны быть все. Отсутствие дарования воспринимается как данность, как цвет волос или глаз, а вот отсутствие ума – как дефект. Неправильно это, потому что все от природы, и талант, и интеллект. Если природа чем-то наделяет, человек должен быть благодарен, но если уж она обделила, то винить никого нельзя* (А. Маринина);

2) глаголы мнения, полагания, речи, иногда в сочетании с модальными модификаторами, например: *Поэтому показание ее имеет главное и существенное в деле значение. Я готов сказать, что оно имеет такое значение, потому что было бы странно скрывать от себя и недостойно умалчивать перед вами, что личность ее не производит симпатичного впечатления...* (А. Кони); *Он [Печорин] думает, что только он один и жил на свете, оттого что носит всегда чистые перчатки и вычищенные сапоги* (М. Лермонтов); *Все места в бистро и в баре были заняты отъезжающими с отложенных рейсов, люди сидели на полу, пристроиться было негде. И ужасно хотелось есть. А денег не было. Но Любе тогда казалось, что все это ерунда, потому что в Москве ее ждет Стрельников* (А. Маринина); *Нет-с, я думаю, что не имею ни талантов, ни особых способностей; даже напротив, потому что я больной человек и правильно не учился* (Ф. Достоевский);

3) лексико-синтаксические (модальные модификаторы в составе предиката *может, должен, нужно, следует*), например: *Во всяком случае анализ этого случая с покойными вовсе не входит в нашу задачу. Да это не может входить и в задачи представителя обвинения, потому что эти лица уже ушли от нашего земного суда, уже явились на суд небесный, на тот суд, который всякому воздаст по делам его* (Ф. Плевако); – *Вот я тебя как высеку, так ты у меня будешь знать, как говорить с хорошим человеком! – Как милости вашей будет завгодно, – отвечал на все согласный Селифан, – коли высечь, то и высечь. Я ничуть не прочь от того. Почему же не посечь, коли за дело, на то воля господская. Оно нужно*

посечь, потому что мужик балуется, порядок нужно наблюдать (Н. Гоголь); Но вначале, когда я давеча начал показывать, все это было в дальнейшем тумане, все плавало, и я даже был так прост, что начал с предложения «взаимного между нами доверия». Теперь сам вижу, что доверия этого и быть не могло, потому что все же бы мы пришли к этому проклятому забору (Ф. Достоевский);

4) собственно морфологические (ирреальные наклонения, формы будущего времени в предикате компонента **вывод** – в главном предложении), например: *Селифан лошадей, однако ж, остановил, впрочем, они остановились бы и сами, потому что были сильно изнурены (Н. Гоголь); Напрасно было бы принимать «твердое решение» – ни во что не верить. Это могло бы привести только к самообману, ибо человек все-таки будет верить и только напрасно внушать себе, что он «решительно» ни во что не верит (И. Ильин); – Но он на ней не женится, – нервно рассмеялась она вдруг, – разве Карамазов может гореть такою старостью вечно? Это страсть, а не любовь. Он не женится, потому что она и не выйдет за него... (Ф. Достоевский); Разумеется, примирение произойдет лишь на час, потому что если бы даже и в самом деле исчез соперник, то завтра же он изобретет другого, нового и пристраивает к новому (Ф. Достоевский); Автор любит чрезвычайно быть обстоятельным во всем и с этой стороны, несмотря на то что сам человек русский, хочет быть аккуратен, как немец. Это займет, впрочем, не много времени и места, потому что не много нужно прибавить к тому, что уже читатель знает (Н. Гоголь).*

В роли **вывода** может выступать также СПП со значением ирреального условия, например: *Напротив, если б он промолчал хоть только об деньгах, а потом убил и присвоил эти деньги себе, то никто бы никогда в целом мире не мог бы обвинить его, по крайней мере, в убийстве для грабежа, ибо денег этих ведь никто, кроме него не видал, никто не знал, что они существуют в доме (Ф. Достоевский); А я отвечаю на это, что уж если замыслил такое убийство, то уж наверно не поссорился бы с приказчиком, да, может быть, и в трактир не зашел бы вовсе, потому что душа, замыслившая такое дело, ищет тишины и стужевки, ищет исчезновения, чтобы не видали, чтобы не слышали (Ф. Достоевский).*

5) морфолого-синтаксические (инфинитивные предикаты с отрицанием), например: *...Поэтому остается сделать завещание на имя вдовы Беляева. Но без ее ведома этого не сделать, ибо придется сочинять целую сказку о том, как завещание попало им в руки (А. Кони); Все эти ссылки в работы, а прежде битьем, никого не исправляют, а главное, почти никакого преступника не устраивают, и число преступлений не только не уменьшается, а чем далее, тем более нарастает. Ведь вы с этим должны же согласиться. И выходит, что общество таким образом не сохранить, ибо хоть и отсекается вредный член механически и ссылается далеко, с глаз долой, но на его место тотчас же появляется другой преступник, а может, и два другие (Ф. Достоевский).*

Кроме внутрисинтаксических, в КВО используются и внешнесинтаксические средства выражения модуса мнения, к которым относятся вводные слова, например: *Все это, очевидно, было правдой, так как и молчание по возвращении из города, и тайная заготовка леса подтверждали это (Г. Марков); – Петр! – окликнула Ольга мужа. Петр Дмитрич оглянулся. Должно быть, как уехал последний гость и Ольга Михайловна оскорбила своего мужа, прошло очень много времени, так как Петр Дмитрич заметно осунулся и похудел (А. Чехов); Пушки били не спешно, не часто, но настойчивой долбежкой, не столько поражая, сколько прощупывая линии советской обороны. И немцы, вероятно, ожидали получить ответ, потому что время от времени их артиллерия умолкала, словно слушая*

и размышляя (А. Платонов).

Указанные средства выражения модуса мнения могут выступать в комплексе, например: *Но если бы подсудимые действительно желали скрыть что-нибудь, то они скорее должны были бы позаботиться скрыть вне дома не деньги, а документы, потому что принадлежность документов видна, деньги же, приобретенные честным трудом и приобретенные преступлением, по внешнему виду не отличаются друг от друга* (Ф. Плевако).

Таким образом, конструкции вывода-обоснования, структурированные в форме сложноподчиненного предложения, предполагают обязательную бинарность компонентов: вывод требует обоснования. В КВО первая предикативная часть, всегда располагающаяся в препозиции, «прочитывается» как вывод благодаря вербализованному модусу мнения, который выражается внутрисинтаксическими (внутрипредложенческими) и внешнесинтаксическими средствами.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Русская грамматика. В 2-х томах. Т.2. – М., 1980. – С. 578.
2. Евтюхин В.Б. Категория обусловленности в современном русском языке и вопросы теории синтаксических категорий. – СПб., 1997. – С. 71.
3. Грамматика русского языка. Т. 2. Синтаксис. Ч. 1. – М., 1954. – С. 317-322.
4. Калнберзинь Р.А. Способы выражения причинных отношений в современном русском литературном языке: АКД. – М., 1959.
5. Русская грамматика. В 2-х томах. Т.2. – М., 1980. – С. 577.
6. Падучева Е.В. Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. Выпуск 8. – М., 1977.
7. Байдуж Л.М. Конструкции с союзом *тем более что* и их место в системе средств выражения причинно-следственных отношений: АКД. – Томск, 1983.
8. Латышева А.Н. О семантике условных, причинных, и уступительных союзов в русском языке // Вестник МГУ. Филология. – М., 1982, № 5. – С. 51-60.
9. Iordanskaja Lidija N. Semantics of the Russian conjunction RAZ compared with some other conjunctions // Russian Linguistics, 1988, 12, 3. – С. 239-267.
10. Подлесская В.И. *Иначе, а то, а не то*: резумптивные союзы как способ выражения отрицательного условия // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. Вып. 1. – М., 2000. – С. 45-51.
11. Хааг Э.-О. О прагматических функциях причинных союзов в русском языке // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. II. Прагматический аспект исследования языка. – Тарту, 1999. – С. 240.
12. Там же. – С. 241.
13. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973. – С. 151-153.

ПУБЛИКАЦИИ АСПИРАНТОВ

Л.А. Иванова (Шилина)

‘ВОЗРАСТ’ В СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТА «ВРЕМЯ»

‘Возраст’ - важная семантическая единица в структуре концепта «ВРЕМЯ», а именно в его линейном понимании (прошлое – настоящее – будущее), ведь человек движется в своей возрастной характеристике от детства к старости.

Ядро *возрастной лексики* составляют, во-первых, названия величин, определяющих существование человека во времени: *возраст, годы/года, лета*, во-вторых, лексические единицы, у которых признак ‘возраст’ является ономаσιологическим признаком значения. К последним относятся лексемы со следующими семантическими компонентами: (1) ‘возрастной период’: *младенчество, детство* и др. (2) ‘человек какого-либо возраста’: *новорожденный, ребенок, подросток* и др.

В русском языке, за счет диалектных, просторечных, жаргонных единиц, широко представлены переходные группы, в которых признак возраста осложняется дополнительными семантическими компонентами, например ‘пол’: *пацан*.

В современном русском языке имеются обозначения девяти возрастных периодов: *младенчество, детство, подростковый возраст, юность, молодость, зрелость, пожилой возраст, старость, преклонный возраст*, однако для русского языкового сознания наиболее значимыми возрастными периодами являются *детство, молодость, зрелость, старость* (именно об этих периодах наиболее часто говорится при описании возраста человека в фольклоре, художественных и публицистических текстах) [1].

Если мы говорим о творчестве поэта, то, прежде всего, в его стихотворениях мы сталкиваемся с актуальным синхронным срезом его жизни.

Возраст – «Количество времени, лет от рождения, с момента появления на свет; период, ступень в росте, развитии человека, животного, растения» [2].

В произведениях Цветаевой мы находим разные слова с общим значением ‘возраст’. Предлагаемая нами семантическая классификация имен возраста в стихотворениях до 1921 года М.И. Цветаевой выглядит следующим образом:

1) Названия величин, определяющих существование человека во времени.

В период 1907-1921 гг. наблюдается интерес поэта к некой хронологизации своей жизни (особо это характерно для 10-х годов). “Сознание чистого “я”-субъекта детерминировано в возрастном плане” [3]. Этот этап развития поэтического идиолекта М. Цветаевой характеризуется автобиографичностью, точностью, хронологичностью. Описывая свою жизнь или жизнь окружающих, она стремится точно указать время события, соотнести его с жизненными рамками субъекта: *два, три, четыре года, семь, десять, двенадцать, тринадцать, пятнадцать, шестнадцать,*

семнадцать, восемнадцать лет. Это, может быть, ее сестра:

*Моя несчастная природа
В тебе до ужаса ясна:
В твои без месяца два года —
Ты так грустна.*

(Але, 2) [4]

*Будет “он” — ему сейчас
Года три или четыре...
— Аля! — Это будет в мире —
В первый раз.*

(Але) [4]

Это, может быть, сама лирическая героиня:

*Голубые, как небо, воды,
И серебряных две руки.
Мало лет — и четыре года:
Ты и я — у Москвы-реки.*

(Голубые, как небо, воды) [4]

*“Мама, милая, не мучь же!
Мы поедем или нет?”
Я большая, — мне семь лет,
Я упряма, — это лучше.*

(За книгами) [4]

Фиксируя точный возраст лирического героя, поэт описывает переживания подросткового и юношеского периода. То, насколько это было важно в тот момент для Цветаевой, можно судить по тому, что наименование возраста выносится ею в само название стихотворения:

*Что впереди? Какая неудача?
Во всем обман и, ах, на всем запрет!
— Так с милым детством я прощалась, плача,
В пятнадцать лет.*

(В пятнадцать лет) [4]

Взросление лирической героини проявляется прежде всего в том, что “я”-субъект передает личностное восприятие мира, здесь мы сталкиваемся не просто с наименованием возраста, а с соотношением возрастной характеристики с осознанием своей сущности и задачи в этом мире. В связи с этим в названиях и в самих текстах стихотворений при упоминании возраста появляется слово *молитва*:

*Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!*

*Люблю и крест, и шелк, и каски,
Моя душа мгновений след...
Ты дал мне детство — лучше сказки
И дай мне смерть — в семнадцать лет!*

(Молитва, 1909) [4]

*Я измучена этими длинными днями
Без заботы, без цели, всегда в полумгле...
Можно тени любить, но живут ли тенями
Восемнадцать лет на земле?
И поют ведь, и пишут, что счастье **вначале!**
(Еще молитва, 1910) [4]*

*Вечное море,
Детское горе мое усыпи, залечи, раствори.
(Молитва морю) [4]*

*Ни в молитве, ни в песне, ни в гимне
Я забвенья найти не могу!
Раннее детство верни мне
И березки на тихом лугу.
(“Все у Боженки — сердце! Для Бога...”) [4]*

Молитва – «1. Обращение к богу, святым, сопровождаемое чтением определенных текстов. 2. Установленный текст, произносимый верующим при обращении к богу, к святым, а также при религиозных обрядах» [2].

Таким образом, мы видим, что слово *молитва* становится «конвоем» при упоминании возраста поэтом. Причем использование лексемы *молитва* в названиях стихотворений М. Цветаевой характерно именно в период с 1906-1916 гг., когда происходит взросление лирической героини, переход из этапа *начала дня* в период взрослой жизни, духовной жизни, активной и сознательной. Итак, обращение к молитве – это критерий перехода в другой возраст, который характеризуется, прежде всего, духовными исканиями человека. Позже М.И. Цветаева напишет: «*Стихи к Богу есть молитва*» (*Искусство при свете совести, 1932*) [4].

Последнее упоминание о возрасте сочетается с оценкой опыта [3]:

*— Мой двадцатидвухлетний опыт —
Сплошная грусть!
(Безумье — и благоразумье) [4]*

2) Название периодов в развитии человека: *детство, юность/молодость, взросление/зрелость, старость*.

Взросление и прощание с детством – вот то, что становится одной из центральных тем ее детских и юношеских стихотворений.

Для М.И. Цветаевой ДЕТСТВО ассоциируется с лучшим (*золотые деньки*), поэтому в своих стихотворениях поэт неоднократно просит вернуть ей детство:

*Ах, золотые деньки!

Детство верни нам, верни
Все разноцветные бусы, —
Маленькой, мирной Тарусы
Летние дни.
(Ока, 2) [4]*

*Раннее детство верни мне
И березки на тихом лугу.
(Ока, 3) [4]*

Для Цветаевой ДЕТСТВО локализовано, представляет собой особое пространство, которое окрашено самыми яркими цветами; об этом свидетельствует прямое соотношение, выдвигаемое в тексте стихотворения как отражение процесса скрытой предикации: *детство — лазурный остров*:

*Все бледней лазурный остров — детство,
Мы одни на палубе стоим.
(Маме) [4]*

Лазурный – «Светло-синий, цвета ясного неба; небесно-голубой» [2].

В ранних стихотворениях М.И. Цветаева раскрывает значение лексемы *детство* через предикат. Детство – это не только чудный рай, но и ощущение страха ребенка в большом доме; детство – это свой мир (*мирок*), отличный от мира взрослых, где есть и свои ‘непонятные’ слова (*курлык*):

*Детство: молчание дома большого,
Страшной колдуньи оскаленный клык;
Детство: одно непонятное слово,
Милое слово “курлык”.*

...

*Все воскресает под милое слово,
Детское слово “курлык”.
(Курлык) [4]*

В этом примере слово *курлык* выступает как символ прошлого через детское слово-образ.

Все лексические единицы, в том числе входящие в лексическое окружение слов пласта ДЕТСТВО, содержат семы с положительной окраской:

Из рая детского житья... [4]

Следующим этапом в жизни человека становится этап юности и молодости. Для М.И. Цветаевой этот этап представляет собой пространство, наполненное лексемами со значениями ‘безудержность’, ‘мятежность’, ‘непокорность’:

*Чтобы молодость вечно хранила
Беспокойную юность мою.
(Литературным прокурорам) [4]*

*— Остановись! —
Юность слепа.*

(Прямо в эфир) [4]

Волны и молодость — вне закона!

(Дон, 3) [4]

Не смущайтесь словами нетвердыми!

Знай: молодость, ветер — одно!

(Лесное царство) [4]

Беспокойный – «3. Лишенный покоя, находящийся в возбуждении, в движении и т. п.» [2].

Слепой – «2. перен. Действующий не рассуждая, не отдающий себе отчета в своих действиях» [2].

Вне закона – «Вне охраны и покровительства законов» [2].

Ветер – «Движение потока воздуха в горизонтальном направлении» [2].

И если детство поэт просила ей вернуть, она пыталась удержать его до последнего, то с молодостью она прощается без сожаления:

*Поскорее бы с тобою разделиться,
Юность — молодость, — эка невидаль!
Все: отселева — и доселева
Зачеркнуть бы крест на крест — наотмашь!
(Поскорее бы с тобою разделиться) [4]
Молодость моя! — Назад не кличу.*

Ты была мне ношей и обузой.

(...)

Молодость моя! Моя морока —

Молодость! Мой лоскуток кумашный!

(Молодость) [4]

Эка невидаль — «(пренебр.) - о ком-л. не представляющем собой ничего необычного, ничего удивительного» [2].

Ноша — «Что-л. обременительное, доставляющее хлопоты, заботы и т. п.» [2].

Обуза — «Тягостная, обременительная обязанность, забота» [2].

Морока — «Канитель, затяжное, хлопотное дело» [2].

Лоскуток — «Обрезок, обрывок (ткани, кожи и т. п.)» [2].

Все эти лексемы объединены общей семой 'обременительный', 'забота', 'не-нужный'. Таковы ощущения поэта по отношению к молодости. Связано это, может быть, лишь с внутренним взрослением лирической героини и ее переходом на новый этап жизни.

Как змей на старую взирает кожу —

Я молодость свою переросла.

(Хвала Афродите, 2) [4]

Перерасти — «перен. Стать больше, превзойти что-л. по характеру проявления, по значению и т. п.» [2].

Но несоответствие ее внутреннего ощущения и внешнего окружающего мира приводит к состоянию, которое у нее получает название ПОЛУ- (совсем, не до конца, почти): *ПОЛУвзрослый, ПОЛУдети, ПОЛУмрак.*

Наша встреча была — в полумраке беседа

Полувзрослого с полудетьми.

(Детская) [4]

Этап взросления (зрелость) вообще вызывает у лирической героини откровенно негативные чувства:

К взрослому миру презренье.

(Ока, 2) [4]

Презренье — «1. Чувство полного пренебрежения, крайнего неуважения к кому-л., чему-л.» [2].

В стихотворениях 1907-1921 гг. просматривается отношение к старости как к чему-то очень отдаленному, тому, что будет лишь в будущем, причем это будущее окрашено мрачными красками. Лексическим окружением лексемы *старость* являются *темный, безумный, неволя*:

Не учись у старости,

Юность златорунная!

Старость — дело темное,

Темное, безумное.

(Пусть не помнят юные) [4]

Не забуду я хлеб-соли,

Как поставлю парус!

Есть на свете три неволи:

Голод — страсть — и старость...

(Я пришел к тебе за хлебом) [4]

Все лексемы, которые входят в состав пласта СТАРОСТЬ, имеют семы с отрицательной окраской:

Темный — «3. перен. Мрачный, безрадостный. 6. перен. Неясный, непонят-

ный» [2].

Безумный – «1. Устар. Лишенный рассудка; сумасшедший» [2].

Неволя – «2. Прост. Принуждение, сила и власть обстоятельств, необходимость» [2].

Если говорить о семантических группах с общим значением ‘возраст’, которые мы уже разобрали в данной статье, то они представляют семантически богатую парадигму единиц (*детство, молодость, юность, старость* и т.д.). Следует отметить, что в лирике М.И. Цветаевой 1907-1921 гг. героиня, описывая события своей жизни и жизни близких ей людей, как правило, передает некоторые сведения о называемом лице (пол, возраст) в непринужденной, “детской” манере. Следовательно, указание на точный возраст описываемого субъекта – признак детского, взрослеющего сознания и восприятия мира.

Характеризуя периоды жизни человека в стихотворениях поэта, мы обнаружили, что, будучи на тот момент подростком, а потом молодой женщиной, самые яркие эмоции у нее вызывает период детства. Этап перехода из детского возраста во взрослую жизнь характеризуется обращением к молитве как символу духовных изменений и исканий человека. Юность и молодость окрашены эмоциями и волнениями с оттенком некоторой усталости (*беспокойную юность, юность слепа, моя морока — молодость!*). Взрослая жизнь практически никак не привлекает поэта, вызывая лишь негатив, период старости описан словами с отрицательной окраской.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ашхарава А.Т. Концепт ‘ДИТЯ’ в русской языковой картине мира: Автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Архангельск, 2002. – С. 11-12.

2. МАС – Словарь русского языка АН СССР: В 4-х тт. – М., 1981-1984 (МАС). Электронный вариант. (<http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>).

3. Ревзина О.Г. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта: Дис. в форме научн. докл. на соиск. уч. степ. д-ра филол. наук. – М., 1998. – С. 46, 49.

4. Цветаева М.И. Энциклопедическое собрание сочинений. Версия 2.0 (электронная библиотека).

МОДАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ **ЛИ**-КОНСТРУКЦИЙ

«Словечко» **ли** занимает значительное место в русской грамматической системе. Оно имеет категориальную семантику **выбор** и большое количество «производных единиц, составляющих вместе с исходной, ядерной, лексико-грамматическую парадигму» [1] *вряд ли, едва ли, чуть ли не, мало ли, не все ли равно, что ли, то ли дело, шутка ли, ой ли, чёрт ли*. По частоте употребления **ли** входит в «первую сотню самых частотных слов» [2]. Толкование **ли** в словарях русского языка отражает две основные сферы употребления «словечка»: вопросительная постпозиционная частица и союз *относительный, изъяснительный, условный* – при одиночном употреблении, *разделительный* – при повторяемом **ли... ли** или в комплексе **ли... или** «употребляется при сопоставлении предложений или отдельных членов предложения, по значению исключающих или заменяющих друг друга, для указания на необходимость выбора между ними» [3].

Однако можно выделить и третью сферу употребления **ли**, которое в «отдельных глагольных сочетаниях теряет вопросительное значение: *веришь ли, видишь ли, знаешь ли, поверишь ли, понимаешь ли*» [4]. Это вводные или вводно-контактные слова, с помощью которых говорящий стремится привлечь внимание к сообщаемому. [Кисельников]: *Я, тятенька, не так был воспитан; оно, знаете ли, как-то совестно* (А. Островский).

«Словечко» **ли** обладает широким конструктивными возможностями, что подтверждается большим количеством производных и вхождением в «состав многих фразеологических единств с модальным значением (*шутка ли; черта ли; то ли дело и т.п.*)» [5].

Исследуемое «словечко» организует **ли**-конструкции со словами разных лексико-грамматических групп, варианты которых отличаются друг от друга стилистически, экспрессивно, семантически, а также оттенками модальных значений, которые реализуются в зависимости от окружения.

Например, **ли**-конструкция *долго ли* может иметь значение вопроса о продолжительности *как долго?* в предложениях с личными формами глаголов, а может реализовать значение отрицания *недолго* в инфинитивных предложениях.

[Бабаев]: *Долго ли пробуду-то? Я сначала думал, что это будет зависеть от приказных, у которых мое дело; а теперь вижу, что зависит от вас, душа моя Татьяна Даниловна* (А. Островский).

[Катерина]: *А как же можно, не подумавши, не рассудивши-то! Долго ли в беду попасть! А там и плачься всю жизнь, мучайся; неволя-то еще горче покажется.* [Бальзаминов]: *Долго ль меня напугать? Я человек робкий.* [Анфиса Карповна]: *Долго ли девушке понравиться? Она еще и людей-то не видала.* [Аннушка]: *В это время долго ль нас обмануть! Всякому веришь; кто что ни говори, все думаешь, что правда* (все примеры – А. Островский).

Инфинитивные предложения с *долго ли* утрачивают значение вопроса, оформляют экспрессивно окрашенное утверждение – *Недолго в беду попасть! Недолго меня напугать!*

Модальное значение *отрицания* характерно для субстантивных, адъективных (с полными формами) и прономинативных **ли**-конструкций.

Субстантивные **ли**-конструкции И.п. имеют довольно ограниченное употребление, но среди них можно выделить ряд устойчиво функционирующих сочетаний, некоторые из них фразеологизированы или имеют тенденцию к фразеологизации

шутка ли, черт ли, диво ли, правда ли и др. Они выражают недоверие, сомнение, имеют обратное значение *не шутка, не диво*.

Часто употребляемыми являются адъективные *ли*-конструкции со значением обратного и оттенком одобрения *дурное ли дело* или неодобрения, осуждения *виданное ли дело, слыханное ли дело*. [Бальзаминов]: *Ах, маменька, не поверите, как мне хочется быть богатым! Так сплю и вижу. Кажется... эх... разорвался бы! Уж так хочется, так хочется!* [Бальзамина]: *Дурное ли дело!* (А. Островский).

Прономинативные *ли*-конструкции И.п. имеют яркую эмоциональную окраску, оформляют риторический вопрос, выражают возмущение, несогласие. – *Данило!* – сказала Катерина, закрыв лицо руками и рыдая, – *я ли виновна в чем перед тобой? Я ли изменила тебе, мой любимый муж?* (Н. Гоголь).

Именные *ли*-конструкции со словоформами косвенных падежей, как и *ли*-конструкции И.п., оформляют отрицание, но для каждой падежной формы характерны свои дополнительные оттенки значений.

Предложно-падежная конструкция «до Р.п. *ли*» имеет значение *не до того*. [Аксенов]: *А ей до меду ль! Какой тут мед! И мяса-то не ест* (А. Островский). [Любовь Гордеевна]: *Какая гордость, Мишенька! До гордости ли теперь!* (А. Островский). [Аграфена Кондратьевна]: *Нет, батюшка! Какие теперь огурчики! До того ли уж мне!* (А. Островский).

Ли-конструкции Д.п. и В.п. реализуют оттенок сомнения в целесообразности, пользе. [Татьяна Юрьевна]: *Убогонький Гришутка стал рядом с ним, как лист дрожит и плачет, То на него, то на икону взглянет. К добру ли это?* (А. Островский). – *Что я смогу сделать, чтобы спасти твою душу?* – сказала Катерина, – *мне ли, слабой женщине, об этом подумать?* (Н. Гоголь). [Тыра]: *...за воеводу дочку Просвотала и думает, что тоже Боярыня; иде и ног не слышит.* [Несмеянов]: *На радость ли? Заплакать не пришлось бы!* (А. Островский).

Субстантивные *ли*-конструкции П.п. *в уме ли, в силах ли, в состоянии ли* являются частью предикативного глагольно-именного сочетания, нулевая форма связки «вынуждает» *ли* прикрепляться к именной части сказуемого, нарушая таким образом традиционное представление о том, что «выделяя сказуемое, частица *ли* стоит после глагола в спрягаемой форме» [6]. [Аксенов]: *Ты в уме ли? Не ты бы говорил, не я бы слушал.* (А. Островский).

Адъективные *ли*-конструкции с краткими качественными словоформами являются предикатом, обозначающим физическое и психическое состояние человека, реализуют позитивный *ли*-вопрос, которым говорящий не отрицает возможности альтернативного состояния субъекта речи. [Кабанов]: *Дядюшка здоров ли?* [Аксенов]: *Здорова ли ты здесь?* [Надежда Антоновна]: *Но счастлив ли ты? Скажи, счастлив ли сынок?* [Оленька]: *Хороша ли его невеста?* (все примеры – А. Островский).

Употребление глагольных словоформ в *ли*-конструкциях не ограничивается категорией вида, переходности и времени. Редки примеры употребления глаголов сослагательного наклонения. [Арина Федотовна]: *Да смел ли бы ты это подумать? Я в Москве воспитывалась, там видала людей не тебе чета* (А. Островский).

Особенность инфинитивных *ли*-конструкций отмечена еще М.В. Ломоносовым в «Российской грамматике» 1755 г.: «Сомнительное неокончателное наклонение с приложением частицы *ли* изображает неизвестное следствие: *бывают ли мне в отечестве; видать ли своих родителей*» [7].

Инфинитивная *ли*-конструкция оформляет вопрос-размышление. [Анна Устиновна]: *Кирюша, Кирюша, кто-то стучит. Отпирать ли?* [Краснов]: *Чтоб мне знать-то, что делать-то с тобой - жалеть ли тебя, убить ли тебя?* [Настасья Панкратовна]: *Вот грех-то! Вот беда-то! Ведь это они! Пускать ли уж?* (все при-

меры – А. Островский).

Если в инфинитивном предложении *ли* маркирует не инфинитив, а второстепенные члены предложения, то общее значение предложения определяется значением *ли*-конструкции. [Василий Шуйский]: *Басманову ли править государством!* (А. Островский). *От себя ли скрывать роковую потерю?* (А. Блок).

В инфинитивном предложении *ли* часто «соседствует» с частицами *не, уж, -то*, которые позволяют проявлять *ли*-конструкциям как общее, так и частные значения:

а) экспрессивное утверждение: [Гаврило]: *Уж ее ль не любить-то!* (А. Островский);

б) предположение-размышление: *Все чаще думаю – не поставить ли лучше точку пули в своем конце* (В. Маяковский);

в) сомнение – вежливый отказ: [Настасья]: *Уж пить ли мне-то, право?* (А. Островский).

Союзные функции *ли*, согласно некоторым источникам, зависят от количества «словечек». Например, А.М. Пешковский выделял союзные функции *ли* при «повторяемом» употреблении «словечка». «*Ли - ли*, только повторяемое (собственно вопросительная частица, приобретающая при повторении союзный оттенок): ... *Сейчас видно, на тысячи ли, на сотни ли мужик торгует.* (Л. Толст.)» [8]. РГ разделяет *ли... ли* как «модификацию союзной частицы *ли*», если она относится к сфере вопроса, и союз *ли — ли*, если он выражает разделительные отношения.

Вопросительное значение «словечка» сохраняется в придаточном предложении при изъяснительной связи. [Полина]: *Все-таки надобно спросить, есть ли у Жадова знакомые купцы* (А. Островский). [Хрюков]: *Посмотри-ка в калитку, нет ли кого на улице?* (А. Островский). Содержащие *ли* придаточные предложения семантически и структурно соответствуют вопросительным предложениям, даже если в конце предложения нет вопросительного знака, ср.: *Все-таки надобно спросить, есть ли у Жадова знакомые купцы. – Есть ли у Жадова знакомые купцы?*

Широкие конструктивные возможности и многообразие модальных значений «словечка» *ли* сохраняются и в функции союза. Следует выделить три основных аспекта союзной функции «словечка»:

1) *ли* одиночный имеет семантику выбора и формальное значение вопроса;

2) комплексы «повторяемых» *ли*-союзов *ли... ли; ли.. или; ли... ли, а; ли... ли, но*, которые реализуются как при однородных членах предложения, так и в сложных предложениях, оформляют разделительные отношения, акцентируют семантику выбора, но побуждение к выбору одной из альтернатив снижено;

3) *ли*-содержащие союзы *или, либо, то ли... то ли, если*, которые обладают разнообразными модальными значениями, сохраняют семантику выбора.

Вводно-контактные слова *веришь ли, видишь ли, знаешь ли, поверишь ли, понимаешь ли* иногда близки по значению к союзам. А.А. Шахматов называл *видите ли* союзом. «Союзами являются и *видите ли, так сказать* и т. п. выражения, означающие переход одной мысли к другой или просто средства возбудить внимание собеседника» [9].

Какое бы вы дурное мнение обо мне ни имели, я ему покорюсь... Видите ли, я перед вами низок (М. Лермонтов).

Сочетаемость «словечка» *ли* со словоформами различных лексико-грамматических групп продуктивна и разнообразна. Однако употребление *ли* имеет и определенные ограничения, например, с формами глаголов повелительного наклонения. *Ли*-конструкции реализуют общее категориальное значение *выбор* и множество частных модальных значений в зависимости от окружения и синтаксического употребления.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лекант П.А. «Часть речи» ли // Очерки по грамматике русского языка. – М., 2002. – С. 38.
2. Иванова В.А. и др. Занимательно о русском языке // В.А. Иванова, З.А. Потиха, Д.Э. Розенталь. – Л., 1990. – С. 191.
3. Словарь русского языка: в 4-х т./ Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М., 1985 – 1988. Т. 2. К – О. 1986. – С.181.
4. Грамматика русского языка. – М., 1952 – 1954. – Т 1. – С. 545.
5. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1986. – С. 554.
6. Русская грамматика АН СССР. – М., 1980. – Т. 2. – С. 470.
7. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. – Т.VII. –М.-Л., 1952. – С. 566.
8. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М., 2001. – С. 400.
9. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Выпуск второй. Учение о частях речи. – Л., 1927. – С. 99.

КОНТЕКСТ КАК ПЕРВОПРИЧИНА ТРАНСФОРМАЦИИ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ ТЕРМИНА ЭКОНОМИКИ

Развитие экономических отношений между государством и человеком, между работодателем и частным лицом, между различными корпорациями государства оказывает огромное влияние на функционирование экономической терминосистемы. В экономике, как и в любой профессиональной сфере, присутствует проблема соотношения языка и речи в научном познании окружающей человека картины мира. Этим обусловлено внимание современной лингвистической науки к функционированию языковых единиц в различных областях человеческой деятельности (Н. В. Васильева, С.В. Гринев, В. П. Даниленко, Р. Ю. Кобрин, З. И. Комарова, Н. Г. Комлев, Л. Л. Кутина, В. М. Лейчик, Л. А. Манерко, В. П. Петушков, Н. В. Подольская, В. Н. Прохорова, Л. И. Скворцов, А. В. Суперанская, В. А. Татаринев, А. Д. Хаютин, С. Д. Шелов и др.).

Несмотря на достаточно разветвленную систему знаний о термине и его природе, многие проблемы ждут своего освещения и исследования. «Все еще нет четкого разведения понятий онтологии, гносеологии и дидактики термина, теории термина и теории терминоведения... не проводится тщательное различие прескриптивных и дескриптивных подходов в изучении термина» [1]. Дискуссионными продолжают оставаться: проблема соотношения семантической структуры термина и общеупотребительного слова, проблема полисемии термина и его варьирования в различных областях человеческого познания окружающего мира, проблема функционирования термина в тексте, контексте, дискурсе, художественном пространстве и т. д.

Цель данной статьи – показать причины трансформации смысловой структуры термина в периодической печати, ее зависимость от приемов и условий включения термина экономики в контекст газетной статьи.

Функционирование любой терминосистемы в «чистом виде» возможно лишь при условии ее кодификации. Кодификация норм собственно делового языка началась с XVII в. и осуществлялась в течение нескольких веков – вплоть до XXI в. Все это время кодификация норм носила унификационный и стандартизированный характер: одному специальному понятию должен соответствовать один термин. В конце XX – начале XXI в. произошел информационный взрыв в содержании и форме экономического терминологического обозначения: антропоцентрический подход в использовании термина постепенно начинает вытеснять лингвоцентрический. «Антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования» [2]. Это объясняется тем, что в современных социально-экономических условиях каждый человек вынужден стать экономистом, научиться ориентироваться и выживать в непростой экономической ситуации.

Журналисты, популяризируя экономические знания на страницах специальных изданий (прежде всего газет, например, «Экономика и жизнь», «Финансовая газета», «Ведомости», «Коммерсантъ» и др.) и на страницах популярных газет и журналов, пытаются объяснить читателю значение некоторых экономических терминов. С точки зрения культуры языка эта их попытка не возбраняется, но при этом важно соблюдать принцип доступности и прозрачности изложения, принцип точности и лаконизма в передаче экономического содержания, чтобы донести до со-

знания массового читателя сложные понятия. Некоторые исследователи отмечают, что СМИ «излишне активно, зачастую совсем необоснованно тиражируют научные термины, хотя радио, телевидение и печать и пр. адресованы прежде всего и в основном неспециалистам, которые вполне удовлетворяются не столь строгим научным аппаратом, к которому привыкли специалисты» [3]. То есть фактор адресат – читатель-неспециалист должен учитываться журналистами в изложении специальных знаний. Неоправданным является использование, например, термина без пояснения в следующем примере: *«Вступая в клуб, мы идем на некоторое дисконтирование»* (сокращение. – М. А.) *объема наших требований к странам-должникам»* («Известия», 17. 09. 97).

Термины в прямом значении употребляются в двух основных вариациях: без разъяснений их содержания и с раскрытием содержательной стороны. Без пояснения употребляются широко известные термины. Например: *«Не успела забыть история со скандальным снижением акцизов на водку и спирт, а правительство уже постановило освободить Ижмаш от уплаты акцизов на автомобили»* («Известия», 18. 05. 94). Интересно, что термины *актив банка, аренда, банкрот, вексель, гарант, котировка* и некоторые другие существовали до перестройки, до перехода России к рыночной экономике, но входили в поле знаний узкопрофессионального круга людей, а также в лексикон бухгалтеров, служащих банков, внешне-торговых организаций и др. И если массовому носителю русского языка теперь все чаще встречаются в периодике слова *актив, акционер, аккредитив, биржа, маклер* и др., это значит, что эти слова лишь сейчас становятся общеупотребительными. Некоторые термины теряют свою актуальность и выходят из употребления в связи с отмиранием реалий, которые они обозначают. Ярким примером этого явления служит слово *ваучер* (приватизационный чек). В начале 90-х этот неологизм, проявляя словообразовательную активность (*ваучерный, ваучеризация, ваучеризировать*), пользовался большой популярностью в языке прессы: *«Ваучеры вовлекли в игру на фондовом рынке значительные слои населения»* («Московские новости», 03. 01. 93); широко использовался в фельетонах, обыгрывался в структуре фразеологических единиц: *«Держи ваучер шире»* («Комсомольская правда», 16. 05. 93). Со второй половины 90-х годов и до настоящего времени этот термин употребляется уже с ироничным подтекстом: *«С ваучером по жизни отправились мы пять лет назад»* («Общая газета», № 38, 1997).

Приемы введения терминов экономики в современной периодической печати отличаются разнообразием и многоплановостью интекции автора в освещении фрагмента картины мира.

1. Полный комментарий. В некоторых статьях на экономические темы приводится полное разъяснение содержания термина. Например, заголовки таких статей: *«Какой рубль лучше: сильный или слабый»* («АиФ», № 5, 2000); *«Что такое ВВП?»* («АиФ», № 47, 2000). Автор этой статьи приводит разъяснение читателем этого термина: *«Если ко всей добытой в нашей стране нефти прибавить все пошитые ботинки, пересчитать все это в рублях и приплюсовать выручку химчисток – вот вам и будет ВВП, валовый внутренний продукт»* и мнение специалиста: *«...считают ВВП тремя различными способами. Отдельно – сколько всего в стране произвели, отдельно – как распределили, отдельно – сколько потребили. Потом сопоставляют»*. Издания буквально соревнуются в разъяснении некоторых терминов. Так, слово *«рейдер»* и связанное с ним понятие рассматривалось почти одновременно в нескольких газетах. Сравните заголовки этих статей: *«Осторожно: «черные рейдеры»»* («АиФ», № 31, 2006); *«Пираты XX века»* («Литературная газета», 17 окт. 2006, № 42); *«Рейдерство – это купить на грош пятаков»* («Из-

вестия», № 130, 2006). Как правило, для толкования сложных экономических терминов привлекают специалистов в этой области знаний. Проведенное исследование свидетельствует о распространении беглого однократного чтения газетных материалов, что побуждает авторов публикаций тщательно продумывать заголовки статей и сообщений. Например: «*Пластиковая любовь*» («АиФ», № 50, 2006) – речь об электронных пластиковых картах; «*Борьба за «малышей»*» («Известия», № 171, 2006) – объяснение понятия «лизинг».

2. **Краткий вариант толкования термина.** Приём неполного толкования термина используется для того, чтобы не загружать текст громоздкими научными определениями: «*Что такое **профицит**? Просто бухгалтерский термин, означающий превышение доходов над расходами*» («АиФ», № 37, 2001); Ср.: *профицит* – положительное сальдо бюджета [4]. Для пояснения этого термина используется и метафора: «*Профицит – это фокусы бухгалтерии*» (заголовок статьи). Сопоставление авторского и словарного определений показывает, что авторское толкование отличается упрощенностью, в то время как словарное – строгостью, научностью и параллельным использованием других системообразующих терминов.

3. **Специальное слово дано (или пояснено) в скобках.** Этот прием чаще всего используется в контекстуальных толкованиях, которые носят «попутный» сопроводительный характер: «*Часть этого пакета пойдет на народное **IPO** (**IPO** – первичное размещение акций на фондовой бирже)*» («АиФ», № 27, 2006); «*Занижая инфляцию, правительство рассчитывает получить дополнительные **инфляционные доходы** (дороже товары – больше налоги)*» («АиФ», № 37, 2001); «*Кредитование (ссуда под процент, ростовщичество) было придумано более 800 лет назад...*» («Компания», № 18, 2001).

4. **Использование пояснительных слов с имплицитным признаком «так называемый» и с эксплицитным уточнителем «то есть»:** «*...по срочным депозитам, то есть с выплатой строго по истечении срока, ситуация меняется*» («АиФ», № 38, 2000); «*Есть такое понятие – **пороговое значение**. То есть, если тратится меньше этого уровня, отрасль приходит в упадок*» (Там же); «*Во всем мире существуют законы, направленные против так называемых «**инсайдерских сделок**», иначе говоря, сделок с использованием внутренней информации*» («Советская Россия», 18. 01. 96); «*Россия перейдет на взимание **косвенных налогов**... Проще говоря, НДС будет платиться там, где реализуется экспортированный товар*» («Ведомости», июнь, 2001).

5. Некоторые термины, семантика которых сложна для восприятия неподготовленного читателя, получают содержательное раскрытие с помощью лексических эквивалентов (однословных или выраженных словосочетанием): «*... для сокрытия используются так называемые «**черные**» **оффшоры**, куда переводятся деньги через подставные фирмы, как их иногда называют – «**фирмы – фонарики**», которые создаются на два-три месяца и затем закрываются*» («АиФ», № 38, 2000).

6. В некоторых случаях специальное слово не нуждается в объяснении, достаточно поместить его в такой контекст, чтобы читатель догадался о его значении: «*Разница между покупкой и продажей составляет 7-10 рублей, или почти 30%. **Маржа** спокойно ложилась в карман расторопных финансистов*» («АиФ», № 38, 2001).

Для широкого читателя специальные темы повествования должны быть приспособлены к общелитературным контекстам. При этом решающей оказывается ориентация на общепонятные и общедоступные формы изложения в рамках литературной нормы. «Элементы речи, «пересаженные» из одной стилистической системы в другую, в течение какого-то времени остаются в ней лишь стилистическими

инкрустациями. Реализуются не все смысловые возможности, которые заложены в той стилистической системе, откуда заимствуется слово, а лишь те из них, которые оказываются наиболее удобными для общеупотребительного пользования» [5].

Итак, особенности контекста, его структура и лексическое окружение терминологической единицы влияют на семантический объем термина, его функционирование в общенародном языке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Татаринов В.А. Исторические и теоретические основания терминоведения как отрасли отечественного языкознания: Дис... д-ра филол. наук. – М., 1996. – С. 8.

2. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 212.

3. Митрофанова О. Русские терминологические системы в условиях сильного иноязычного влияния // Избранные аспекты изучения русского языка и литературы. – Познань, 1998. – С. 30.

4. Большой экономический словарь. – М., 2000. – С.583.

5. Граудина Л.К. и др. Мы сохраним тебя, русская речь! – М., 1995. – С. 27.

РОЛЬ ИНФИНИТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СОЗДАНИИ ВРЕМЕННОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ПОЭЗИИ Б. ПАСТЕРНАКА

Инфинитивное письмо – одна из особенностей художественной грамматической системы Пастернака, объясняемая тем, что поэт стремился к невыраженной личности, к снятию глубинной оппозиции между субъектом и объектом. Инфинитивы служат созданию поэтики неопределенности.

Инфинитивные предложения имеют значение вневременности, так как указанная глагольная форма не обладает морфологическими возможностями выражать временное значение. Однако инфинитив участвует в передаче временных отношений на синтагматическом, или конструктивно-синтаксическом, уровне, то есть с его помощью высказывание может быть отнесено к какому-либо временному плану. «Морфологическая природа инфинитива предопределяет его категориальную семантику потенциальности. Независимый инфинитив обуславливает предикативные грамматические значения инфинитивного предложения – вневременность и ирреальность» [1]. Как пишет Г. А. Золотова, инфинитив «обнаруживает богатство и многогранность речевых возможностей, достаточно определенных модально-экспрессивных значений» [2]. Значение потенциальности действия является общим модальным значением инфинитивных предложений [3]. Частные оттенки модальности передаются интонацией и частицами.

Сочетание инфинитива совершенного вида с частицами *не* и *ни* передает модальное значение невозможности, причем «событие представлено как обращенное в будущее» [4]: *А дни все грозней и суровей, Любовью не тронуть сердце* (Дурные дни) [5]; *Не поправит дня усилями светилен, Не поднять теням крещенских покрывал* (Зимняя ночь); *Души не взорвать, как селитрой залежь, Не вырыть, как заступом клад* (Зеркало); *И белой ночи и закату Не разминуться у реки* (Земля); *Назад не повернуть оглобли, Хотя б и затаясь в подвал. Судьбы под землю не заямить* (Художник 1935); *И утренней картины не забыть* (Лейтенант Шмидт); *До Ромен не доехать ей. Не скрыться от мороки* (Лейтенант Шмидт); *Смеркается. Дню не подняться* (905 год); *Так легче жить. А то почти не снести Пережитого слышащихся жалоб* (Брюсову); *Там – гул. Ни лечь, ни прикорнуть* (Распад); *О, не об номера ж мараться По гроб, до морга!* (Из суеверья) – частица *ж* добавляет оттенок недопустимости [6]. Отрицательные местоимения *ничем*, *никому* усиливают категоричность значения невозможности действия: *Никому не чиниться препон* (905 год); *И вот, в гипнотической этой отчизне Ничем мне очей не задуть* (Зеркало).

В инфинитивных предложениях с модальным оттенком долженствования может выражаться план настоящего или будущего времени. Временная семантика опирается на ближайший контекст и видовое значение инфинитива: план настоящего времени связан с несовершенным видом глагола, а план будущего – с совершенным видом глагола [7]: *Зима – как пышные поминки: Наружу выйти из жилья, Прибавить к сумеркам коринки, Облить вином – вот и кутя* (Памяти Марины Цветаевой); *Ночам соловьем обладать, Что ведром полнодонным колодцам* (Эхо); *Вы вдумались ли только в то, какое здесь Раздолье вере! – Оскорбиться взглядом, Пропасть в толпе, случиться ночью в поезде, Одернуть зонт и очутиться рядом!* (Лейтенант Шмидт). В данном примере инфинитивы называют действия, произошедшие в прошлом. Перечисленные события уже произошли, инфинитивные конс-

трукции подчеркивают их исключительность и вневременность. Отсутствие потенциального субъекта в форме дательного падежа указывает на обобщенного деятеля.

Участие частицы *бы* в инфинитивном предложении выражает модальное значение желательности и одновременно осознание невыполнимости своего стремления, утраченной возможности. Действие отнесено к будущему: **Не радоваться нам, кричать бы на крик** (История); **Этим звездам к лицу б хохотать**, Ан вселенная – место глухое (Определение поэзии); **И вот уже сумеркам невтерпёж, И вот уж, за дымом вослед, Срываются поле и ветер, – О, быть бы и мне в их числе!** (Вокзал). Наличие сочетаний *только бы, если б* передает единственность, сконцентрированность желания: **А зарею, в самый сон, Только спать и спать бы**, Вновь запел аккордеон, Уходя со свадьбы (Свадьба); **О, если б мне на память их оставить!** (Спекторский).

Для Пастернака характерно использование вопросительных конструкций, инфинитивы в которых передают модальное значение ирреальности, неопределенности и вневременности: **Куда часы нам затесать? Как скоротать тебя, Распад?** (Распад); **Вот радость! Здравствуй. Просто стыд и срам. Ну, что б черкнуть? Как ехалось? Надолго?** (Спекторский); **Но как пронести мне этот ворох Признаний через ваш порог?** (Баллада); **И как зарнице не зардеться Над вечным вечером канцон** (Надпись на книге Петрарки).

В предложениях, где «инфинитив взаимодействует с темпоральными синтаксемами, можно говорить о темпоральной отнесенности событий» [8]: **Ночью быть буре** (Сон в летнюю ночь); **Ночью, сном не успевши забыться, В просветленьи вскочивши с софы, Целый мир уложить на странице, Уместиться в границах строфы** (После вьюги); **Напрасно в годы хаоса Искать конца благого. Одним карать и каяться, Другим – кончать Голгофой** (Лейтенант Шмидт) – инфинитивы находятся под влиянием синтаксемы с относительным временным значением *в годы хаоса*, которая определяет временной план инфинитивного предложения. **Спелой грушею в бурю слететь** Об одном безраздельном листе (Определение души) – в качестве временного ориентира выступает синтаксема *в бурю*. **Еще земля голым-гола. И ей ночами не в чем Раскачивать колокола И вторить с воли певчим** (На Страстной) – темпоральное наречие характеризует действие как узуальное.

Некоторые стихотворения Пастернака почти целиком построены на инфинитивных конструкциях, например: Февраль. Достать чернил и плакаты; Раскованный голос; Любить, – идти, – не смолкнул гром; Опять Шопен не ищет выгод.

Односоставные инфинитивные предложения относятся к традиционным приемам создания неопределенности в поэзии Пастернака. Значимость поэтики неопределенности для поэта связана с его стремлением спрятать лирическое «я». «Автор применяет языковые средства, позволяющие не упоминать о себе» [9]. Для этого используются, в частности, инфинитивные предложения с неназванным субъектом: **Поднос Шелони – черен и свинцов. Не свести концов и не поднять руки...** (Как у них); **Не спорить, а спать. Не оспаривать. А спать. Не распахивать наспех Окна...** (Весна была просто тобой); **Черных имен духоты Не исчерпать. Звезды, плацкарты, мосты, Спать!** (У себя дома).

Особенность грамматической системы Пастернака состоит в том, что синтаксис в его поэтических текстах играет конструктивную роль. Временная неопределенность создается благодаря использованию инфинитивных предложений со значением вневременности. Они способствуют созданию поэтики неопределенности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лекант П. А. О грамматической форме инфинитивного предложения // Русское слово и высказывание: рациональное и эмоциональное. – М., 2006. – С. 3.

2. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 2004. – С. 138.
3. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 2003. – С. 260.
4. Шаповалова Т. Е. Категория синтаксического времени в русском языке. – М., 2000. – С. 79.
5. Пастернак Б. Л. Полное собрание стихотворений и поэм / Вступ. статья В. Н. Альфонсова; Состав, подготовка текста, примеч. Е. В. Пастернак и В. С. Баевского. – СПб, 2003.
6. Лекант П. А. Указ. работа. – С. 5.
7. Шаповалова Т. Е. Указ. работа. – С. 80.
8. Шаповалова Т. Е. Указ. работа. – С. 80.
9. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыты описания идиостилей. – М., 1995. – С. 139.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СИНОНИМИЯ БЕЗЛИЧНО-ИНФИНИТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Изучение синонимии предложения является одним из средств описания его семантики, а по сути, помогает познанию развития синтаксической системы языка в целом. «Только изучив историю отношения структуры к другим в составе синтаксического ряда и в системе взаимодействующих рядов, мы можем судить о происходящих исторических процессах, о тенденциях развития отдельных звеньев системы» [1]. Синтаксическим рядом Н.Ю. Шведова называет конструкции, находящиеся в отношениях функционально-семантической соотносительности, которая базируется на взаимозаменяемости, способности взаимозамещения, идентичности функций синтаксических конструкций. По Шведовой, функционально-семантическая соотносительность предстает в двух видах: полная соотносительность, или дублетность, и функционально-семантическая близость, или схождение [2].

Явление функционально-семантической близости, по нашему мнению, это не что иное, как собственно синтаксическая синонимия.

Впервые термин «грамматическая синонимия» был употреблен А.М. Пешковским. Изучая вопрос о грамматической синонимии, ученый дает ей определение: «значения слов и словосочетаний, близкие друг другу по грамматическому смыслу» [3]. В основе определения Пешковского – близость разных конструкций по грамматическому значению. Грамматическую синонимию Пешковский делит на морфологическую и синтаксическую. К синтаксической синонимии ученый относит случаи сближения всевозможных грамматических форм, различные схемы построения предложения.

Многие лингвисты [4] отмечают, что синтаксические синонимы содержат указание на общее значение, которое прослеживается в сравниваемых конструкциях. Широко признанными являются «основания» синтаксической синонимии: а) тождество содержания; б) тождество лексического состава; в) тождество (или близость) основного грамматического значения; г) различие показателей этого значения [5].

Таким образом, ведущим признаком синтаксической синонимии признается возможность взаимной замены одной конструкции другой, так как именно взаимозаменяемость заключает в себе основной смысл синонимии.

Источником синтаксической синонимии безлично-инфинитивных предложений является наличие различных способов распространения синтаксической единицы и, как следствие, возможность трансформации одного способа в другой.

По нашему мнению, для безлично-инфинитивных предложений характерны синонимические преобразования двух типов – *внешние* и *внутренние*.

Внешние синонимы безлично-инфинитивных предложений – это конструкции с тождественным номинативным значением, построенные по разным структурным схемам. Сравним: *Супруга Льва Львовича умерла родами, и князь больше не женился. Говорил хлопотно, да и нужды нет – разве мало дворовых девок* [Б. Акунин. Нефритовые четки] и *‘да и незачем – разве мало дворовых девок’*.

Внутренние синонимические преобразования связаны с наполнением структурной схемы, возможностью взаимной замены расширителя (*Pron neg / Adv neg*). Ср.: *Я схожу с ума, оттого что нам не на что разделиться с долгами и выбраться отсюда* [В. Набоков. Лолита] и *‘нечем разделиться с долгами <...>’*.

По сути, внешние синонимические преобразования – это альтернативный спо-

соб отражения одной и той же внеязыковой ситуации; внутренняя синонимия воспринимается как средство расстановки акцентов, уточнения деталей сообщаемого. Нередко безлично-инфинитивные предложения имеют и внутренний, и внешний синоним одновременно. Ср.: *У них было время, чтобы насмотреться, как живут и умирают другие, и им под конец незачем мучить друг друга*. [В. Распутин. Последний срок] и *‘им под конец нечего мучить друг друга’* (внутреннее преобразование); *‘им под конец нет смысла мучить друг друга’* (внешнее синонимическое преобразование).

Кроме того, иногда внутренние преобразования безлично-инфинитивных предложений имеют и *скрытый* вариант.

Скрытые синонимы безлично-инфинитивных предложений – это парные обратимые конструкции, взаимодействие и взаимозамена которых свидетельствует о близости значений. Ср.: *Вы получали письма, а я не получал. Просто не от кого было их получать*. [К. Паустовский. Дожливый рассвет] и *‘Просто некому было их писать’*. Очевидно, что приведенные предложения отражают одну и ту же внеязыковую ситуацию, автора высказывания интересует ситуация в целом, поэтому не вызывает сомнения возможность взаимозамены предложений в речи. Выбор одного варианта из пары зависит от того, какую точку отсчета выбирает говорящий при описании положения дел, какую именно предметно-логическую схему он формирует.

Синонимические преобразования безлично-инфинитивных предложений невозможны в том случае, когда «внимание говорящего направлено на один из компонентов внеязыковой действительности» [6]. Так, в предложении *Пожары у нас в Ленинграде в ту зиму были длительные, медленные, и тушить их было нечем – не было воды* [О. Берггольц. Дневные звезды] второстепенный облигаторный член *нечем*, в котором получила выражение внеязыковая реалья, усилен второй частью сложного бессоюзного предложения, заключающей в себе следствие, вывод из того, о чем говорится в первой части. Именно поэтому синонимическая замена безлично-инфинитивного предложения, обусловленная тождеством номинативного значения, невозможна.

Охарактеризуем потенциальные синонимические преобразования безлично-инфинитивных предложений.

Структурная схема собственно безлично-инфинитивных предложений *Inf Copf Adv neg*, в качестве расширителя содержащая отрицательное местоименное наречие, думается, может легко трансформироваться в *Inf Copf N₂ pr / Adv pr*, где *N₂ pr* – беспредложная или предложная форма любого косвенного падежа существительного, способная сочетаться со связкой; *Adv pr* – наречие, способное сочетаться со связкой. Сравним: *Inf Copf N₂ pr* – *На минутку забежал домой: надеть теплое, взять «бульдог» и наскоро сжевать хлеба с сыром – по-настоящему поужинать времени не было* [Б. Акунин. Декоратор] и *Inf Copf Adv neg* ‘...по-настоящему поужинать некогда было’. Сравним: *Inf Copf Adv pr* – *Отец Люды умер от тяжелых ран вскоре после окончания войны, и матери все недосуг было свозить Люду в город: она работала в колхозе, обстирывала охотников и ещё заведовала сельпо* [Ю. Нагибин. Как скажешь, Аурелио...] и *Inf Copf Adv neg* ‘...и матери все некогда было свозить Люду в город’. Замена облигаторного члена происходит без ущерба для смысла предложений. В сопоставляемых конструкциях сохраняется тождество содержания, лексического наполнения, они идентичны по основному грамматическому значению. В обоих предложениях отрицается возможность совершения действия из-за отсутствия времени.

Таким образом, внешняя синонимия схемы *Inf Copf Adv neg* реализуется дву-

мя вариантами: позицию отрицательного компонента могут замещать как *N₂ pr*, так и *Adv pr*. Схема после внешних преобразований может принимать следующий вид: *Inf Copf N₂ pr* либо *Inf Copf Adv pr*. Возможности внутренней синонимии также представлены двумя вариантами: *Adv neg* замещается либо *Pron neg*: *Нет птичников, настроение у колхозника упало, факт! Незачем его волновать по мелочам...* [М. Шолохов. Поднятая целина]; ср.: *‘нечего его волновать по мелочам’*; либо другим отрицательным наречием *Adv neg₂*: *Шла для этого вполне матрёнина горница. А другого нечего было и поставить, неоткуда лесу взять* [А. Солженицын. Матренин двор]; ср.: *‘негде лесу взять’*.

В структурной схеме *Inf Copf Pron neg* потенциал синонимических преобразований несколько сужен. В данных конструкциях возможен только один вариант внешней синонимической замены. Схема *Inf Copf Pron neg* может быть преобразована только в *Inf Copf N₂ pr*: *Во сне нет дневной условности и ничего не застит, и самому себя стесняться нечего, – душа нараспашку, а другой, как на ладони, во весь рост и телешом* [А. Ремизов. Мартын Задека. Полodни ночи]; ср.: *‘самому себя стесняться нет смысла’*.

Думается, что на появление синонимов влияет морфологическая природа расширителя схемы. Местоимение, являясь зачастую референтом существительного, устойчиво сочетается с ним, и поэтому взаимная замена органична.

Внутренние преобразования этой схемы иллюстрируют два варианта: *Pron neg* замещается *Adv neg*: *У тебя, что же, и сесть не на чем?* [М. Шолохов. Тихий Дон]; ср.: *‘сесть некуда \ негде’*; либо другим отрицательным местоимением *Pron neg₂*: *Все, бывало, сидит на диванчике одна, не с кем ей слова сказать* [К. Паустовский. Телеграмма]; ср.: *‘некому ей слова сказать’*.

Без сомнения, переходный, гибридный характер безлично-инфинитивных предложений открывает перед ними возможности преобразования. Безлично-инфинитивные конструкции синонимичны нескольким грамматическим разновидностям безличных предложений. Ср.: *Она ничем не спровоцировала, ни на полминца, ни помыслом, ни глазом. Одета строго, и в речи собрана, и ей нет нужды в себе копать, чтобы найти что-то такое и, найдя, себя же (как это сейчас модно) отчасти обвинить* [В. Маканин. Один и одна] и *‘...и ей незачем в себе копать’*. В приведенном примере сочетание безлично-глагольного слова *нет* и существительного в форме род.п. было замещено отрицательным наречием *незачем*. Конструкции практически идентичны, их различие несущественно (нейтрализовано) в тексте. В 1 предложении отрицание выражено с меньшей экспрессией и напряженностью. В паре: *Не время сейчас, Валечка, на мягком нежиться. А мне тем более. И так стыдно, что не на фронте.* [А. Солженицын. Случай на станции Кочетковка] и *‘...некогда, Валечка, сейчас нежиться’* морально-этическая оценка действия в безличной конструкции менее категорична, чем в безлично-инфинитивной. Нет различий в выражаемых значениях и между спрягаемо-глагольным типом безличного предложения и безлично-инфинитивным: *Все будет зависеть от обстоятельств, как они сложатся... Во всяком случае я убеждена, что Евгений Константинович не заживет здесь, и поэтому не следует даром терять времени.* [Д. Мамин-Сибиряк. Горное гнездо] и *‘... и поэтому незачем даром терять время’*. Безличная и собственно безлично-инфинитивная конструкции эквивалентны, общность их семантики налицо.

Как известно, одной из функций синонимов является уточнение; дополнительные семантические оттенки направляют, позволяют с разных точек зрения осмыслить обозначаемое. Так, в предложении *А позднее прибавилась еще одна нежданная, мучительная тягота – легло на душу страшное бремя задуманного убийства*

того самого, будь он проклят, Эрташа Курчала. И никуда не деться было теперь от неумного жжения мести, надсадно тлеющего в глубине души, – убить и только. [Ч. Айтматов. Когда падают горы] употребляется местоименное наречие при главном члене с отрицанием, ср. безлично-инфинитивное: ‘...и **некуда деться было** теперь от неумного жжения мести...’ с усиленным утвердительным смыслом.

Возможность синонимической замены характерна и для неполных безлично-инфинитивных предложений. В структурной схеме конструкции, отражающей внешнюю невыраженность инфинитива, **Copf Pron neg / Adv neg**, **замещена лишь** позиция расширителя: **Copf N₂ pr / Adv pr**. – *Сколько лет в Минск собиралась, да не вышло. – Что же так? – Все **недосуг было**, как муж погиб, то и вовсе... Языка маленькая на руках, да и грошей нема* [Ю. Нагибин. На тихом озере] и ‘...**все некогда было**’. Эти предложения противопоставлены лишь по эмотивному значению. Говорящему важно показать непринужденный, разговорный характер высказывания.

Синонимы несобственно-вопросительных безлично-инфинитивных предложений воспринимаются как стилистически маркированные. Незначительное преобразование структурной схемы **Inf Copf Pron / Adv interr/ neg** в **Inf Copf Pron / N₂ interr / neg** добавляет в значение эмоционального отрицания разговорный, народный, усилительный характер, подчеркивая живость, непосредственность конструкции. – *Да чего вы раскричались? – возмущалась Анфиска. – Запозднилась я и в большом зале легла. **На кой ляд** мне было в деревню **чапать**, раз утром ни свет ни заря выходить?* [Ю. Нагибин. Олечка женился] и ‘...**зачем мне было в деревню чапать?**’. Такая соотносительность безличных и безлично-инфинитивных предложений объясняется, по нашему мнению, не только природой последних (безлично-инфинитивные предложения находятся на периферии системы безличных конструкций), но и способностью языка выражать данное значение / отношение посредством двух (или более) равнозначных, эквивалентных конструкций, представляющих собой синонимический ряд.

Так, специфика безличных предложений – отрыв от деятеля, преобладание семантики состояния – отчетливо осознается при сопоставлении с синонимичными двусоставными предложениями: *Фандорин вышел к завтраку в утреннем смокинге и белом галстуке <...>. По правде сказать, мое направление мыслей было сходным, только вот, в отличие от Эрста Петровича, я не имел во что переодеться и удовольствовался тем, что как следует выбрил свою голую физиономию* [Б. Акунин. Коронация, или последний из романов]; ср.: ‘...**мне было не во что переодеться...**’. В безлично-инфинитивном предложении на передний план выходит состояние, существующее независимо от деятеля. Такое отвлечение от деятеля и обуславливает своеобразие семантики конструкций. Синонимическая близость, взаимозаменяемость двусоставных и односоставных (безлично-инфинитивных конструкций) позволяет говорить о том, что в таких случаях «грамматика русского глагола органически сплетается с его стилистикой» [7].

Таким образом, синонимы в структуре безлично-инфинитивных предложений демонстрируют явления языковой и речевой синтаксической синонимии. Синонимический ряд безлично-инфинитивных предложений включает в свой состав как разноструктурные модели, отличающиеся друг от друга комплексом грамматических значений, так и конструкции с тождественным номинативным, но различным интерпретационным значением.

Конечно, языковая и речевая синонимия не разделены барьером <...>, синонимия типов предложений немыслима без синонимии конкретных предложений [8].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шведова Н.Ю. Русский язык: Избранные работы. – М., 2005. – С. 228.
2. Там же. – С. 229.
3. Пешковский А.М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы. – М., 1930. – С. 113.
4. Золотова Г.А. Синтаксическая синонимия и культура речи // Актуальные проблемы культуры речи. – М., 1970; Ковтунова И.И. О синтаксической синонимии // Вопросы культуры речи. – М., 1955; Максимов Л.Ю. О грамматической синонимии в современном русском языке // РЯНШ. – 1966. – № 2; Сухотин В.П. Синтаксическая синонимия в современном русском языке. – М., 1960.
5. Лекант П.А., Моница Т.С., Павлюченкова Н.Ф., Шаповалова Т.Е. Синтаксическая синонимия в русском языке. – М., 1990. – С.5.
6. Там же. – С. 11.
7. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1986. – С. 463.
8. Лекант П.А. О явлениях синтаксической синонимии в структуре предложения // Лекант П.А. Очерки по грамматике русского языка. – М., 2002. – С. 303.

РЕЦЕНЗИИ

**Рецензия
на учебное пособие А.Н. Кожина
«ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ»
(М.: МГОУ, 2007. – 233 с.)**

С середины 1980-ых гг. наблюдается усиление интереса исследователей к лингвистическому и стилистическому анализу художественного произведения. В 1990-е гг. лингвисты и литературоведы пытаются решить проблемы филологического (комплексного) подхода к художественному тексту, о чем свидетельствует ряд общих вопросов, служащих предметом их изучения: образ и образность, эстетическая (поэтическая) функция, образ автора и формы его реализации в тексте (включая и языковые средства выражения), функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение), виды речи в тексте («свое» – авторское – и «чужое» слово: прямая, несобственно-прямая и косвенная речь), именование литературных персонажей и др. Выходят в свет учебные пособия, посвященные стилистике текста (Г.Я. Солганик), лингвистическому и филологическому анализу текста (Н.М. Шанский, Л.А. Новиков, Н.А. Купина, Н.А. Николина и др.). Филологический анализ художественного текста, теория текста и стилистика текста – это актуальные научные направления рубежа XX-XXI вв.

Учебное пособие А.Н. Кожина – один из ряда трудов, которые ориентированы прежде всего на теорию художественной речи, оно также отражает проблемы функциональной стилистики, теории текста, филологического анализа художественного текста и стилистики текста. В нем интегрированы проблемы всех названных исследовательских направлений, которые интересно решаются автором.

Достоинством названного пособия А.Н. Кожина, на наш взгляд, является и тот факт, что оно содержит важные теоретические положения, касающиеся особенностей и понятий художественного текста, его анализа, главное – анализа языка писателя.

Автор обращается к истокам *поэтики* и *поэтического слова*, эстетики слова, стараясь продемонстрировать особенности использования *слова* в литературе как форме художественного творчества.

Название учебного пособия «Введение в теорию художественной речи» отражает его содержание, поскольку в работе даются основные теоретические положения, выработанные, с одной стороны, отечественной лингвистикой (А.Н. Веселовский, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, А.А. Потебня, Г.В. Степанов и др.), с другой – литературоведением (М.М. Гиршман, В.М. Жирмунский, Ю. Манн, Ю.И. Минералов, И.З. Серман, Б.В. Томашевский, Ю.Н. Тынянов и др.).

А.Н. Кожин отражает и свой взгляд на проблемы теории художественной речи. Так, он четко определяет предмет теории художественной речи: «Наблюдения над живописностью, образностью словоупотребления, сочетаемостью слов и своеобразием грамматических построений в разновидностях художественного текста являются краеугольным камнем теории художественной речи как научной и учебной дисциплины» (с. 9).

Теоретическая часть материала учебного пособия обусловливается стремлением автора дать читателю важнейшие понятия теории художественной речи, определяющие преобразование речевых явлений в эстетически значимые средства словесного творчества.

Особое внимание А.Н. Кожин уделяет проблеме образности в художественном произведении, определяя её как: 1) содержательный компонент слова (элемент лексического значения) и явление, порожаемое художественным употреблением; 2) процесс вживания в формируемый автором образ; 3) сложный процесс переживания, в котором находит специфическое выражение авторское «Я» и «Я» читателя (см. с. 34).

Особое место в учебном пособии А.Н. Кожина отведено своеобразию художественного текста, его характеристикам. Автор определяет место художественного текста в ряду общелитературных, нехудожественных текстов, что имеет важное теоретическое значение для комплексного подхода к тексту, а также для освоения теории художественной речи.

Теоретический материал иллюстрируется текстами художественной литературы и анализом выразительно-изобразительных средств языка в них, демонстрацией особенностей стихотворной и прозаической речи, речи персонажей в стихотворных и прозаических произведениях.

В пособии подробно анализируется роль *имени персонажа* в художественном тексте, которое рассматривается А.Н. Кожиним как: 1) художественное средство, позволяющее конкретизировать, выделять, индивидуализировать литературного героя; представлять деятеля ментального мира в его связях с другими действующими лицами литературной действительности; 2) компонент художественного изображения, когда оно выступает следствием художественного познания, в ходе которого познаваемое предстает как художественный образ (с. 220).

Проблема «образа автора» освещается как новая лингвостилистическая категория литературно-художественного творчества, пришедшая на смену жанровым схемам литературного изображения рубежа XVII-XVIII вв. «Образ автора» репрезентируется в диахронии: в творчестве Аввакума, Державина, Радищева, Карамзина, Пушкина, Гоголя и др.; его формы в лирике и в прозе, лик автора как творческое «Я» (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»). А.Н. Кожин определил «образ автора» (с. 93) как: 1) сложную структуру художественного текста, определяемого углом авторского видения; 2) «призму», позволяющую автору осваивать явление реальной жизни и выражать отношение к изображаемому; 3) отношение автора художественного произведения к читателю; 4) умение автора облекать свое художественное сознание в разные формы литературно-художественной речи; 5) самобытность словесно-речевых структур, обладающих индивидуальным своеобразием и т.д. (с. 93).

Таким образом, каждую теоретическую проблему теории художественной речи А.Н. Кожин освещает, опираясь на лингвостилистические и литературоведческие традиции, давая собственный взгляд, который иллюстрируется анализом текстов.

После каждой теоретической части пособия даны задания для самостоятельной работы, призванные проконтролировать освоение теории вопроса читателем

(студентом).

Вопросы в «Заданиях для самостоятельной работы» отсылают к анализу соответствующего понятия теории художественной речи (на примере конкретного художественного текста), что, по нашему мнению, способствует привитию навыков и умений студентам, учителям и пр. правильно понимать смысл текста, анализировать тексты художественной литературы.

Труд А.Н. Кожина «Введение в теорию художественной речи» является вкладом не только в теорию художественной речи, но и в развитие такого направления, как филологический анализ художественного текста, призванного объединить научные интересы лингвистов и литературоведов, а также в теорию текста и стилистику текста. Оно необходимо для преподавания в вузах и школе не только в качестве учебного пособия к курсам «Лингвистический анализ художественного текста», «Теория текста», «Стилистика русского языка», но и для развития языковой, стилистической и литературной компетентности филолога.

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
Стерлитамакской государственной
педагогической академии
Е.И. Беглова*

Рецензия на книгу:
АСТАХИНА Л. Ю. СЛОВО И ЕГО ИСТОЧНИКИ.
РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОЛОГИЯ:
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ.
— М.: Московский гос. ун-т печати, 2006. — 368 с.

Л. Ю. Астахина хорошо известна ученым-русистам, занимающимся проблемами изучения языка рукописных текстов. В данной книге обобщен опыт ученого в области источниковедческого исследования слова в контексте лексикологической и лексикографической традиций школы проф. С. И. Коткова.

Монография состоит из четырех глав, Заключения, Библиографии, Списка псевдогапаксов, Списка сокращений и послесловия Ю. Н. Филипповича «Электронное издание рукописных и старопечатных древнерусских источников».

В первой главе Л. Ю. Астахина касается такого редкого и малоизученного явления, как *псевдогапаксы*, т. е. несуществующие в реальном языке слова, появившиеся в результате «определенных условий работы с текстом рукописи» (с. 14), например, в случае ошибочного чтения или понимания текста. Л. Ю. Астахина указывает, что такие примеры отнюдь не единичны, они могут быть зафиксированы в академических картотеках и лексикографических источниках. Так, в «Словаре народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века» (Томск, 2001) «встретилось слово *тачань* (с. 281) со знаком вопроса вместо толкования... Скорее всего, в слове *тачань* буква «г» была принята за «ч»: из контекста следует, что речь здесь может идти о таганах — приспособлениях, на которые ставят котлы при приготовлении пищи на открытом огне» (с. 19 рецензируемой книги).

В этой же главе автор говорит и о причинах появления и путях нахождения псевдогапаксов, которые, как показывает опыт Л. Ю. Астахиной, вкрадываются даже в авторитетные текстологические исследования.

Вторая глава посвящена проблеме источников и их роли в изучении истории русского языка. Автор обоснованно говорит об исключительной роли картотеки ДРС, в составлении которой участвовали выдающиеся ученые прошлого: А. И. Соболевский, М. Н. Сперанский, Б. А. Ларин и др. Она послужила источником не одного словаря и сотен диссертационных исследований. Л. Ю. Астахина говорит здесь и о ценности фактов деловой письменности для воссоздания реального языкового колорита прежних эпох. Очень важно, что снова ставится вопрос о правилах отбора манускриптов и издания рукописных текстов. Одним из главных критериев, по мнению автора книги, являются лингвистическая содержательность рукописи и ее информативность (с. 140). Весьма интересна и полезна часть, рассказывающая о классификации материалов по исторической лексикологии.

Третья глава «Источники и историко-лексикологические исследования» анализирует разные виды текстов, в которых отражаются яркие языковые явления: оттенки семантики, новые лексические группы и др. Автор достаточно подробно рассказывает об истории отдельных слов и специфике их употребления в разные эпохи. С историко-культурной и семасиологической точек зрения проанализированы лексемы *забава*, *потешение*, *веселье* и др.

Четвертая глава раскрывает малоизвестные страницы из истории лингвистического источниковедения. Замечательны очерки Л. Ю. Астахиной о «Древней Российской Вивлиофике» Н. И. Новикова, о деятельности К. Ф. Калайдовича по из-

данию древних рукописей, об исследованиях по деловой письменности А. А. Шахматова. Особо скажем о материале, посвященном работе Б. А. Ларина над историческим словарем русского языка. Л. А. Астахина приводит новые архивные материалы, раскрывающие непростую ситуацию в науке конца 1940-х гг., когда проф. Б. А. Ларин был объектом травли, а его труды по изучению иностранных лексиконов назывались «антипатриотическими» и «сомнительными». Время расставило на нужные места «героев» тех событий...

Во всей книге Л. Ю. Астахиной приведено большое количество интереснейших примеров, не вошедших в классические труды по истории русского языка и учебные пособия (а именно последние, на наш взгляд, как раз и нуждаются в подобных «сюжетах»). В этом чувствуется многолетний опыт ученого, отдавшего всю свою сознательную жизнь профессиональному изучению текстов, прежде всего скорописных. Великолепное знание источников и личная увлеченность автора, заражающего своей «узкой» областью читателей, — отличительные качества данной книги, которая, надеемся, может иметь не менее интересное и поучительное продолжение.

О.В. Никитин

Москва

Рецензия на книгу:
ДУЛИЧЕНКО А. Д. ИСТОРИЯ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ:
Учеб. пособие. — М.: «Высшая школа», 2007. — 184 с.

Труды заведующего кафедрой славянской филологии профессора Тартуского университета А. Д. Дуличенко каждый раз поражают не только широтой и глубиной познаний в разных, часто малоизученных или вообще неисследованных областях, но и оригинальностью мысли, энциклопедичностью идей и разработок, с которыми он всегда щедро делится с читателями, коллегами, учениками. Принимая во внимание предмет данной рецензии, стоит представить уважаемого коллегу (хотя в этом он совсем не нуждается) и со стороны «всеобщего языкознания». Проф. А. Д. Дуличенко — редактор серий научных сборников Тартуского университета по славистике — «*Slavica Tartuensia*» (выходит с 1985 года) и по проблемам интерлингвистики — «*Interlinguistica Tartuensis*» (выпускается с 1982 года). Он является действительным членом и ординарным профессором *Accademia Internazionale delle Scienze (San Marino)* по гуманитарному разряду (интерлингвистика) и президентом Международной ассоциации интерлингвистики и немало способствует расширению аудитории исследователей этой проблематики, привлечению нового поколения ученых к активной деятельности на ниве эволюционного языкознания, каким, по своей сути, можно назвать обсуждаемую в данной рецензии область теоретических и практических экспериментов по изобретению очередного *perpetuum mobile* планеты — ЯЗЫКА.

Новая книга проф. А. Д. Дуличенко рассказывает о специальной науке — *интерлингвистике*, которая занимается изучением и созданием международных языков. Этой науке официально чуть более 120 лет (с тех пор, как Л. Заменгоф придумал свой универсальный язык — эсперанто). Но на самом деле — и это убедительно показывает проф. А. Д. Дуличенко — проекты создания международных языков владели умами многих философов и гуманистов прошлого. Достаточно сослаться на ставшее классическим исследование А. Д. Дуличенко «Международные вспомогательные языки» (Таллинн, 1990), чтобы понять: идее всеобщего языка без малого почти два тысячелетия (!), начиная с II в. н. э., когда римский философ и медик С. Galenus создал систему знаков для общения между разноязычными народами.

Книга А. Д. Дуличенко впервые представляет аудитории отечественных читателей взгляд современного ученого (и теоретика, и практика: проф. А. Д. Дуличенко отлично владеет эсперанто и регулярно участвует в международных интерлингвистических симпозиумах) на историю создания всеобщих языков в разных странах мира с социо- и этнолингвистических позиций. Заметим попутно, что рецензируемый труд переведен на несколько европейских языков, есть издание и на эсперанто. Это тем более примечательно, так как до сих пор мы имеем в некотором роде схоластическое представление о столь интересном и малоизвестном в филологической среде предмете, которым интересовались в прошлом И. А. Бодуэн де Куртенэ, С. К. Булич, П. Я. Стоян, Н. В. Юшманов, Э. А. Бокарев, Э. П. Сवादост и др. В силу понятных идеологических обстоятельств откровенно писать на подобные темы в советский период было бесперспективно. Автор данной книги имеет сорокалетний опыт «странствий» по интерлингвистическому пути: от убеждений в прежние времена о необходимости издания работ до реальных действий и большой научно-общественной работы по пропаганде *живых* идей искусственных языков. В их генезисе

се и теоретическом прагматизме создателей современная наука может почерпнуть немало полезных идей.

Что такое всемирный язык? Когда он возникнет и возникнет ли вообще? Сколько языков насчитывается на Земле? Может ли человек управлять языком? Как люди преодолевали языковые барьеры в прошлом и что делается в этом плане сейчас? — на эти и многие другие вопросы дает ответ книга А. Д. Дуличенко.

Ее содержание настолько богато, свежо и информативно, что мы без пересказа и компиляции идей автора тезисно передадим начальные главы книги:

Глава 1. НОВЫЙ ВАВИЛОН, ИЛИ «ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДЖУНГЛИ» СОВРЕМЕННОГО МИРА: *Легенда о Вавилонском столпотворении и формирование многоязычия на Земле. Сколько языков в мире? Языковая ситуация в мире. Проблема языкового барьера в век научно-технической революции.*

Глава 2. «NIL MORTALIBUS ARDUUM EST!», ИЛИ СКОЛЬКО ЯЗЫКОВ МОЖЕТ ИЗУЧИТЬ ЧЕЛОВЕК? *Двуязычие — многоязычие — полиглотизм. Мы столько раз люди, сколько знаем языков. Крупнейшие полиглоты мира: мифы и действительность. Возможности человеческой памяти. Два полиглотических интервью из Тарту. Пауль Аристэ: «Я люблю все языки, которыми владею и...не владею».*

Глава 3. О СОЦИАЛЬНОЙ УПРАВЛЯЕМОСТИ ЯЗЫКА: *«Естественность» «естественных» языков. Языки социальные, мужские и женские, секретные и священные... Экзотическая прелесть пиджинов: рояль — это “один большой предмет, как-то связанный с музыкой: если нажать на его зубы, получится звук”. Реанимация... языков. Сферы социального воздействия на язык. Законодатели языка и лингвистические исполнители. Пределы социального воздействия на язык.*

Глава 4. В ПОИСКАХ РАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА: *Возникновение мысли об искусственном языке. Первые эксперименты создания искусственного языка. Знаки Галена из II века. «Незнакомый язык» аббатисы из Рупертберга (XII век). Балайбалан — это значит «живой язык» Востока.*

Глава 5. ФИЛОСОФЫ В ПОИСКАХ... ФИЛОСОФСКОГО ЯЗЫКА: *Первые теоретические программы и опыты априорно-философского языка. Френсис Бэкон: «Это был бы вполне прекрасный язык». Рене Декарт: на таком языке «крестьяне смогут судить о сущности вещей лучше, чем это делают в настоящее время философы». «На этом всеобщем языке будут создаваться песни и гимны, которые люди будут петь...» (Г. В. Лейбниц). Универсальная грамматика монастыря Пор-Рояль. Проекты философских языков Дж. Далгарно, Дж. Уилкинза, Я.А. Коменского, Г. В. Лейбница. И. Ньютон и А. М. Ампер: дань всеобщему языку.*

Глава 6. ЮРИЙ КРИЖАНИЧ: ОТ ИНТЕРСЛАВА К АПОСТЕРИОРНОМУ ЛИНГВОПРОЕКТИРОВАНИЮ: *Хорват по происхождению, просветитель и всеславянин по призванию. Путешествие в Россию. 15 лет в Тобольске. «Ни один язык не был искони, в самом своем начале, совершенным» (1661). «И порешил я говорить общим языком, чтобы всем было понятно» (1661). Ватрослав Ягич: «...низко кланяюсь Крижаничевой смелости и энергии, которой он создал себе для своих очень богатых мыслей особый, свой язык». Александр Брюкнер: всеславянский язык Крижанича — «попытка чрезвычайно великая в истории лингвистики».*

Всего в книге 14 глав. Остальные разделы имеют столь же притягательные заголовки, как и содержание: Гл. 7. РИСУНОЧНЫЕ ЯЗЫКИ? Гл. 8. СОЛЬРЕСОЛЬ: ПРОИГРАТЬ НА ЯЗЫКЕ МУЗЫКУ. Гл. 9. «MENADE BAL — PUKI BAL!»: «ЕДИННОМУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ — ЕДИНЫЙ ЯЗЫК!». Гл. 10. 1887–1987: СТО ЛЕТ НА-

ДЕЖД И ДЕЙСТВИЙ. Гл. 11. ЯЗЫК БЕЗ ГРАММАТИКИ! ОТ СХЕМАТИЗМА К НАТУРАЛИЗМУ. Гл. 12. ИНТЕРЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА С ДРЕВНОСТИ ДО СОВРЕМЕННОСТИ. Гл. 13. ВЕЛИКИЕ ЯЗЫКИ: СОСТЯЗАНИЕ ПО ОЛИМПИЙСКОЙ СИСТЕМЕ? Гл. 14. КАК ВОЗНИКНЕТ ВСЕОБЩИЙ ЯЗЫК?

Автор с большой любовью и почтением пишет о крупнейших полиглотах мира, известных и забытых — философах, филологах, этнографах, первых изобретателях и просветителях, мечтавших о едином языке на Земле. Это — Декарт, Ньютон, Лейбниц, Коменский, Ампер, Маяр, Сюдн, Шлейер, Заменгоф, Пеано, Юшманов, Бодуэн де Куртенэ, Валь, Есперсен, Дрезен...

Изложение идеи всемирного языка начинается с античности — со II века н. э., когда появляются первые упоминания об искусственно созданных языковых системах, предназначенных для международного общения, и доводится автором до XXI в.

А.Д. Дуличенко, в частности, указывает, что в XVII столетии и позднее этим вопросом занимались многие крупные европейские философы. Появляются проекты рационально созданных языков, наряду с ними предлагаются «языки без слов» — проекты рисуночного письма в виде идеографии и пазиграфии. Длительные попытки внедрить искусственно созданный язык в общество привели к значимым результатам лишь в конце XIX в. Поэтому большое внимание автор уделяет истории создания всемирных языков волапюк и эсперанто.

Ученый на основе большого количества проанализированного материала (на многих языках) обоснованно говорит о том, что до конца XX в. в различных странах мира было предложено около одной тысячи проектов универсальных, всеобщих, всемирных, международных и т. д. языков, но лишь один из них — *эсперанто* — функционирует как международный вспомогательный язык более века. Почему так произошло? Что явилось той «золотой серединой», которая до сих пор продвигает этот искусственный язык в массы — мастерство изобретателя? простота овладения его нормами или что-то иное? — об этом подробно рассуждает А. Д. Дуличенко и притом приводит исключительно показательные факты, как пытались внедрить рационально созданный язык в общество. Здесь же возникает и другой вопрос, более широкий: какова диалектика соотношения искусственных и «естественных» языков в современном мире? И эту часть философии «вавилонского столпотворения» представляет на своих страницах А. Д. Дуличенко.

Автор рассматривает пять основных путей решения проблемы всемирного языка — один или несколько этнических языков в этой роли, всемирное слияние языков (возможно ли?), искусственно созданный язык, компьютерная техника и, наконец, сочетание названных путей.

На страницах этой книги перед читателем возникает то фантастическая картина «вавилонского столпотворения» языков и экзотика пиджинов, то рисуночное письмо и проекты философских, универсальных языков Нового времени, предопределивших лингвокультурные традиции многих народов. Автор пытается решить и современные проблемы лабиринта всеобщих языков.

В книге суммирован, обработан и проанализирован огромный фактический материал разных языков мира, позволяющий обсуждать весьма спорные вопросы: каковы пути человечества ко всеобщему языку? где они, ключи от языкового будущего Земли? каков языковедческий сценарий третьего тысячелетия?..

Один из «романтиков» всеобщего языка проф. С. К. Булич посвятил этому вопросу объемную статью в знаменитом «Энциклопедическом словаре» Брокгауза–Ефрона, которая заканчивалась такими словами: «Мы не можем и догадываться, что произойдет с языком в эту отдаленную эпоху, если развитие культурного мира будет

идти без всяких помех и препятствий извне. Как бы то ни было, постоянное появление проектов всеобщего языка не только указывает на известные общественные потребности, но и служит, быть может, симптомом каких-то нам еще неясных будущих эволюций общества». Так что изучение интерлингвистики сегодня в какой-то мере и есть еще один шаг вперед — в будущее науки, истории, цивилизации.

Рецензируемая книга — не только единственное в своем роде *учебное* пособие для регулярных университетских курсов по введению в языкознание, общему языкознанию, истории лингвистических учений, социолингвистике, теории языка, но и просто «книга для чтения», которую можно рекомендовать гуманитариям любого профиля, интересующемуся языковой жизнью Земли и вопросами преодоления языковых барьеров в прошлом и в современном мире. Материалы данного учебного пособия можно применять при чтении спецкурса «Интерлингвистика и проблемы международной языковой коммуникации». Полагаем, что благодаря писательскому мастерству автора (которым, заметим, обладает далеко не каждый ученый) книгу с большим интересом прочтут и учащиеся старших классов.

В «Истории интерлингвистики» А. Д. Дуличенко ощущается живое дыхание разных эпох с их научными и околонаучными спорами, ведущимися до сих пор, но... реально ли всемирное слияние языков? — на этот вопрос автор предоставляет возможность поразмышлять и читателям; может быть, кто-то из них под впечатлением изложенного материала будет изобретателем нового языка будущего.

О.В. Никитин

Москва

ИНФОРМАЦИЯ

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ОБЛАСТНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

15-17 марта 2007 г. в научной жизни факультета русской филологии Московского государственного областного университета состоялось важное событие – Всероссийская научная конференция «Русский язык в современном состоянии: вопросы теории и практики», посвященная Году русского языка. Организатором этой конференции выступило отделение русского языка Международной академии наук педагогического образования (МАНПО), кафедра современного русского языка МГОУ во главе с *Лекантом Павлом Александровичем* – Заслуженным деятелем науки Российской Федерации, доктором филологических наук, профессором, заведующим кафедрой современного русского языка МГОУ, вице-президентом МАНПО, академиком-секретарем отделения русского языка, академиком МАНПО.

В работе конференции приняли участие члены МАНПО – академики и члены-корреспонденты из разных городов России: Москвы, Мичуринска, Рязани, Арзамаса, Электростали, Ельца, Йошкар-Олы, Ярославля, Саранска, Екатеринбурга, Самары, Белгорода, Петропавловска-Камчатского. Активно участвовали в работе конференции все преподаватели, аспиранты и докторанты кафедры современного русского языка МГОУ.

На пленарном заседании был представлен круг актуальных проблем, которые остаются приоритетными для ученых, объединившихся в составе отделения.

Л. Ф. Копосов, д.ф.н., проф., зав. кафедрой общего языкознания и истории русского языка, декан факультета русской филологии МГОУ, член-корр. МАНПО, в своем докладе определил роль филологического образования в подготовке специалиста.

К. А. Войлова, д.ф.н., проф., зав. кафедрой славянской филологии МГОУ, член-корр. МАНПО, описала роль просторечия в современной языковой ситуации.

Е. В. Клобуков, д.ф.н., проф. кафедры русского языка МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корр. МАНПО, обратился к проблеме взаимодействия языков, к описанию «своего» и «чужого» в современном русском словообразовании.

О. А. Крылова, д.ф.н., проф. кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов, академик МАНПО и РАЕН, доложила о выходе в свет полного академического справочника «Правила русской орфографии и пунктуации».

Т. В. Маркелова, д.ф.н., проф., проректор по учебной работе Московского государственного университета печати, академик МАНПО, выявила черты русской языковой личности в современном лингвистическом мире.

В. В. Леденева, д.ф.н., проф. кафедры современного русского языка МГОУ,

член-корр. МАНПО, рассказала о взаимодействии различных форм существования русского языка и нивелировке стилистической системы в конце XX века.

П. А. Лекант, д.ф.н., проф., зав. кафедрой современного русского языка МГОУ, академик МАНПО, академик-секретарь отделения русского языка, вице-президент МАНПО, наметил новые аспекты осмысления «гибридных» слов и «гибридных» частей речи в русском языке.

В рамках конференции ученые объединились по научным интересам и осуществили работу по следующим направлениям: «Аспекты и категории предложения», «Реализация синтаксических средств в высказывании», «Лексика и экспрессивность», «Художественный текст глазами лингвиста», «Современная языковая ситуация», «Постановка лингвистических курсов в филологическом образовании». Вниманию аудитории было предложено более пятидесяти докладов и сообщений, которые вызвали большой интерес и активно обсуждались. Многие доклады опубликованы в настоящем выпуске серии «Русская филология» Вестника МГОУ.

Т.Е. Шаповалова

Копосов Л.Ф., Лекант П.А.

Лекант П.А., Герасименко Н.А.

Преподаватели и студенты исполняют «Gaudeamus»

Леденёва В.В., Мони́на Т.С.

Копосов Л.Ф.

Лекант П.А., Дегтярёва М.В.

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Пасечник	
Слово ректора.....	3
П.А. Лекант	
Слово редактора. Русский язык: 2007.....	4
РУССКИЙ ЯЗЫК	
Е.В. Алтабаева	
Градация желаний в оптативных предложениях.....	5
Е.И. Беглова	
В поисках лексической нормы: традиции и новаторство.....	9
И.Ю. Ваганова, Т.А. Гридина	
«Описываемое будущее» как модель ментального пространства в художественной фантастике (на материале повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу»).....	14
К.А. Войлова	
Просторечие и современная языковая ситуация.....	20
В.В. Востоков	
Абзац: бытийные предложения в начале экспозиционного абзаца в рассказах и юморесках А.П.Чехова.....	27
Л.В. Вязикова	
Некоторые заметки об орфографии середины XV века.....	32
Н. А. Герасименко	
Синонимия предложно-падежных форм существительного в предикативном употреблении.....	35
М.В. Дегтярева	
Падежное управление как отличительный грамматический признак предикатива.....	38
А.В. Канафьева	
Риторическое высказывание в поэтическом тексте: форма, семантика, функции.....	45
Е.П. Карташова	
Языковая игра как стилистическая доминанта литературно-философской прозы В.В. Розанова....	48
С.М. Колесникова	
Градуальный предикат - основной компонент градуальности.....	53
Н.И. Коновалова	
Прагматика русского заговора.....	60
Л.Ф. Копосов	
Нормы деловой письменности и русские грамматики XVIII в.....	67
Т.Г. Крапотина	
Роль вторичной номинации в образовании новых фразеологических единиц.....	72
В.В. Леденёва	
Заметки о языковом облике начала XX века.....	76
П.А. Лекант	
Гибридные слова и гибридные части речи.....	80
Е.М. Маркова	
Названия растений в русском языке как отражение фрагмента языковой картины мира славян....	84
Т.С. Моница	
Реализация инварианта бытийного значения в простом предложении.....	93
С.Ю. Нагорная	
Странники: пространство в старообрядческих текстах.....	99
И.А. Нагорный	
Функциональная семантика русских предположительных частиц.....	105
О. В. Никитин	
«Деловая» публицистика как факт лингвокультурной традиции XVIII в.....	109
А.В. Петров	
Безлично-результативные предложения.....	117

Н.Б. Самсонов	
О разных подходах к пониманию пропозиции.....	123
Т.М. Свиридова	
Эмотивные аспекты оценки, характеризующие акты согласия / несогласия.....	126
В.В. Тихонова	
О некоторых особенностях участия глагола в выражении пространственных отношений.....	132
В.С. Третьякова	
Ненормативная лексика в контексте речевого общения.....	137
Г.Д. Фигуровская	
Синтаксические функции и семантика лексемы <i>одновременно</i>	143
И.Д. Чаплыгина	
Развитие теории ты-категории: некоторые итоги и перспективы.....	147
Н.В. Черникова	
Оценочная энантиосемия как результат поляризации актуальных смыслов.....	150
И.В. Шамшин	
Иноязычные наименования документов в русской административной лексике XVIII века.....	154
Т.Е. Шаповалова	
О темпоральной семантике констукций с наречиями <i>когда-то, некогда, когда-нибудь</i>	158
О.В. Шаталова	
Отталкивание как фактор семантической дифференциации лексем с корнем <i>бы-</i> в русском языке.....	161
Е.С. Ярыгина	
Средства выражения модуса мнения в конструкциях вывода-обоснования.....	164

ПУБЛИКАЦИИ АСПИРАНТОВ

Л.А. Иванова (Шилина)	
‘Возраст’ в структуре концепта «время».....	170
Н.В. Латышева	
Модальные значения <i>ли</i> -конструкций.....	176
А.А. Макарова	
Контекст как первопричина трансформации смысловой структуры термина экономики.....	180
Е.В. Макаровская	
Роль инфинитивных предложений в создании временной неопределенности в поэзии Б. Пастернака.....	184
Е.В. Шутун	
Синтаксическая синонимия безлично-инфинитивных предложений.....	187

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на учебное пособие А.Н. Кожина «Введение в теорию художественной речи».....	192
Рецензия на книгу: Астахина Л.Ю. Слово и его источники. Русская историческая лексикология: источниковедческий аспект.....	195
Рецензия на книгу: Дуличенко А.Д. История интерлингвистики:.....	197

ИНФОРМАЦИЯ	201
-------------------------	-----

ВЕСТНИК

*Московского государственного
областного университета*

№ 1

Серия

“РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ”

Подписано в печать: 11.05.07

Формат бумаги 60х86 /₈. Бумага офсетная. Гарнитура “SchoolBookC”.

Уч. – изд. л. 12,75. Усл.п.л. 15. Тираж 500 экз. Заказ № 132.

Издательство МГОУ

105005, г. Москва, Радио, д. 10-а,

т. 256-41-63, факс 265-41-62.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Для публикации научных работ в выпуске серии «Русская филология» «Вестника МГОУ» принимаются статьи на русском языке. При этом публикуются научные материалы преимущественно докторов и кандидатов наук, докторантов, аспирантов, соискателей, преподавателей вузов.
2. Объем статьи - 5-6 страниц (для аспирантов и соискателей), 11-12 страниц (для докторов, кандидатов наук).
3. Необходимо сдать дискету с электронным вариантом и распечатку на бумажном носителе (1 экземпляр). В материалы включить сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью), место работы или учебы (должность), ученая степень, ученое звание, домашний адрес, контактный телефон. К материалам аспирантов и докторантов приложить отзыв научного руководителя (консультанта) и рекомендацию кафедры, на которой выполняется работа.
4. Текст статьи оформляется в соответствии со следующими требованиями: 1) текстовый редактор Microsoft Word for Windows; 2) межстрочный интервал - 1, 5; 3) верхнее поле - 2 см, нижнее - 3 см, левое - 3 см, правое - 1,5 см; 4) шрифт Times New Roman; 5) кегль - 14; 6) страницы не нумеруются; 7) выравнивание по ширине; 8) перенос не задается.
5. Иллюстративный материал (слова, словосочетания, предложения) печатается курсивом без **кавычек**; семантика языковых единиц печатается обычным шрифтом и выделяется 'английскими кавычками': Речь. 'Способность говорить, говорение'; дефиниция слова, взятая из словаря, должна быть паспортизирована последующей ссылкой на словарь в примечаниях.
6. На первой строке у правого поля полужирным курсивом печатаются **сначала инициалы**, затем фамилия автора. Через строку по центру - название статьи прописными буквами полужирным шрифтом. Ссылки в тексте цифровые, сквозная нумерация в квадратных скобках. **Концевые сноски исключаются**. В конце статьи через строку прописными буквами полужирным шрифтом пишется ПРИМЕЧАНИЯ.
7. Редакционная коллегия оставляет за собой право не рассматривать материалы, оформленные без учета перечисленных требований. Присланные материалы не возвращаются. В случае принятия статьи условия публикации оговариваются с ответственным редактором.

Ответственный редактор серии «Русская филология» - доктор филологических наук профессор *Лекант Павел Александрович*, **зам. отв. редактора** - доктор филологических наук профессор *Шаповалова Татьяна Егоровна*.

Адрес редколлегии серии «Русская филология» «Вестника МГОУ»: 107005, г. Москва, ул. Ф. Энгельса, д. 21-а, МГОУ, комн. 105. Телефон (495) 265-08-07.